

... В ТЕНИ СИСТЕМЫ, ГДЕ ЛЮДИ — ЛИШЬ ПЕШКИ..

Теракт,
предательство,
погоня
за правдой...

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

ДЖАСТИН РИВЗ

Точка невозврата

Джастин Ривз

Содержание:

Пролог

Глава 1: Желтый свет

Глава 2: Золотая клетка

Глава 3: Чужая вина

Глава 4: Осколки

Глава 5: Тени прошлого

Глава 6: Индустрия страха

Глава 7: Человек со шрамом

Глава 8: След наемников

Глава 9: Создатели ненависти

Глава 10: Мать

Глава 11: Паутина лжи

Глава 12: Охота на ведьм

Глава 13: Схема расчеловечивания

Глава 14: Встреча с создателем

Глава 15: Жертва пешки

Глава 16: Цена прощения

Глава 17: Эхо

Пролог

Пыль была повсюду. Она не была похожа на обычную уличную грязь или песок. Это была взвесь из бетона, штукатурки и того, что еще секунду назад было жизнью. Она забивалась в нос, скрипела на зубах, оседала серой пудрой на ресницах. Но страшнее всего была тишина.

Ардин помнил этот стадион ревущим. Тысячи глоток, скандирующих кричалки, гул барабанов, свистки. Сейчас мир словно оглох. Звук выключили, оставив только картинку, дрожащую в мареве горячего воздуха. Он попытался встать, но ноги не слушались, словно связь между мозгом и телом была перерезана тупым ножом.

В метре от его руки лежал детский кроссовок. Ярко-синий, с белой подошвой и липучкой, которая уже начала отрываться. Ардин знал этот кроссовок. Он застегивал его сегодня утром, ворча, что они опаздывают.

— Пап, а мы купим мороженое? — голос сына прозвучал в голове так отчетливо, будто мальчик стоял за спиной.

Ардин резко обернулся, преодолевая тошноту. Никого. Только искореженный металл ограждения и серые фигуры, медленно поднимающиеся с земли, похожие на призраков. Звук возвращался рывками: сначала тонкий, сверлящий писк в ушах, затем — далекий вой сирен, и наконец — крики. Многоголосый, животный вой боли и ужаса, накрывший трибуну.

Он пополз вперед. Инстинкт полицейского, годами тренированный на местах преступлений, сейчас не работал. Не было ни оцепления, ни протокола, ни холодной отстраненности. Было только горящее желание найти. Найти Нату. Найти Эмира.

Бетонная плита перекрытия рухнула под углом, образовав подобие шалаша. Под ней виднелся край желтого платья. Ардин рванулся туда, сдирая кожу на ладонях о битое стекло и арматуру.

— Ната! — его собственный голос показался ему чужим, хриплым карканьем.

Он добрался до плиты. Попытался сдвинуть её, упираясь плечом, рыча от натуги, чувствуя, как трещат собственные связки. Бесполезно. Многотонный кусок мертвого камня не шелохнулся. Но в щель он мог видеть лицо.

Она не спала. Глаза были открыты, но смотрели сквозь него, в то серое небо, которое теперь затягивало черным дымом горящего пластика. На щеке не было ни царапины, только тонкая струйка пыли в уголке губ. Она выглядела спокойной, пугающе спокойной посреди этого ада.

Ардин протянул руку в щель, коснулся её пальцев. Холодные. Не ледяные, а просто остывающие, как камень после захода солнца.

— Нет, — прошептал он. — Нет, нет, нет.

Он начал лихорадочно оглядываться в поисках сына. Эмир должен быть рядом. Она всегда держала его за руку в толпе. Всегда.

Взгляд зацепился за что-то яркое в груди обломков чуть дальше. Тот самый синий кроссовок. Только теперь он был не один.

В этот момент время для Ардина остановилось окончательно. Мир вокруг продолжал двигаться: бежали медики в оранжевых жилетах, кто-то тащил носилки, полицейские кричали в рации. Но для него все замерло в одной точке. В точке, где его жизнь, наполненная планами на отпуск, ипотекой и спорами о том, в какую школу отдать ребенка, превратилась в пепел.

Он не помнил, как его оттаскивали. Не помнил, как кричал, пытаясь ударить санитаров, который мешал ему вернуться к плите. Он помнил только запах. Сладковатый, тошнотворный запах гари и крови, который навсегда въелся в его подкорку.

Позже, в больнице, ему сказали, что это был теракт. Спланированная акция устрашения. Кто-то решил, что жизни его жены и сына — это просто разменная монета в большой игре, цифры в статистике, необходимые для достижения политических целей. Ему говорили о расследовании, о возмездии, о том, что виновные будут найдены.

Ардин слушал их, глядя в белую стену палаты. Внутри него разрасталась черная дыра. Она поглотила боль, оставив вместо неё ледяную пустоту. Справедливость закона, в которую он верил, нося значок комиссара, рассыпалась в

прах на том стадионе. Закон не спас их. Закон не остановил тех, кто заложил взрывчатку.

Он вышел из больницы другим человеком. Ардин, который любил выходные с семьей, умер вместе с ними. Осталась оболочка, движимая единственной целью. Он найдет их. Он найдет каждого, кто имел отношение к этому дню. От того, кто нажал кнопку, до того, кто дал деньги.

Он еще не знал, что этот путь приведет его к перекрестку, где четыре разбитые жизни столкнутся, чтобы либо окончательно погибнуть, либо найти новый смысл. Он просто сел в машину, положил на соседнее сиденье заряженный пистолет и повернул ключ зажигания.

Дорога была пустой. Дождь смывал пыль с асфальта, но не мог смыть её с его души. Ардин нажал на газ.

Глава 1: Желтый свет

Дождь в Стамбуле не смывает грязь, он лишь размазывает её, превращая город в акварель, написанную сажей и машинным маслом. Капли барабанили по крыше старого «Форда», создавая ритм, который должен был усыплять, но вместо этого ввинчивался в виски тупой, пульсирующей болью.

Ардин сидел в машине, припаркованной в тупике за рыбным рынком в районе Каракёй. Двигатель был заглушен, но стекла запотели изнутри, отрезая его от внешнего мира мутной пеленой. В салоне пахло остывшим кофе, дешевым табаком и чем-то неуловимо затхлым — запахом человека, который давно перестал заботиться о себе.

Он не спал несколько суток. Время потеряло свою линейность, превратившись в вязкую субстанцию, где день и ночь различались лишь оттенком серого за окном. Бессонница стала его постоянным спутником, ревнивой любовницей, которая не отпускала ни на минуту. Стоило ему закрыть глаза, как темнота взрывалась вспышкой. Оглушительный хлопок, звон битого стекла и тот самый запах — сладковатый, тошнотворный запах горящего пластика и плоти.

Ардин потер лицо ладонями. Кожа была сухой, щетина колола пальцы. Он посмотрел на пассажирское сиденье. Там, на потертой обивке, лежал предмет, который удерживал его в этой реальности, не давая окончательно соскользнуть в безумие.

Детский кроссовок. Ярко-синий, тридцать второго размера, с белой подошвой и липучкой, на которой застрял комочек ворса от домашнего ковра.

Это было единственное, что он забрал с собой с того стадиона. Единственное, что осталось целым. Ардин протянул руку и коснулся прохладной синтетической ткани. Он помнил, как покупал эти кроссовки. Эмир хотел красные, но Ната настояла на синих, потому что они лучше подходили к школьной форме. Они спорили в магазине, смеялись, и этот спор казался тогда таким важным.

Теперь этот кроссовок был якорем. И одновременно — топливом для той черной печи, что горела у него в груди вместо сердца.

На коленях у Ардина лежала папка. Картон размок от влажности, края обтрепались. Внутри — фотографии, распечатки телефонных биллингов, схемы связей. Досье, которое он собирал последние три месяца. Досье, которое должно было стать его билетом к возмездию, но превратилось в эпитафию его профессионализму.

Он снова перевернул первую страницу, хотя знал её наизусть.

Фотография мужчины с рябым лицом. Кемаль «Резец». Мелкий посредник, занимавшийся логистикой для криминальных группировок. Именно его номер всплыл в цепочке звонков за два дня до теракта. Ардин нашел его через неделю после похорон. Нашел в морге. Два пулевых в затылок, тело сброшено в Босфор.

Следующая страница. Водитель фургона, доставивший «оборудование». Пропал без вести. Квартира пуста, следы зачищены профессионально, будто человека никогда не существовало.

Цепочка обрывалась. Каждый раз, когда Ардин думал, что нащупал нить, она рассыпалась пеплом в его руках. Кто-то очень могущественный, кто-то, стоящий на вершине этой пирамиды, аккуратно обрубал концы.

Ардин вспомнил свой последний день в участке. Это было после того, как он похоронил жену и сына. Он вошел в кабинет начальника управления, не постучав.

Шеф, грузный мужчина, с которым они когда-то вместе начинали в патруле, даже не поднял глаз от бумаг.

— Дело заморожено, Ардин, — сказал он тогда, и голос его звучал плоско, как стук молотка по дереву. — Недостаточно улик. Экспертиза не может установить тип взрывчатки. Свидетели путаются.

— Заморожено? — переспросил Ардин тихо. — Там погибло сорок человек. Моя жена. Мой сын. А ты говоришь мне про недостаток улик?

— Это приказ сверху, — шеф наконец посмотрел на него.

В его глазах была усталость и страх. Страх человека, который знает правду, но слишком дорожит своим креслом и пенсией.

— Дело передают в отдел по борьбе с терроризмом в Анкару. Они разберутся.

— Они похоронят его, — Ардин положил на стол свой жетон и табельное оружие. — Как похоронили всех остальных.

— Не делай глупостей, — шеф попытался встать. — Возьми отпуск. Полечись. Тебе нужна помощь психолога.

— Мне нужны имена, — отрезал Ардин. — И если закон не может мне их дать, я найду их сам.

Он ушел, хлопнув дверью так, что со стены упала грамота в рамке. Стекло разбилось. Звук был жалким подобием того взрыва, что звучал у него в голове, но он принес секундное удовлетворение.

С тех пор он стал призраком. Он продал квартиру, потому что не мог находиться в стенах, где каждый угол кричал о прошлом. Где на холодильнике все еще висел рисунок Эмира, а в ванной стоял шампунь Наты. Деньги ушли на информаторов, на взятки, на покупку нелегального оружия и этого старого «Форда», который стал его домом, штабом и склепом.

Ардин закрыл папку. Тупик. Он уперся лбом в руль. Холодный пластик охлаждал кожу.

Внезапно боковым зрением он уловил движение. Сквозь пелену дождя и запотевшее стекло, на тротуаре, среди спешащих прохожих, мелькнула знакомая фигура. Маленький рост, желтый дождевик, рюкзак с брелоком в виде космонавта.

Сердце Ардина пропустило удар, а затем забилось с бешеной скоростью, отдаваясь в ушах гулким набатом.

— Эмир? — выдохнул он.

Мальчик стоял на перекрестке, ожидая зеленого сигнала. Он повернул голову, и Ардину показалось, что он видит знакомый профиль, тот самый вздернутый нос, те самые вихры, которые невозможно было уложить.

Ардин рванул дверную ручку. Дверь поддалась с трудом, петли заскрипели. Он вывалился под дождь, не чувствуя холода. Вода мгновенно пропитала рубашку, но ему было плевать.

— Эмир! — закричал он, бросаясь через дорогу, не глядя по сторонам.

Визг тормозов. Капот такси остановился в сантиметре от его бедра. Водитель высунулся из окна, изрыгая проклятия, но Ардин даже не повернул головы. Он бежал к тротуару, расталкивая прохожих, скользя подошвами по мокрой брусчатке.

Мальчик в желтом дождевике начал переходить улицу. Ардин нагнал его, схватил за плечо, разворачивая к себе.

— Сынок...

Ребенок испуганно отшатнулся. Из-под капюшона на него смотрели чужие глаза. Карие, испуганные, совершенно чужие. Это был не Эмир. Другое лицо, другой разрез глаз, другой ребенок.

— Отпустите меня! — пискнул мальчик, вырываясь.

К ним уже спешила женщина с зонтом, видимо, мать. Она ударила Ардина сумкой по руке, крича что-то о полиции и маньяках.

Ардин отступил. Реальность обрушилась на него с новой силой, тяжелая, как бетонная плита. Галлюцинация рассеялась, оставив после себя лишь горечь во рту и дрожь в руках.

— Простите, — прохрипел он, пятясь назад. — Я обознался. Простите.

Он развернулся и побрел обратно к машине, сутулясь под тяжестью невидимого груза. Люди смотрели ему вслед — кто с опаской, кто с безразличием. Для них он был просто очередным городским сумасшедшим, пьяницей или

наркоманом, потерявшим человеческий облик. Никто не видел в нем бывшего комиссара полиции, одного из лучших следователей отдела убийств. Никто не видел отца, у которого вырвали сердце.

Вернувшись в машину, Ардин долго сидел неподвижно, глядя, как капли стекают по стеклу. Его руки тряслись так сильно, что он с трудом смог достать из бардачка пузырек с таблетками. Сильные транквилизаторы, которые выписал ему знакомый врач «по старой дружбе». Он вытряхнул на ладонь две капсулы, проглотил их всухую. Они не давали сна, но хотя бы притупляли остроту галлюцинаций, делали мир немного более ватным, отдаленным.

Он завел двигатель. Старый мотор чихнул, но заработал, наполняя салон вибрацией. Нужно было ехать. Куда? Неважно. Главное — движение. Статика убивала его. Когда он останавливался, мысли начинали пожирать его заживо.

Ардин выехал на набережную. Город жил своей жизнью. Витрины магазинов сияли, зазывая покупателей. В ресторанах люди ели, пили вино, смеялись. Парочки целовались под зонтами. Эта нормальность казалась ему оскорбительной. Как они могут смеяться? Разве они не знают, что мир закончился несколько месяцев назад? Разве они не чувствуют запах гари?

Он ненавидел этот город. Ненавидел эти улицы, которые стали декорацией к его трагедии. Ненавидел систему, которой служил пятнадцать лет и которая предала его в самый страшный момент.

Взгляд упал на бардачок. Там, под ворохом неоплаченных штрафов и старых карт, лежал пистолет. «Глок» со стертым серийным номером. Он купил его на черном рынке неделю назад. Семнадцать патронов в магазине. Один в стволе.

Ардин часто думал об этом восемнадцатом патроне. Он представлял, как холодный металл ствола касается виска. Как палец медленно давит на спусковой крючок. Это было бы так просто. Щелчок — и темнота. Никакой боли, никаких воспоминаний, никаких синих кроссовок.

Но он не мог.

— Я найду их, Ната, — прошептал он в пустоту салона. — Я найду их всех.

Слова прозвучали жалко и неубедительно. Он знал, что врет сам себе. След остыл. Он уперся в стену. Те, кто организовал взрыв, были недостижимы. Они

сидели в высоких кабинетах, ездили в бронированных лимузинах и, вероятно, даже не помнили о том дне. Для них это была просто операция, строка в бюджете, политический ход.

Отчаяние накатило черной волной. Ардин ударил кулаком по рулю. Сигнал клаксона прозвучал как крик раненого зверя.

Он вдавил педаль газа. «Форд» рванул вперед, обгоняя поток. Спидометр показывал восемьдесят, девяносто, сто. Мокрый асфальт блестел в свете фонарей, превращаясь в черное зеркало.

Ардин не боялся аварии. Смерть не пугала его. Он уже был мертв, просто его тело забыло остановиться. Он лавировал между машинами, подрезая дорогие иномарки и неповоротливые автобусы. В этом риске, в этом балансировании на грани было что-то наркотическое. Единственный момент, когда он чувствовал себя живым — это когда был на волосок от гибели.

Впереди показался крупный перекресток. Светофор мигал зеленым, предупреждая о скорой смене сигнала. Обычный водитель начал бы тормозить. Ардин лишь крепче сжал руль.

Зеленый погас. Загорелся желтый.

Желтый свет. Цвет предупреждения. Цвет неопределенности. Момент между «можно» и «нельзя», между жизнью и смертью.

В голове снова всплыл образ сына. Не того, чужого мальчика в дождевике, а настоящего Эмира. Его улыбка, когда он забивал гол во дворе. Его теплые руки, обнимающие за шею.

— Папа, смотри, я лечу! — кричал он, когда Ардин подбрасывал его в воздух.

Слезы застилали глаза, размывая огни города в сплошные полосы света. Ардин не вытирал их. Он смотрел на приближающийся перекресток как на избавление.

Желтый свет горел, словно глаз хищника, наблюдающего за жертвой.

Ардин не убрал ногу с педали газа. Наоборот, он вдавил её в пол до упора. Двигатель взревел, набирая максимальные обороты. Стрелка тахометра ушла в красную зону.

Если судьба хочет забрать его — пусть забирает сейчас. Если нет — пусть даст знак. Пусть случится хоть что-то, что разорвет этот порочный круг тишины и бессилия. Ему нужен был удар, который либо уничтожит его, либо встряхнет этот проклятый мир, заставив шестеренки судьбы вращаться в другую сторону.

Он влетел на перекресток в тот самый момент, когда желтый сменился красным. Мир вокруг замедлился. Слева и справа поток машин уже начал движение. Фары, гудки, визг тормозов — все это слилось в одну симфонию катастрофы.

Ардин не закрыл глаза. Он смотрел прямо перед собой, в черную бездну ночи, и на его губах застыла странная, страшная улыбка человека, которому больше нечего терять.

В салоне, на соседнем сиденье, от резкого рывка синий детский кроссовок соскользнул на пол, перевернувшись подошвой вверх.

Глава 2: Золотая клетка

Тишина в особняке на холмах Сарыера имела свойство давить на уши. Это была не та умиротворяющая тишина, которая опускается на дом, когда дети засыпают, а тяжелая, ватная беззвучность, свойственная музеям или дорогим частным клиникам. Здесь, среди мрамора, венецианской штукатурки и дизайнерской мебели, звук шагов поглощался коврами ручной работы еще до того, как успевал родиться.

Селин стояла у панорамного окна в гостиной, глядя на свинцовые воды Босфора. Стекло было бронированным. Как и двери. Как и ворота периметра. Дом, который глянцевые журналы называли «архитектурным шедевром» и «семейным гнездом бизнесмена года», для неё давно превратился в изолятор временного содержания с пятизвездочным обслуживанием.

Она поднесла к губам чашку с остывшим чаем, но пить не стала. Руки дрожали. Едва заметно, мелкой противной дрожью, которую невозможно унять усилием воли. Селин знала: камеры это видят. Они были везде. Крошечные объективы,

замаскированные под датчики дыма, спрятанные в лепнине, встроенные в глаза плюшевых медведей в детской.

Её муж, Демир, называл это «протоколом безопасности». Он говорил о конкурентах, о киднеппинге, о нестабильной ситуации в стране. Но Селин знала правду. Охрана защищала дом не от внешнего мира. Она защищала мир Демира от побега его собственной жены.

Дверь кабинета на втором этаже открылась. Селин не обернулась, но спиной почувствовала, как изменилась атмосфера в комнате. Воздух стал гуще, наэлектризованнее.

— Селин, зайди, пожалуйста, — голос мужа звучал мягко, почти ласково. Тот самый тон, которым говорят с тяжелобольными или неразумными детьми.

Она поставила чашку на столик. Фарфор звякнул о стекло слишком громко. Вдох-выдох. Она поправила идеально уложенные волосы и поднялась по лестнице.

В кабинете пахло кожей, дорогим табаком и чем-то еще — резким, медицинским, похожим на антисептик. Демир сидел за массивным столом из красного дерева. Рядом с ним, в кресле для посетителей, расположился человек, которого Селин видела впервые. Сухой, с колючим взглядом и тонкими губами, он напоминал хищную птицу, высматривающую падаль.

— Познакомься, дорогая, — Демир указал на гостя ладонью. — Это господин Озер. Юрист и консультант по вопросам... семейной безопасности.

Господин Озер не встал. Он лишь кивнул, сканируя Селин взглядом, от которого захотелось пойти в душ и тереть кожу мочалкой до крови.

— Присаживайтесь, госпожа Селин, — произнес он. Голос был скрипучим, лишенным интонаций.

Селин села на край дивана, сцепив руки на коленях.

— О чем речь? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Демир вздохнул. Он выглядел уставшим, страдающим. Идеальный актер в театре одного зрителя.

— Мы беспокоимся о тебе, Селин. Я беспокоюсь. Твое поведение в последние месяцы... оно пугает.

— Мое поведение? — она вскинула брови. — Ты имеешь в виду то, что я перестала улыбаться на твоих приемах? Или то, что я прошу уволить водителя, который докладывает тебе о каждой моей покупке прокладок?

— Видите? — Демир повернулся к Озеру, словно ища поддержки. — Агрессия. Отрицание реальности. Типичная картина.

Озер медленно извлек из портфеля толстую папку. На обложке не было имени, только номер и синяя печать какой-то организации с длинным, сложным названием, включающим слова «центр», «анализ» и «безопасность».

— Госпожа Селин, — начал Озер, открывая папку. — Нам известно, что вы регулярно посещаете собрания группы «Новый горизонт».

— Это группа психологической поддержки для женщин, выросших в детских домах, — отрезала Селин. — Мы пьем чай и обсуждаем, как пережить детские травмы. Это преступление?

— Это вербовочная структура, — Озер произнес это так, будто забивал гвоздь. — Деструктивный культ, использующий псевдопсихологические методики для разрушения личности и отчуждения адептов от семьи.

Селин рассмеялась. Смех получился нервным, ломаным.

— Вы серьезно? Там пять домохозяек и психолог-волонтер. Мы говорим о том, как трудно доверять людям.

— Вот именно, — Озер постучал пальцем по документу. — «Разрушение доверия к близким». «Формирование образа врага в лице супруга». «Внедрение чуждых ценностей». У нас есть заключение экспертов.

Он пододвинул папку к ней. Селин взглянула на верхний лист. Это был «Комплексный психолого-религиоведческий анализ». Текст пестрел терминами: «индуцированный психоз», «социальная дезориентация», «зависимое расстройство личности».

— Это бред, — прошептала она. — Кто это писал? Они даже не говорили со мной.

— Это писали уважаемые специалисты, — жестко сказал Демир. — Люди, которые спасли сотни семей от таких вот... кружков. Селин, ты больна. Тебя

запрограммировали. Ты не понимаешь, что творишь. Ты стала угрозой для нашей дочери.

При упоминании дочери внутри у Селин все похолодело.

— Не смей, — тихо сказала она. — Не смей трогать Айлин.

— Я обязан её защитить, — Демир встал и подошел к окну. — Согласно этому заключению, твое нахождение рядом с ребенком опасно. Ты можешь вовлечь её в культ. Или причинить вред в состоянии аффекта.

— Ты хочешь забрать у меня дочь? — Селин тоже встала. Ноги были ватными.

— Я хочу тебя вылечить, — он повернулся. В его глазах не было любви, только холодный фанатизм человека, который нашел удобное оправдание своей жестокости. — Господин Озер порекомендовал отличную клинику. Закрытого типа. Там лучшие специалисты по депрограммированию. Поживешь там пару месяцев, придешь в себя. Очистишься от этой грязи.

— А если я откажусь?

Озер деликатно кашлянул.

— Тогда, госпожа Селин, дело будет передано в суд. С таким заключением экспертизы, — он кивнул на папку, — ни один судья не оставит ребенка матери. Вас признают недееспособной. Ограничат в правах. Это будет громко, грязно и навсегда. Вы больше никогда не увидите дочь без надзора санитаров.

Селин смотрела на них — на мужа, с которым прожила семь лет, и на наемного палача в дорогом костюме. Она видела, как работает этот механизм. Демир не просто хотел развода или контроля. Ему нужно было полное уничтожение её личности. Ему нужно было, чтобы она сама поверила в свое безумие.

Это была не просто семейная ссора. Это была казнь, оформленная по всем правилам бюрократии. Два тома бреда, скрепленные печатями несуществующих институтов, весили больше, чем вся её жизнь, чем её любовь к дочери, чем её вменяемость.

— Мне нужно подумать, — сказала она, отступая к двери.

— Конечно, — кивнул Демир. — У тебя есть время до утра. Завтра приедет машина из клиники. Вещи собирать не нужно, там все выдадут.

Она вышла из кабинета, чувствуя спиной их взгляды. Спускаясь по лестнице, она слышала, как Озер что-то тихо говорит Демиру, и тот согласно угукает. Они обсуждали её, как сломанный прибор, который нужно сдать в ремонт или утилизировать.

В своей спальне Селин прислонилась спиной к двери и сползла на пол. Паника накатывала волнами, перехватывая горло. Завтра. У неё есть время только до завтра.

Она подползла к окну. Во дворе, у ворот, стоял черный внедорожник охраны. Еще один патрулировал периметр. Демир не шутил. Он действительно превратил дом в тюрьму.

Взгляд упал на тумбочку. Там лежала фотография: она и Айлин на пикнике прошлым летом. Девочка смеялась, обнимая мать за шею. Шесть лет. Ей всего шесть лет. Если Селин увезут в клинику, Айлин останется с отцом и этим Озером. Ей расскажут, что мама сошла с ума, что мама в секте, что мама опасна. Они сломают психику ребенку так же методично, как ломают жизнь ей.

Бежать.

Мысль была ясной и острой, как лезвие. Но как? У неё забрали паспорт еще неделю назад — «для переоформления визы». Ключи от её машины лежали в сейфе Демира. Телефон, скорее всего, прослушивается, а геолокация транслируется прямо на планшет начальника охраны.

Селин встала и подошла к гардеробной. Нужно действовать быстро. Она сбросила домашнее платье, натянула джинсы и темный свитер. Никаких украшений. Никаких карт — только наличные, которые она тайком откладывала с хозяйственных расходов и прятала в коробке из-под тампонов. Смешная сумма, но на бензин и пару ночей в мотеле хватит.

Главная проблема — транспорт.

Она выглянула в коридор. Пусто. Прислуга в это время обычно находится в крыле для персонала, готовит ужин.

Селин на цыпочках прошла по коридору к черной лестнице. Сердце колотилось так, что казалось, ребра сейчас треснут. Каждый скрип паркета звучал как выстрел.

Внизу, в подсобном помещении рядом с гаражом, висела ключница для персонала. Там хранились ключи от хозяйственных машин, газонокосилок и личных автомобилей прислуги.

Селин знала, что у новой горничной, Лейлы, есть старенький «Фиат». Лейла часто жаловалась, что он барахлит, но это был единственный шанс. Машины Демира и её собственный внедорожник были напичканы электроникой и спутниковыми метками. Старый «Фиат» был невидимкой.

Она добралась до подсобки. Ключница висела на стене. Вот он — брелок с потертым плюшевым зайцем. Селин схватила ключи, сжав их в кулаке так, что металл врезался в кожу.

Теперь самое сложное. Айлин.

Детская находилась на втором этаже, в противоположном крыле. Селин нужно было вернуться, разбудить дочь (она уже спала), одеть её и незаметно вывести через черный ход.

Она уже поставила ногу на первую ступеньку лестницы, когда услышала голоса. Они доносились из холла.

— ...да, господин Демир приказал усилить пост у детской, — это был голос начальника охраны, грубый бас. — Никого не впускать и не выпускать. Даже мать. Особенно мать.

— Понял, — ответил второй охранник. — А если она попытается?

— Блокируйте дверь и вызывайте меня. Применять силу разрешено, но без следов. Она должна выглядеть невменяемой, а не избитой.

Селин замерла. Кровь отхлынула от лица.

Они перекрыли доступ к Айлин. Прямо сейчас у двери детской стоит вооруженный человек. Если она поднимется туда, её схватят. Поднимется шум. Демир спустится, вызовет врачей, вколет ей успокоительное, и она проснется уже в палате с мягкими стенами.

Она не сможет забрать дочь. Не сегодня.

Осознание этого факта было страшнее физической боли. Оно разрывало внутренности, выкручивало суставы. Оставить ребенка с этими монстрами? Уехать одной?

Селин прижалась лбом к холодной стене. Слезы текли по щекам, но она не издавала ни звука.

Если она останется, их обеих уничтожат. Её превратят в овощ, а Айлин воспитают в ненависти к матери. Если она сбежит одна... у неё будет шанс. Шанс найти адвоката, поднять шум в прессе, пройти независимую экспертизу. Шанс бороться.

Но сейчас, в эту секунду, это выглядело как предательство. Самое страшное предательство, которое может совершить мать.

Голоса охранников приближались. Они шли проверять периметр.

Времени на раздумья не осталось. Селин поняла, что если её найдут здесь, с ключами в руках, в уличной одежде — это будет конец. Побег будет расценен как доказательство её безумия.

Она развернулась и побежала к двери, ведущей в малый гараж.

«Фиат» стоял в углу, пыльный и неприметный рядом с блестящими «Мерседесами». Селин скользнула на водительское сиденье. Замок зажигания поддался не сразу. Она молилась всем богам, в которых верила и не верила, чтобы мотор завелся.

Двигатель чихнул и затарахтел. Громко. Слишком громко для этого склепа.

Ворота малого гаража открывались с пульта, который лежал в бардачке — Лейла всегда оставляла его там. Селин нажала кнопку. Створки начали медленно ползти вверх.

В зеркале заднего вида она увидела, как открылась дверь из дома. В гараж вбежал охранник. Он что-то кричал в рацию, выхватывая пистолет.

— Стоять! — его крик перекрыл шум мотора.

Селин вдавила педаль газа. Машина рванула с места, визжа покрышками по наливному полу. Она не стала ждать, пока ворота откроются полностью. «Фиат»

снес нижнюю секцию ворот с грохотом, от которого заложило уши. Лобовое стекло покрылось паутиной трещин, но устояло.

Она вылетела на подъездную аллею. Сзади уже были сирены. Охрана Демира реагировала мгновенно.

Дождь хлестал по стеклу, дворники не справлялись. Селин не видела дороги, она вела машину на инстинктах, на чистом адреналине. Вниз по серпантину, прочь от холмов, прочь от золотой клетки.

Телефон в кармане завибрировал. На экране высветилось имя: «Муж».

Она не ответила. Она знала, что он скажет. Он будет угрожать, умолять, обещать. Он скажет, что она бросила ребенка.

— Я вернусь за ней, — прокричала она в пустоту салона, перекрывая шум дождя и собственного плача. — Я клянусь, я вернусь за ней!

Впереди показались огни шоссе. Ей нужно было затеряться в потоке, раствориться в городе. Но в зеркале заднего вида уже маячили фары преследователей. Два черных джипа, хищные, быстрые, мощные. Они нагоняли её старенькую малолитражку.

Селин поняла, что по прямой ей не уйти. Нужно было что-то безумное. Что-то, чего они не ожидают.

Она резко выкрутила руль вправо, срезая путь через заправку, едва не сбив стойку с ценами. Джипы пролетели мимо, не успев затормозить, но тут же начали разворачиваться.

Гонка продолжалась. Селин чувствовала себя загнанным зверем. Страх ушел, уступив место холодной ярости. Они отняли у неё дом. Отняли имя. Пытаются отнять дочь. Но свободу она им не отдаст.

Она выехала на набережную. Здесь движение было плотнее. Огни города сливались в сплошные полосы. Спидометр показывал сто двадцать. Машину трясло, руль вырывался из рук.

Впереди замаячил тот самый перекресток. Светофор мигал желтым.

Селин увидела, как слева, наперерез потоку, несется другой автомобиль — старый «Форд», водитель которого, казалось, тоже искал смерти.

В этот момент она поняла, что тормозить поздно. Джипы охраны были в пятидесяти метрах сзади. Если она остановится — её заблокируют.

Она нажала на газ, пролетая на красный.

Мир сузился до одной точки. До точки, где траектории четырех судеб, четырех болей и четырех отчаяний сходились в геометрическом центре перекрестка.

Последнее, что она увидела перед ударом — это детский синий кроссовок, который почему-то медленно, словно в невесомости, проплыл в воздухе за окном чужой машины, в которую она врезалась.

Звук удара был не таким, как в кино. Он был глухим, нутряным, похожим на хруст ломающихся костей гигантского животного. А потом наступила темнота, в которой не было ни мужа, ни экспертов, ни страха. Только тишина, наконец-то настоящая тишина.

Глава 3: Чужая вина

Стекло в окне двадцать пятого этажа бизнес-центра «Алмаз» было холодным, как и все в этом кабинете. Мира прижалась лбом к прозрачной поверхности, глядя на расплывающиеся огни ночного Стамбула. С этой высоты город казался схемой, начерченной электричеством на черном бархате: артерии дорог, узлы развязок, темные пятна парков. Где-то там, внизу, люди спешили домой, ужинали, ссорились, любили. Здесь же, в святая святых юридической империи её отца, царила стерильная тишина, нарушаемая лишь гудением сервера в соседней комнате.

Мира посмотрела на часы. Половина первого ночи. Охрана внизу сменилась сорок минут назад. Новый начальник смены, молодой парень, которого она знала по имени, пропустил её без вопросов — «дочь босса» имела свои привилегии, даже если босс об этом не знал.

Она отошла от окна и вернулась к сейфу, скрытому за панелью из красного дерева. Пальцы слегка дрожали, когда она набирала комбинацию. День рождения отца. День основания фирмы. День смерти матери. Ничего.

— Черт, — выдохнула она, откидывая назад прядь темных волос.

Отец был педантом. Он не использовал банальные пароли. Но у каждого педанта есть слабость — уверенность в том, что никто не посмеет вторгнуться в его пространство. Мира знала, что документы о ДТП десятилетней давности, в котором погибла её мать, не исчезли. Официальная версия гласила: «несчастный случай, потеря управления на скользкой дороге». Но неделю назад, разбирая старые коробки на чердаке дома, Мира нашла странную квитанцию из частной клиники, датированную днем смерти матери. И записку, написанную почерком отца: «Вопрос закрыт. Свидетелей нет».

Это не давало ей покоя. Она училась на юридическом не для того, чтобы защищать корпоративных акул, как хотел отец, а чтобы понимать, как работает механизм правды и лжи. И сейчас этот механизм работал против неё.

Она попробовала еще одну комбинацию. Цифры с номера первой машины отца. Щелчок. Зеленый огонек мигнул, и тяжелая дверца подалась вперед.

Внутри лежали стопки папок, перетянутые резинками. Наличность — доллары и евро в банковских упаковках. Бархатная коробочка с часами. Мира начала перебирать бумаги, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Договоры купли-продажи земли, отчеты о слияниях, какие-то расписки.

Внезапно в коридоре послышался звук. Негромкий, глухой удар, словно что-то тяжелое упало на ковролин.

Мира замерла. Сердце пропустило удар и забилось где-то в горле. В офисе никого не должно было быть. Уборщицы приходили утром. Охрана сидела в лобби на первом этаже.

Она тихо прикрыла дверцу сейфа, не запирая её, и выключила настольную лампу. Кабинет погрузился в полумрак, разбавляемый лишь светом города из окна.

Шаги. Теперь она слышала их отчетливо. Кто-то шел по коридору, не скрываясь, но и не топая. Шаги были быстрыми, нервными.

Мира скользнула под массивный дубовый стол. Там пахло полиролью и пылью. Она подтянула колени к груди, стараясь не дышать.

Дверь кабинета распахнулась. Полоса света из коридора разрезала темноту. На пороге возник силуэт. Мужчина. Среднего роста, в темной куртке с капюшоном, натянутым на глаза. В руке он держал что-то темное и тяжелое.

Пистолет.

Мира зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Это не был охранник. Это был грабитель. Или убийца.

Мужчина вошел в кабинет, быстро оглядываясь. Он двигался дергано, словно находился под воздействием адреналина или страха.

— Где же ты... где... — пробормотал он хриплым голосом.

Он подошел к столу. Мира видела его ноги в грубых ботинках, забрызганных грязью. Он явно знал, куда идти. Он знал про сейф.

Мужчина обошел стол и увидел приоткрытую дверцу сейфа.

— Есть, — выдохнул он с облегчением, которое тут же сменилось напряжением. — Открыто?

Он потянулся к сейфу, и в этот момент его взгляд упал вниз. На туфли Миры, которые она не успела спрятать достаточно глубоко.

Их глаза встретились.

В полумраке она увидела его лицо — молодое, с резкими чертами, искаженное страхом не меньше, чем её собственное. В его глазах не было холодной жестокости профессионала. Там была паника загнанного зверя.

— Не двигайся! — крикнул он, направляя на неё пистолет. Рука с оружием ходила ходуном.

Мира медленно подняла руки, выбираясь из-под стола.

— Я ничего не сделаю, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Забирай деньги и уходи. Я не видела твоего лица.

— Ты... ты кто такая? — он отступил на шаг, не опуская оружия. — Здесь не должно быть никого! Они сказали, офис пустой!

— Я дочь владельца, — Мира медленно выпрямилась. — Послушай, тебе не нужны проблемы. Просто уйди.

Раян чувствовал, как пот течет по спине холодной струйкой. Все пошло не так. Абсолютно все.

Полгода. Ровно шесть месяцев он дышал воздухом свободы. Он обещал себе, обещал матери, обещал Богу, которого нашел в тюремной библиотеке между страниц Евангелия, что больше никогда не возьмет чужого. Он работал на стройке, таскал мешки с цементом, стирая руки в кровь, лишь бы приносить домой чистые деньги.

Но прошлое не отпускает так просто. Долги отца, старого игромана, который давно сгнил в могиле, повисли на Раяне. «У тебя неделя, — сказали ему люди с золотыми цепями и мертвыми глазами. — Или мы придем к твоей матери».

Сумма была неподъемной. Единственный выход, который они предложили — «простая работа». Зайти в офис, забрать пакет из сейфа. «Никакого риска, парень. Охрана куплена, сигнализация отключена. Зайдешь, возьмешь, выйдешь. И мы в расчете».

И вот он здесь. С пистолетом, который ему сунули в руки перед входом («для уверенности, стрелять не придется»), перед девушкой, которая смотрит на него не как на врага, а как на ошибку природы.

— Отойди от стола, — скомандовал Раян. Ему нужно было просто забрать деньги и уйти. Долг. Мать. Свобода.

Мира сделала шаг в сторону. Её взгляд метнулся к тяжелому пресс-папье на краю стола.

— Не делай глупостей, — предупредил Раян, заметив её взгляд. — Я не хочу стрелять.

— Ты и не выстрелишь, — тихо сказала она. — Я вижу. Ты боишься этого пистолета больше, чем я.

Она была права. Оружие жгло ладонь. Он ненавидел насилие. Тюрма научила его, что сила — это не кулаки и не стволы. Сила — это способность остаться человеком, когда тебя пытаются превратить в животное. А сейчас он сам, своими руками, разрушал все, во что верил.

Раян потянулся к сейфу левой рукой, не сводя глаз с девушки. Он нащупал пачки денег. Плевать на пакет, денег хватит, чтобы откупиться.

В этот момент Мира решилась. Она не могла позволить ему забрать содержимое сейфа — не деньги, а те папки, которые могли содержать правду о её матери. Если он заберет все, она потеряет шанс узнать истину навсегда.

Она рванулась вперед, хватая его за руку с пистолетом.

— Нет!

Это было глупо. Безрассудно. Инстинктивно.

Раян дернулся от неожиданности. Он попытался вырвать руку, не нажимая на курок, но палец, лежавший на спусковом крючке, рефлексивно сжался от рывка.

Грохот выстрела в замкнутом пространстве показался взрывом гранаты.

Вспышка ослепила их обоих. Мира вскрикнула и отлетела назад, ударившись спиной о книжный шкаф. Она сползла на пол, хватаясь за левое плечо. Сквозь пальцы, поверх белой блузки, начала быстро проступать темная, густая кровь.

Раян застыл. Звон в ушах перекрывал все звуки. Пистолет выпал из его ослабевшей руки и с глухим стуком ударился об пол.

— Нет... — прошептал он. — Нет, нет, нет!

Он смотрел на девушку. Её лицо побелело, губы дрожали. Она с ужасом смотрела на свою руку, окрашивающуюся в красное.

В голове Раяна пронеслись сценарии. Сценарий первый: бежать. Схватить деньги и бежать. Никто не видел его лица, кроме неё. Камеры в коридоре он заклеил. Если он уйдет сейчас, у него есть шанс исчезнуть. Сценарий второй: тюрма. Если он останется, его возьмут. Вооруженное ограбление, нанесение тяжких телесных. Это десять лет минимум. Для рецидивиста — пятнадцать. Конец жизни. Мать останется одна.

Он сделал шаг к двери. Тело требовало спасения. Инстинкт самосохранения вопил: «Беги, дурак!».

Мира издала тихий стон.

— Помоги... — прошептала она, глядя на него. В её взгляде не было обвинения, только боль и удивление.

Раян остановился. Он вспомнил слова брата Ильяса, с которым они читали Библию в камере: «Каждый выбор — это кирпич. Ты строишь либо стену, либо мост».

Если он уйдет сейчас, он убьет её. Кровь текла слишком быстро. Пока охрана поднимется, пока вызовут скорую... Она истечет кровью. И тогда он станет не просто вором, а убийцей. Тем, кем его считал отец. Тем, кем его считало общество.

Но он не был им.

Раян резко развернулся. Он подбежал к Мира, упал на колени рядом с ней.

— Тише, тише, — забормотал он, срывая с себя куртку. — Сейчас, сейчас...

Он прижал скомканную куртку к её ране. Мира вскрикнула от боли.

— Надо давить, — сказал он, глядя ей в глаза. — Прости меня. Прости, пожалуйста. Мы едем в больницу.

— Ты... ты не убежишь? — спросила она, с трудом фокусируя взгляд.

— Я уже прибежал, — горько усмехнулся он.

Он подхватил её на руки. Она была легкой, но обмякшей. Раян поднялся, чувствуя, как её кровь пропитывает его футболку, смешиваясь с его потом. Теперь они были связаны. Одной кровью, одной бедой.

Он вынес её в коридор, к грузовому лифту. Кнопка вызова горела красным глазом.

— Держись, — шептал он, пока кабина ползла вниз. — Не закрывай глаза. Как тебя зовут?

— Мира, — выдохнула она.

— Я Раян. Мира, слушай меня. Ты не умрешь. Я не дам тебе умереть.

Они вышли через черный ход, миновав пост охраны. Дождь на улице лил стеной, смывая следы, но не смывая вину. Старый «Опель» Раяна стоял в переулке. Он уложил Миру на заднее сиденье, подложив под голову свою сумку — ту самую, в которую собирался сложить деньги. Денег там не было. Там лежали только его документы и фотография матери.

Раян прыгнул за руль. Руки тряслись, ключ не попадал в замок зажигания.

— Давай же! — закричал он, ударяя по рулю.

Мотор взревел. Он выжал сцепление, врубил передачу и рванул с места, едва не снеся мусорные баки.

До ближайшей больницы было пятнадцать минут езды. В такую погоду — двадцать. У них не было двадцати минут.

Раян гнал машину, нарушая все мыслимые правила. Он подрезал таксистов, проскакивал на мигающий желтый, выезжал на встречную. В зеркале заднего вида он видел бледное лицо Миры. Она смотрела в потолок, губы шевелились. Может, молилась. Может, прощалась.

— Не смей отключаться! — кричал он ей. — Мира! Говори со мной!

— Больно... — донеслось с заднего сиденья.

— Знаю. Терпи. Мы почти приехали.

Дождь усиливался, превращая лобовое стекло в водопад. Дворники метались, как сумасшедшие, но не справлялись. Город превратился в размытое пятно.

Раян чувствовал странное спокойствие. Страх тюрьмы ушел. Осталась только цель. Довезти. Спасти. Это было важнее свободы. Это было единственным, что имело смысл в его исковерканной жизни. Впервые за долгие годы он чувствовал, что поступает правильно, даже совершая преступление.

Впереди показался большой перекресток. Светофор горел зеленым для него. Раян немного сбавил скорость, но не остановился. Дорога была пустой... или так ему казалось сквозь пелену дождя.

Он въехал на перекресток, уверенный в своем праве.

И в этот момент мир взорвался светом и звуком.

Слева, со стороны набережной, вылетел черный силуэт. Огромный, быстрый, неотвратимый. Это был внедорожник, несущийся на красный свет. А за ним, словно тень, летела другая машина.

Раян увидел их за долю секунды до удара. Он увидел искаженное лицо женщины за рулем маленького «Фиата», которая пыталась уйти от столкновения с джипом, но её занесло прямо на него. И он увидел другую машину — старый «Форд», который летел перпендикулярно, словно снаряд, выпущенный самой судьбой.

Время растянулось. Раян успел подумать не о себе. Он подумал о Мире на заднем сиденье.

Он резко выкрутил руль вправо, подставляя под удар водительскую сторону, свою сторону, чтобы защитить пассажира.

— Держись! — заорал он, хотя крик потонул в визге тормозов.

Удар был чудовищным.

Сначала «Форд» врезался в «Фиат», превращая обе машины в груды металла. От инерции удара «Фиат» отбросило, и он, вращаясь волчком, влетел в бок «Опеля» Раяна.

Машину подбросило. Мир перевернулся. Асфальт, небо, огни фонарей — все смешалось в калейдоскопе разрушения. Стекла брызнули внутрь салона тысячами алмазных осколков. Металл скрежетал, разрываясь, как бумага.

Раян почувствовал, как что-то тупое и тяжелое ударило его в грудь, выбивая воздух. Голова мотнулась, ударившись о стойку. Темнота накрыла его мгновенно, но перед тем, как сознание погасло, он успел увидеть странную деталь.

Сквозь разбитое лобовое стекло, в свете фар, медленно, словно в невесомости, падал на мокрый асфальт маленький предмет, вылетевший из другой машины.

Синий детский кроссовок.

Он упал в лужу, прямо перед капотом его разбитого «Опеля», ярким пятном на сером полотне трагедии.

Затем наступила тишина. Не абсолютная, а звенящая, наполненная шипением пара из пробитых радиаторов и далеким, нарастающим воем сирен.

В искореженном салоне, на заднем сиденье, Мира открыла глаза. Боль в плече ушла, сменившись онемением всего тела. Она видела перед собой спинку водительского кресла, вдавленную внутрь. Она видела руку Раяна, безвольно свисающую вдоль тела. С его пальцев капала кровь. Не её кровь. Его собственная.

Она попыталась пошевелиться, но не смогла. Её зажало между сиденьями.

— Раян... — прошептала она.

Ответа не было.

Снаружи, сквозь разбитое окно, доносились крики. Кто-то бежал к машинам. Кто-то звал на помощь. Дождь продолжал лить, смывая кровь с асфальта, смешивая её с бензином и грязью, объединяя жидкости четырех людей, которые еще минуту назад не знали о существовании друг друга, а теперь стали частью одной кровавой мозаики.

Мира повернула голову и увидела через пролом в двери соседнюю машину. Там, за рулем, сидел мужчина. Его голова лежала на руле, а рука тянулась к пассажирскому сиденью, словно пытаясь что-то схватить. Что-то, чего там уже не было.

Сознание Миры начало уплывать. Последнее, что она почувствовала — это запах. Резкий, тошнотворный запах гари, бензина и мокрой пыли. Запах катастрофы, который теперь навсегда станет запахом её жизни.

На перекрестке, под мигающим желтым светофором, замерли четыре разбитые судьбы, сплетенные в узел из металла и боли, который никому из них уже не удастся разрубить.

Глава 4: Осколки

Белый свет люминесцентных ламп был хуже темноты. Он не скрывал ничего, выжигая сетчатку, делая каждое пятно крови на кафельном полу пугающе ярким, каждую морщину боли на лицах людей — гротескной. Больница государственной клиники в районе Шишли гудела, как растревоженный улей, но этот гул был лишен

жизни. Это был механический шум страдания: скрип каталок, писк мониторов, отрывистые команды врачей и глухой, утробный вой чьей-то матери в коридоре.

Ардин сидел на жесткой кушетке в смотровой, глядя на свои руки. Они были грязными. Смесь машинного масла, копоти и чужой крови въелась в кожу так глубоко, что казалась татуировкой.

— Вам невероятно повезло, — молодой врач, едва ли старше тридцати, светил фонариком ему в зрачки. Его голос звучал устало и равнодушно. — Сотрясение легкой степени, ушибы грудной клетки, пара ссадин. Вы родились в рубашке.

Ардин медленно поднял взгляд. Врач ожидал благодарности или облегчения. Но в глазах пациента он увидел такую черную, ледяную пустоту, что невольно отшатнулся, выключив фонарик.

— Повезло? — переспросил Ардин. Голос был хриплым, словно горло было забито битым стеклом. — Я влетел в поток на скорости сто двадцать. Машина всмятку. А у меня — ушибы?

Он рассмеялся. Это был страшный, лающий смех, от которого медсестра в углу уронила лоток с инструментами.

Смерть снова плюнула ему в лицо. Она забрала Нату, забрала Эмира, но побрезговала им самим. Он искал её, гнался за ней, нажал на педаль газа, чтобы наконец-то встретиться с ними, а вместо этого получил диагноз «легкие ушибы» и билет обратно в этот ад. Это было не везение. Это было проклятие. Высшая мера наказания — жить, когда у тебя нет ни одной причины для этого.

— Дайте мне уйти, — Ардин попытался встать, но мир качнулся.

— Вам нужно полежать под капельницей хотя бы час, — возразил врач, но без энтузиазма. — Полиция захочет взять показания. Там, в коридоре, уже дежурят.

Ардин не слушал. Он сорвал с руки манжету тонометра и шагнул к двери. Ноги были ватными, но ярость, кипящая внутри, служила лучшим топливом, чем глюкоза.

Он вышел в общий коридор приемного покоя. Здесь царил хаос. После аварии на перекрестке привезли всех участников. Санитары бегали с пакетами крови, полицейские в форме переговаривались по рациям, создавая заторы в проходах.

Ардин прислонился к стене, пытаясь сфокусировать зрение. Его взгляд скользил по лицам, не задерживаясь. Ему было плевать на них. Ему было плевать на себя. Он просто хотел найти выход, купить бутылку водки и отключиться где-нибудь в подворотне, пока этот проклятый мир не перестанет вращаться.

Внезапно его взгляд зацепился за профиль женщины на соседней каталке.

Она лежала неподвижно, укрытая тонкой больничной простыней. Вокруг суетились медсестры, обрабатывая порезы на её лице. Одна рука свисала вниз, тонкая, бледная, с длинными пальцами, которые мелко подрагивали.

Ардин замер. Время, которое только что несло галопом, вдруг споткнулось и остановилось.

Он знал эту руку. Он знал этот шрам — крошечный, в форме полумесяца, на запястье. След от осколка бутылки, которую она разбила пятнадцать лет назад, защищая его от пьяного сторожа в детском доме.

— Селин? — прошептал он. Звук собственного голоса показался ему громом.

Он сделал шаг вперед, расталкивая санитаров.

— Эй, мужчина, отойдите! — крикнула медсестра.

Ардин не обратил внимания. Он подошел к каталке вплотную. Женщина открыла глаза. Они были огромными, темными, полными животного ужаса. В них не было узнавания, только паника загнанного зверя, который ждет последнего удара.

Это была она. И не она.

Та Селин, которую он помнил — дерзкая девчонка в рваных кедах, которая мечтала стать архитектором и строить дома без заборов, — исчезла. Перед ним лежала красивая, ухоженная женщина, чье лицо, даже искаженное болью и кровоподтеками, носило печать дорогой жизни. Но в глубине этих глаз плескалась такая же тьма, как и у него самого.

— Селин... — повторил он, протягивая руку, но не решаясь коснуться.

Она вздрогнула, вжимаясь в подушку.

— Не отдавайте меня им, — прошептала она. Губы её были разбиты, речь невнятна. — Пожалуйста... Я не сумасшедшая. Не звоните мужу.

— Какому мужу? Селин, это я. Ардин.

Она замерла. Её взгляд сфокусировался на его лице. Она смотрела на его щетину, на шрам над бровью, на глаза, которые когда-то были для неё целым миром.

— Ардин? — выдохнула она. В этом слове было столько неверия, столько боли, что у него перехватило дыхание. — Ты... ты умер. Мне сказали, ты умер.

— Я тоже так думал, — горько усмехнулся он. — Но, видимо, нас обоих здесь держат насильно.

— Ардин... — она попыталась приподняться, схватила его за руку. Её пальцы были ледяными. — Айлин... Моя дочь. Я должна была забрать её. Они не выпустят меня. Они сделают из меня овощ.

— Кто? О чем ты говоришь?

— Демир. Мой муж. Он... он везде.

В этот момент двери приемного покоя распахнулись, впуская внутрь холодный ночной воздух и группу людей, которые выглядели здесь чужеродно, как инопланетяне.

Впереди шел высокий мужчина в безупречном кашемировом пальто. Его лицо выражало скорбную озабоченность, но глаза сканировали пространство с холодностью тепловизора. За ним следовали двое крепких парней в костюмах и человек с кожаным портфелем — тот самый тип юристов, которые улыбаются только при виде подписанного завещания.

Селин увидела их и сжалась в комок, издав звук, похожий на всхлип раненой птицы.

— Нет... — прошептала она. — Нашли.

Мужчина в пальто направился прямо к ним. Врачи и медсестры расступались перед ним, словно он излучал невидимое силовое поле власти и денег.

— Селин, дорогая! — воскликнул он, подходя к каталке. В его голосе было столько фальшивого участия, что Ардина замутило. — Слава богу, ты жива. Мы с ума сходили.

Он положил руку ей на плечо. Это выглядело как жест утешения, но Ардин увидел, как побелели костяшки его пальцев. Он не обнимал её — он фиксировал.

— Уберите руки, — тихо сказал Ардин.

Мужчина — Демир — медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по грязной одежде Ардина, по его сбитым кулакам, и остановился на лице с выражением брезгливого недоумения.

— Простите? Вы кто? Водитель той машины, в которую врезалась моя жена в состоянии аффекта?

— Я тот, кто сломает вам пальцы, если вы сейчас же её не отпустите, — спокойно ответил Ардин. В нем проснулся тот самый полицейский, которого он пытался похоронить. Холодный, расчетливый, готовый к насилию.

Охрана Демира дернулась вперед, но хозяин остановил их жестом.

— Господин Озер, — обратился он к человеку с портфелем, не глядя на Ардина. — Объясните ситуацию врачам и полиции. У моей жены острый психотический эпизод. Она опасна для себя и окружающих. У нас есть постановление о принудительной госпитализации в частную клинику «Алеф».

— Это ложь! — закричала Селин, пытаясь вырваться. — Ардин, не верь ему! Они хотят забрать Айлин!

— Тише, милая, тише, — Демир нажал ей на плечо сильнее. — Видите? Истерика. Паранойя. Она узнает в незнакомцах людей из прошлого. Типичный симптом.

К ним уже спешил заведующий отделением, на ходу поправляя халат.

— Господин Демир, мы не знали... Конечно, мы подготовим документы к переводу.

Ардин шагнул вперед, закрывая собой каталку.

— Никто никуда её не повезет, пока я не увижу ордер, — прорычал он.

— Молодой человек, — вмешался юрист Озер, доставая бумаги. — Вы препятствуете законным действиям опекуна. Ваше участие в ДТП не дает вам права вмешиваться в семейные дела. Более того, если вы продолжите, мы подадим иск о нападении. А учитывая ваше состояние... — он многозначительно посмотрел на дрожащие руки Ардина.

Ардин хотел ударить. Он хотел размазать это холеное лицо по кафелю. Но он понимал, что это ловушка. Он — никто. Бывший коп с подозрением на ПТСР, безработный, без жилья. А перед ним — система. Стена из денег и связей, которую не пробить кулаком.

— Ардин... — голос Селин был едва слышен. — Найди Айлин. Пожалуйста. Не дай им...

Врач подошел со шприцем.

— Успокоительное, — коротко бросил он.

Игла вошла в плечо Селин. Её глаза расширились, потом начали мутнеть. Она обмякла, но продолжала смотреть на Ардина, пока веки не сомкнулись.

— Увозите, — скомандовал Демир.

Санитары покатали каталку к выходу. Демир задержался на секунду, глядя на Ардина.

— Вам повезло, что вы выжили, — сказал он тихо. — Не испытывайте удачу дважды. Держитесь подальше от моей семьи.

Ардин стоял посреди коридора, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони до крови. Он снова потерял её. Пятнадцать лет назад он не смог её удержать, и сейчас, когда судьба швырнула их друг к другу, он снова оказался бессилен.

В другом конце коридора, за ширмой, разыгрывалась другая драма, не менее тихая и страшная.

Раян сидел на стуле, прикованный наручниками к металлическому поручню кровати. Его лицо было серым от потери крови, футболка прилипла к телу. Врач обрабатывал глубокий порез на его лбу, но Раян даже не морщился. Он смотрел в одну точку — на закрытые двери операционной, куда увезли девушку.

Рядом с ним стоял полицейский инспектор, заполняя протокол.

— Значит, так, — бубнил инспектор, не поднимая глаз. — Попытка вооруженного ограбления офиса «Алмаз Холдинг». Угон автомобиля. Причинение тяжких телесных гражданке Мире... фамилию уточняем. Парень, ты попал по полной. Лет пятнадцать тебе светит, не меньше. Рецидив, оружие...

Раян молчал. Он знал, что инспектор прав. Он разрушил свою жизнь. Но это было неважно. Главное — жива ли она? Та, чью кровь он чувствовал на своих руках. Та, которая смотрела на него не как на преступника, а как на человека.

Двери операционной открылись. Вывезли каталку. Мира была в сознании, хотя и очень слаба. Плечо было туго забинтовано. Наркоз еще не подействовал в полную силу, или, наоборот, уже отпускал.

Инспектор оживился.

— Потерпевшая! — он шагнул к каталке, преграждая путь санитарам. — Инспектор Гюнеш. Пару вопросов, пока вы в сознании. Этот человек, — он ткнул ручкой в сторону Раяна, — он стрелял в вас? Он похитил вас?

Раян поднял голову. Он встретился взглядом с Мирой. В её глазах, затуманенных болью и лекарствами, он ожидал увидеть обвинение. Ненависть. Страх.

Он был готов к этому. Он заслужил это.

Мира медленно перевела взгляд с инспектора на Раяна. Она видела наручники. Видела его отчаяние. Она вспомнила его руки, зажимающие её рану. Его голос: «Я не дам тебе умереть». Она вспомнила, как он подставил свою сторону машины под удар грузовика, чтобы спасти её.

Отец учил её, что закон — это математика. Преступление равно наказанию. Но сейчас уравнение не сходилось.

— Нет, — тихо, но твердо сказала она.

Инспектор замер, ручка зависла над бумагой.

— Что «нет»? Он не стрелял?

— Это был несчастный случай, — каждое слово давалось ей с трудом. — Я... я была в офисе. Он... он мой водитель. Мы ехали в больницу.

— Водитель? — инспектор недоверчиво хмыкнул. — С пистолетом? И почему вы были ранены?

— На нас напали, — солгала она, глядя прямо в глаза полицейскому. — На улице. Он спас меня. Он повез в клинику. Если бы не он... я бы умерла.

В коридоре повисла тишина. Раян смотрел на неё, не веря своим ушам. Она лгала. Лгала закону, лгала ради него — вора, который чуть не убил её.

— Вы уверены? — нахмурился инспектор. — Мы нашли пистолет в машине. Отпечатки...

— Он защищал меня, — перебила Мира. Силы покидали её. — Запишите это. Он спас мне жизнь. Я не имею к нему претензий.

Она закрыла глаза, и санитары повезли её дальше, в палату интенсивной терапии.

Инспектор растерянно посмотрел на свой протокол, потом на Раяна.

— Ну ты и везучий сукин сын, — сплюнул он. — Если дочь босса говорит, что ты герой, значит, ты герой. Но наручники я пока не сниму. Разберемся с этим «нападением».

Раян опустил голову. Слезы, которых он не стыдился, капали на его грязные джинсы. Это было не облегчение. Это было чувство, которого он не испытывал никогда в жизни. Чувство неоплатного долга. Она подарила ему не просто свободу. Она подарила ему веру в то, что он может быть кем-то другим. Не «сыном игромана», не «зеком», а человеком, который достоин спасения.

Ардин наблюдал за этой сценой издалека. Он видел, как увезли Селин. Видел, как увели Раяна под конвоем, несмотря на слова девушки.

Больница медленно погружалась в ночной ритм. Крики стихли, остались только монотонные звуки приборов.

Ардин побрел к выходу. Ему нужно было на воздух. Запах хлорки и крови душил его.

На улице дождь прекратился. Воздух был влажным и холодным. Ардин сунул руки в карманы куртки, чтобы найти сигареты, но пачка промокла и смялась.

Его пальцы наткнулись на пустоту в правом кармане.

Он остановился. Сердце пропустило удар.

Кроссовок. Синий детский кроссовок. Он всегда носил его с собой или клал на соседнее сиденье. Это был его талисман, его связь с Эмиром.

Он начал лихорадочно хлопать себя по карманам. Брюки, куртка, внутренний карман. Пусто.

— Нет... — прошептал он.

Он вспомнил удар. Вспомнил, как машина перевернулась. Кроссовок лежал на сиденье. Он не был закреплен.

Он остался там. На перекрестке. В грудe искореженного металла, среди битого стекла и грязи. Или вылетел в разбитое окно и теперь валяется в луже, никому не нужный, мокрый, одинокий.

Ардин осел на мокрые ступени крыльца больницы. Это потеря ударила его сильнее, чем весть о том, что он выжил. Он потерял последний материальный осколок своей прошлой жизни. Теперь у него действительно не осталось ничего.

Только ярость. И лицо Селин, полное ужаса. И имя человека, который забрал её. Демир.

Ардин поднял голову и посмотрел на ночное небо, затянутое тучами. Звезд не было видно.

— Хорошо, — сказал он в пустоту. — Ты забрал у меня память о сыне. Ты забрал у меня смерть. Но ты дал мне цель.

Он медленно поднялся. Боль в ребрах была острой, отрезвляющей. Он больше не хотел пить. Он хотел действовать.

Четыре человека выжили в этой мясорубке. Их планы были разрушены, их жизни разбиты на осколки. Но именно из этих осколков, острых и режущих, судьба начинала складывать новый узор. Узор, в котором не будет места случайностям.

Ардин сплюнул кровь на асфальт и пошел прочь от больницы, в темноту города, который еще не знал, что охотник вернулся. На этот раз он будет охотиться

не за призраками террористов, а за вполне реальными чудовищами в дорожных костюмах. И он начнет с того, кто посмел назвать его Селин сумасшедшей.

Глава 5: Тени прошлого

Дождь закончился, оставив после себя влажную, липкую духоту, которая окутывала Стамбул, словно грязное одеяло. Штрафстоянка полиции в районе Зейтинбурну напоминала кладбище гигантских насекомых. Искореженные остовы автомобилей, сваленные в кучи или выстроенные в неровные ряды, блестели под светом прожекторов, отражая равнодушие города к человеческим трагедиям.

Ардин прошел через проходную, показав удостоверение, которое формально уже не имело силы, но старый вахтер, узнав бывшего комиссара, лишь молча кивнул и нажал кнопку открытия ворот. Привычка подчиняться значку въелась в этих людей глубже, чем страх перед инструкциями.

Он шел между рядами, чувствуя, как ноет каждый ушиб на теле. Боль была полезной. Она заземляла, не давала мыслям улететь в ту черную дыру, где снова и снова взрывался стадион. Ардин искал не свою машину — от его «Форда» осталась лишь груда металлолома, которую уже, вероятно, спрессовали. Он искал «Фиат» Селин.

Маленькая малолитражка стояла в дальнем углу, рядом с забором. Удар превратил её в гармошку: капот вдавлен в салон, лобовое стекло отсутствовало, водительская дверь висела на одной петле. Ардин посветил фонариком внутрь. На сиденье виднелись бурые пятна засохшей крови.

Он не знал, зачем пришел сюда. Может быть, это был инстинкт ищейки, который не отключался даже после увольнения. Авария на перекрестке выглядела как хаос, как случайное стечение обстоятельств: суицидальный рывок одного, паническое бегство другой, неудачный маневр третьего. Но Ардин не верил в такие совпадения. Слишком много отчаяния сошлось в одной географической точке.

Он провел лучом фонаря по полу салона. Осколки пластика, мокрые щеки, какая-то детская заколка. Взгляд зацепился за странность. Бардачок был открыт и

пуст, но обшивка под ним была надорвана. Кто-то искал здесь что-то? Или это результат удара?

Ардин наклонился, морщась от боли в ребрах, и просунул руку под сиденье. Пальцы наткнулись на холодный металл. Не деталь машины. Что-то чужеродное. Он потянул предмет на себя.

Это был массивный, профессиональный GPS-трекер на мощном магните. Такие не продаются в магазинах электроники. Такие используют спецслужбы или очень дорогие частные детективы. Устройство мигало тусклым красным диодом — батарея еще жила.

Значит, её вели. Не просто следили, а гнали. Как зверя на флажки.

Ардин выпрямился, вертя трекер в руках. Демир, муж Селин, не просто ревнивец или тиран. Здесь работал профессиональный ресурс. Обычные семейные разборки не включают в себя оборудование военного образца.

Телефон в кармане завибрировал. Незнакомый номер.

— Слушаю, — хрипло ответил Ардин.

— Это медсестра Айше, из третьей городской, — голос в трубке дрожал, переходя на шепот. — Вы просили позвонить, если её будут переводить.

Ардин напрягся. Он оставил свой номер дежурной сестре, сунув ей в карман все наличные, что были при нем — жалкие остатки от продажи квартиры.

— Говорите.

— Приехала частная скорая. Охрана никого не пускает. Они оформляют документы прямо сейчас. У вас минут десять, не больше. Они вывезут её через служебный выход, чтобы избежать прессы.

— Я рядом.

Ардин сбросил вызов и побежал к выходу со стоянки. Больница была в двух кварталах. Он не успеет перехватить их официально. Но служебный выход... Он знал этот двор. Там был узкий проезд, где вечно парковались мусоровозы.

Камера следственного изолятора пахла кислым потом и безнадёжностью. Раян сидел на нарах, прижав колени к груди. Здесь не было окон, только узкая щель под потолком, забранная решеткой, через которую просачивался серый, пыльный свет.

Прошло всего двенадцать часов с момента ареста, но казалось, что прошла вечность. Тюрьма — это не место, это состояние времени. Оно здесь течет иначе, густое, как смола.

Дверь лязгнула, открываясь.

— На выход, — буркнул конвоир. — К адвокату.

Раян удивился. У него не было денег на адвоката. Государственный защитник обычно приходил через пару дней, и то лишь для того, чтобы уговорить подписать признание в обмен на сокращение срока.

Его привели в комнату для свиданий. За столом сидел мужчина лет сорока, в дорогом сером костюме, который смотрелся в этих обшарпанных стенах так же неуместно, как орхидея на помойке. Перед ним лежал кожаный портфель и идеально чистый лист бумаги.

— Присаживайся, Раян, — мужчина указал на стул, даже не представившись. Его голос был мягким, обволакивающим, лишенным агрессии.

Раян сел, звякнув наручниками о край стола.

— Кто вы?

— Меня зовут господин Волкан. Я представляю интересы семьи пострадавшей. Госпожи Миры.

Внутри у Раяна все сжалось. Мира. Жива ли она? Что с ней?

— Как она? — вырвалось у него.

Волкан слегка улыбнулся, одними уголками губ. Глаза оставались холодными, как стекло.

— Она в стабильном состоянии. Врачи говорят, угрозы жизни нет. Но травма серьезная. И психологическая тоже.

— Я не хотел... — начал Раян.

— Мы знаем, — перебил Волкан. — Мы знаем, что это была случайность. Выстрел в борьбе. Авария. Но, видите ли, Раян, у каждой случайности есть цена. И есть интерпретация.

Он достал из портфеля папку и положил её перед Раяном.

— Что это?

— Это ваше будущее. Здесь два варианта сценария. Вариант А: мы настаиваем на версии вооруженного нападения, похищения с целью выкупа и покушения на убийство. Учитывая вашу судимость, это от пятнадцати до двадцати лет. Ваша мать, насколько мне известно, больна диабетом? Боюсь, она не доживет до вашего освобождения. А социальные службы... они бывают так жестоки к одиноким пожилым женщинам, у которых сын — рецидивист.

Раян сжал кулаки под столом. Упоминание матери было ударом ниже пояса. Точным, расчетливым ударом.

— А вариант Б? — глухо спросил он.

— Вариант Б, — Волкан постучал пальцем по столу. — Вы подписываете признание. Но не в том, что случилось на самом деле. Вы берете на себя вину за похищение, но с одной деталью: вы утверждаете, что действовали в одиночку, в состоянии наркотического опьянения, и что целью было не ограбление фирмы, а личная неприязнь к отцу девушки.

— Зачем? — не понял Раян. — Это же бред. Я даже не знаю её отца.

— Это неважно. Важно, чтобы в деле не фигурировали никакие «заказчики», никакие долги, никакие третьи лица. Дело должно быть простым, бытовым. Локальным. Взамен мы обеспечиваем вам лучшую защиту. Переквалификацию статьи на «причинение вреда по неосторожности». Плюс лечение вашей матери в частной клинике. Полный пансион. Через три-четыре года вы выйдете на свободу.

Раян смотрел на адвоката и понимал: здесь что-то не так. Почему им так важно, чтобы он взял всё на себя именно в такой формулировке? Почему они боятся упоминания долгов или тех людей, что послали его в офис?

— А если я скажу правду? — тихо спросил Раян. — Что меня заставили? Что я спас её? Что она сама сказала полиции, что я не виноват?

Улыбка Волкана исчезла. Лицо стало жестким, каменным.

— Слова девчонки под наркозом ничего не стоят. А вот слово её отца весит больше, чем весь этот полицейский участок. Если вы начнете говорить о «тех людях», Раян, до суда вы можете не дожить. В камерах случаются разные неприятности. Сердечный приступ, драка, суицид...

Он пододвинул лист бумаги и ручку.

— Подумайте о матери. У вас есть время до утра.

Волкан встал, щелкнул замком портфеля и вышел, оставив Раяна наедине с тишиной и листом бумаги, который был тяжелее могильной плиты. Выбор между правдой и безопасностью близких — древнейшая ловушка, и Раян чувствовал, как её зубья смыкаются на его горле.

Задний двор больницы был погружен в полумрак. Дождь снова начал накрапывать, смывая следы шин на асфальте. Ардин спрятался за мусорными контейнерами, наблюдая за дверью.

Через минуту створки распахнулись. Двое санитаров выкатили каталку. Рядом шел охранник в черном костюме, с проводом гарнитуры в ухе. Селин лежала неподвижно, укрытая одеялом до подбородка.

Машина частной скорой помощи с логотипом клиники «Алеф» уже стояла с открытыми задними дверями.

Ардин понимал: силой отбить её не получится. Охранник вооружен, водитель тоже наверняка не прост. Нужна хитрость. Или наглость.

Он вышел из тени, держа руки на виду, но походка его была уверенной, хозяйской.

— Стоять! — рявкнул он командным голосом, который вырабатывался годами службы. — Полиция. Проверка документов на транспортировку.

Охранник дернулся, рука потянулась к поясу, но замерла. Вид Ардина — грязного, в крови, но с ледяным спокойствием в глазах — сбил его с толку.

— Какие документы? — нахмурился охранник. — Мы частная клиника, у нас все согласовано с главврачом.

— Поступила ориентировка, — Ардин подошел вплотную, игнорируя санитаров, которые замерли с каталкой. — Есть подозрение, что пациентка является важным свидетелем по делу о терроризме. Вывоз запрещен до особого распоряжения прокуратуры.

Это был блеф. Чистой воды блеф. Но слово «терроризм» в этом городе действовало магически. Оно парализовало волю и заставляло бюрократов потеть.

— Бред какой-то, — пробормотал охранник, но руку с оружия убрал и потянулся к рации. — Сейчас я уточню у шефа...

— Уточняй, — кивнул Ардин. — А я пока проверю личность.

Он шагнул к каталке. Селин открыла глаза. Взгляд был мутным, расфокусированным — седативные препараты действовали мощно. Но когда она увидела его лицо, в глубине зрачков вспыхнула искра узнавания.

— Ардин... — едва слышно прошептала она.

Он наклонился к ней, делая вид, что сверяет лицо с фото в телефоне.

— Я здесь, — шепнул он. — Где это?

Селин с трудом пошевелила рукой под одеялом. Её пальцы судорожно сжимали что-то маленькое.

— Возьми... — выдохнула она. — Это Демир... Его сейф... Я ukrала... Там всё...

Она разжала кулак. На ладони лежал маленький серебристый предмет. Флешка. Обычная, потертая флешка, которая сейчас весила больше, чем золотой слиток.

Ардин накрыл её ладонь своей, незаметно забирая носитель.

— Я вытащу тебя, — пообещал он. — Слышишь? Я найду Айлин и вытащу тебя.

— Он... он страшный человек, Ардин... — слеза скатилась по её виску. — Не верь ему... Он не тот, за кого себя выдает...

— Эй! — охранник закончил говорить по рации и шагнул к ним. — Шеф говорит, никакой полиции не вызывали. Ты кто такой? А ну отойди!

Он грубо оттолкнул Ардина. Тот пошатнулся, но устоял. Флешка уже была надежно спрятана в кулаке.

— Ошибка вышла, — Ардин поднял руки в примирительном жесте. — Видимо, перепутали фамилию. Извините за беспокойство.

Он отступил назад, в тень. Охранник подозрительно смотрел на него, но задерживать не стал — у него был приказ доставить груз, а не устраивать разборки с городскими сумасшедшими.

Санитары быстро загрузили каталку в машину. Двери захлопнулись. Скорая сорвалась с места, включив проблесковые маячки, и растворилась в ночи, увозя Селин в неизвестность.

Ардин остался стоять под дождем, сжимая в руке холодный пластик флешки.

Интернет-кафе в подвале на улице Истикляль работало круглосуточно. Здесь пахло несвежим кофе и перегретым пластиком. За соседними столами подростки рублились в шутеры, крича в микрофоны. Никому не было дела до мужчины с разбитым лицом, который занял угловой компьютер.

Ардин вставил флешку в порт. Антивирус ругнулся, но открыл содержимое.

Папки. Десятки папок с датами и названиями проектов. «Благотворительность», «Строительство», «Охрана», «Центр Возрождение».

Ардин начал с папки «Охрана». Он искал связь. Интуиция подсказывала ему, что Демир не просто бизнесмен, защищающий свои активы. Трекер в машине жены, частная армия, связи с психиатрами — это был почерк человека, который привык контролировать реальность.

Он открыл файл «Штатное расписание и объекты». Глаза бегали по строчкам. Торговые центры, склады, жилые комплексы...

И тут он увидел это.

Объект № 45.

Стадион «Бешикташ».

Дата: день теракта.

Подрядчик: ЧОП «Железный Купол».

Учредитель ЧОП: холдинг Демира.

Ардин почувствовал, как холодок пробежал по спине. Фирма мужа Селин обеспечивала безопасность периметра в тот день. Именно они отвечали за досмотр на входах. Именно через их посты прошла взрывчатка.

Он открыл детализацию платежей. За два дня до взрыва на счета начальника смены охраны стадиона поступила крупная сумма. Назначение платежа: «Бонус за переработку». Сумма была слишком большой для бонуса. Это была плата за слепоту.

Но это было еще не все.

Ардин переключился на папку «Центр Возрождение». Это была та самая организация, которая, преследовала Селин. Официально — фонд помощи жертвам деструктивных культов. На деле — структура, занимающаяся насильственным удержанием, психологической обработкой и юридическим террором.

Он открыл смету расходов фонда. И увидел знакомые фамилии. Те же люди, что числились консультантами в охранной фирме, получали зарплату в фонде как «специалисты по безопасности».

Деньги текли из одного кармана в другой. Прибыль от строительного бизнеса Демира шла на финансирование частной армии и карательной психиатрии.

Но самое страшное открытие ждало его в папке «Переписка».

Письмо от некоего «Архитектора» (адрес был зашифрован, но текст сохранился).

«Объект на стадионе готов. Необходимый резонанс будет обеспечен. Это развяжет нам руки для принятия закона о религиозной безопасности. Твоя задача — обеспечить коридор. После акции общественное мнение будет на нашей стороне. Мы сможем зачистить всех «нетрадиционных» под предлогом борьбы с террором».

Ардин откинулся на спинку стула. Дыхание перехватило.

Теракт не был целью сам по себе. Смерть Наты, Эмира и еще сорока человек была просто инструментом. Они взорвали людей, чтобы создать атмосферу страха. Страх, который позволит им легализовать охоту на ведьм.

Муж Селин не просто тиран. Он — один из спонсоров этого хаоса. Он платил тем, кто убил семью Ардина.

Он выдернул флешку из компьютера. Руки дрожали, но теперь это была не дрожь слабости, а вибрация перегретого двигателя, готового к работе на пределе.

Ардин встал. Подросток за соседним столом заорал: «Хедшот! Я его сделал!».

— Нет, парень, — пробормотал Ардин, направляясь к выходу. — Игра только начинается.

Он вышел на улицу. Город спал, не подозревая, что в его недрах зреет нарыв, который скоро прорвется. Ардин знал, что делать. Ему нужны были союзники. Одиночка против такой системы — труп. Ему нужен был Раян. Ему нужна была Мира. И ему нужно было вытащить Селин, прежде чем они сотрут её личность в порошок.

Он достал телефон и набрал номер своего старого информатора, человека в полиции, который еще не продался.

— Мне нужно узнать, в каком СИЗО держат парня с аварии, — сказал он без предисловий. — И мне нужен адрес клиники «Алеф».

— Ардин, ты лезешь в петлю, — сонно ответил голос.

— Я уже в ней, — ответил Ардин, глядя на свое отражение в витрине.

Он спрятал телефон и растворился в предрассветном тумане, чувствуя, как тяжесть флешки в кармане уравнивает пустоту в душе.

Глава 6: Индустрия страха

Экран старого телевизора в номере дешевого мотеля на окраине Фатиха рябил, искажая цвета, но звук был отчетливым. Слишком отчетливым. Голос диктора новостей, поставленный, бархатный, проникал в сознание, как яд, капающий в ухо спящего короля.

Ардин сидел на краю кровати, не снимая куртки. На столе перед ним лежал ноутбук, подключенный к украденному у соседей Wi-Fi, и та самая флешка, которую Селин вложила ему в руку перед тем, как её увезли. Но сейчас его внимание было приковано к телевизору.

— ...шокирующие подробности жизни супруги известного мецената Демира Кармана, — вещал диктор. — Источники, близкие к следствию, сообщают, что авария на набережной могла быть не просто несчастным случаем, а попыткой похищения ребенка в рамках ритуальной деятельности деструктивного культа.

На экране появилась фотография Селин. Это был снимок с какого-то благотворительного вечера: она улыбалась, держа бокал шампанского. Но через долю секунды кадр сменился. Резкая склейка. На экране мелькнули люди в балахонах, горящие факелы, какая-то размытая туша животного на алтаре. Затем снова лицо Селин, но уже другое — фото с камеры дорожного наблюдения, сделанное за секунду до аварии: искаженное страхом, с открытым ртом.

В полицейской академии им рассказывали о методах манипуляции общественным мнением, но то, что он видел сейчас, было высшим пилотажем информационной войны.

Монтажер новостного сюжета работал как нейрохирург, сшивающий несовместимые ткани. Мозг зрителя не успевал проанализировать склейку. Картинка «Селин» и картинка «Кровавый ритуал» накладывались друг на друга, создавая устойчивую ассоциативную связь. Зрителю не нужны были доказательства. Ему показали эмоциональный ряд: Красивая Женщина — Секта — Угроза Ребенку — Авария.

— Эксперты утверждают, — продолжал диктор, — что госпожа Карман могла находиться под воздействием психотропных препаратов, используемых для подавления воли адептов.

В кадре появился человек. Титр гласил: «Искандер Озтюрк, профессор, ведущий эксперт по проблемам религиозной безопасности».

Ардин подался вперед. Человек на экране выглядел rispetably: седая бородка, очки в тонкой оправе, стена книг за спиной.

— Мы имеем дело с классическим случаем индоктринации, — говорил Озтюрк мягким, отеческим тоном. — Личность жертвы полностью замещается личностью культа. Она может выглядеть нормальной, говорить разумные вещи, но внутри неё работает часовой механизм. Любая попытка семьи спасти её воспринимается как агрессия. Именно поэтому изоляция необходима. Не как наказание, а как терапия.

Ардин выключил телевизор. Тишина в комнате показалась оглушительной.

Он перевел взгляд на экран ноутбука. Файлы с флешки Демира были открыты. Ардин искал деньги. Он знал: идеология — это всегда фасад. За каждым «священным походом» стоит бухгалтерская проводка.

Папка «Благотворительность» содержала десятки транзакций. Фонд «Возрождение», получал регулярные вливания от строительной империи Демира. Но куда уходили эти деньги дальше?

Ардин открыл детализацию расходов фонда за прошлый год. «Организация конференций» — 200 тысяч евро. «Издательская деятельность» — 150 тысяч. «Консультационные услуги» — полмиллиона.

Получателем «консультационных услуг» значилась фирма, зарегистрированная на Кипре. Ардин пробил название через открытые базы данных. Пустышка. Но у этой пустышки был один интересный контрагент в Европе — организация «Европейский альянс исследований и информирования по вопросам сектантства».

Ардин почувствовал, как холодок пробежал по спине. Это была не просто домашняя тирания. Демир финансировал структуру, которая лоббировала законы против религиозных меньшинств на международном уровне.

Он открыл еще один файл. Это была переписка между Демиром и неким «Профессором». Судя по датам и стилю, это был тот самый Озтюрк из телевизора.

«Объект С. проявляет признаки независимости. Посещает группу поддержки. Это недопустимо. Нам нужен прецедент. Если мы сможем доказать в суде, что даже жена олигарха не застрахована от «психического вируса», это развяжет нам руки для принятия закона о принудительной экспертизе. Действуйте по сценарию №4. Медийную поддержку я обеспечу».

Сценарий №4. Ардин вспомнил аварию. Вспомнил трекер в машине Селин. Её не просто хотели вернуть домой. Её загоняли в угол, чтобы спровоцировать срыв. Чтобы она выглядела безумной. Чтобы её бегство выглядело как похищение ребенка.

Они создали спектакль, в котором Селин была главной героиней, даже не подозревая, что сценарий уже написан, а финал утвержден. И в этом финале ей отводилась роль овоща в элитной палате.

Здание Дворца правосудия в Чаглаяне напоминало гигантский муравейник из стекла и бетона, где судьбы людей перемалывались в бумажную пыль. В зале заседаний № 304 воздух был спертый, несмотря на работающие кондиционеры.

Селин сидела на скамье, сжавшись в комок. На ней был серый костюм, который ей привезли адвокаты мужа — свой она «испачкала». Костюм был на размер больше, из-за чего она выглядела еще более хрупкой и жалкой. Рядом с ней сидел назначенный судом адвокат, молодой парень с бегающими глазами, который за все утро сказал ей только две фразы: «Не волнуйтесь» и «Лучше молчите».

Напротив сидел Демир. Он был воплощением скорби. Черный костюм, идеально выглаженная рубашка, лицо, выражающее стоическое страдание мужчины, вынужденного принимать трудные решения ради блага семьи. Рядом с ним возвышалась гора папок.

Судья, женщина средних лет с усталым лицом, перебирала бумаги.

— Приглашается эксперт, — произнесла она монотонно. — Доктор Искандер Озтюрк.

Двери открылись, и в зал вошел тот самый человек, которого Ардин видел по телевизору. В жизни он казался еще более внушительным. Он шел к трибуне так, словно это была кафедра университета, а все присутствующие — нерадивые студенты.

— Доктор Озтюрк, — начал адвокат Демира, господин Волкан. — Вы провели экспертизу состояния госпожи Селин Карман?

— Да, разумеется, — кивнул эксперт, раскладывая перед собой бумаги.

Селин подняла голову.

— Вы лжете! — её голос сорвался на крик. — Вы ни разу со мной не говорили! Я вижу вас впервые!

— Протестую, — лениво бросил Волкан. — Истерика ответчицы подтверждает выводы экспертизы.

— Протест принят, — кивнула судья. — Госпожа Карман, сядьте и соблюдайте тишину. Иначе вас удалят.

Озтюрк даже не посмотрел на Селин. Он поправил очки и продолжил:

— Ваша честь, в современной психиатрии, особенно в области сектоведения, личный контакт с пациентом не всегда обязателен, а иногда и вреден. Индоктринированный человек склонен к манипуляции, лжи и мимикрии. Мы используем метод психолингвистического анализа контента, показаний близких и поведенческих паттернов. Это так называемая «заочная экспертиза», признанная методика в делах о национальной безопасности.

— И каковы ваши выводы?

Озтюрк взял верхний лист из стопки.

— У госпожи Карман наблюдается классическая картина зависимого расстройства личности, индуцированного деструктивным культом. Группа «Новый горизонт», которую она посещала, использует техники нейролингвистического программирования для разрушения семейных связей. Они внушают adeptам, что их близкие — враги. Это приводит к социальной дезориентации, паранойе и, как мы видели, к общественно опасным действиям.

— Вы имеете в виду аварию?

— Именно. Попытка похищения ребенка, гонка по городу, таран других автомобилей — это не спонтанный аффект. Это результат программы самоуничтожения, заложенной кураторами культа. В таком состоянии мать представляет смертельную угрозу для ребенка.

Селин слушала этот бред, и ей казалось, что она сходит с ума по-настоящему. Каждое слово этого человека было ложью, но эта ложь была упакована в научные термины, скреплена печатями и произносилась с такой уверенностью, что реальность начинала трещать по швам.

— Но я просто пила чай с женщинами... — прошептала она. — Мы говорили о детстве...

— Вот видите? — Озтюрк указал на неё пальцем. — Типичная защитная реакция. Тривиализация опыта. «Просто чай». За этим чаем происходит демонтаж личности.

Судья листала заключение. Два толстых тома. Графики, таблицы, ссылки на иностранную литературу. Все это выглядело солидно. Весомо. Против этого у Селин были только её слова и синяки на теле, происхождение которых эксперт тут же объяснил «самоповреждением в ритуальных целях».

— Ваша честь, — вступил адвокат Демира. — Мы просим приобщить к делу материалы о деятельности организации «Новый горизонт». Согласно справке, предоставленной Центром «Возрождение», эта группа имеет признаки тоталитарной секты.

Селин вспомнила лица женщин из группы. Айше, которая плакала, рассказывая о муже-алкоголике. Фатьму, которая пыталась найти работу после детдома. Они были сектой? Эти сломленные, ищущие тепла женщины были угрозой национальной безопасности?

— Это геноцид, — тихо сказала Селин. Слово вырвалось само собой.

В зале повисла тишина. Озтюрк медленно повернулся к ней. В его глазах не было злости, только холодное любопытство энтомолога, насаживающего жука на булавку.

— Обратите внимание на лексику, — сказал он, обращаясь к судье. — Использование гиперболизированных терминов, таких как «геноцид», «фашизм»,

«концлагерь», характерно для адептов, чья картина мира искажена черно-белым мышлением культа. Они считают себя жертвами, а всех, кто пытается им помочь — палачами. Это подтверждает диагноз: бредовое расстройство преследования.

Круг замкнулся. Любая попытка защититься становилась доказательством болезни. Если она молчит — она сломлена культом. Если она говорит — она агрессивна из-за культа. Если она плачет — она нестабильна.

Судья закрыла папку.

— Суд удаляется для принятия решения.

В другом конце города, в кабинете следователя СИЗО, разыгрывалась другая сцена того же спектакля.

Раян сидел на стуле, прикованный наручниками к батарее. Напротив него сидел Волкан — тот самый адвокат, что защищал интересы Демира в суде. Он успевал везде.

— Ты упрямый парень, Раян, — Волкан крутил в руках дорогую ручку. — Глупый, но упрямый. Я уважаю это. Но твое упрямство стоит дорого.

— Я не подпишу это, — Раян кивнул на лист бумаги, лежащий на столе. — Я не похищал её. Я спас её.

— Мы это уже обсуждали. Версия со спасением не устраивает моего клиента. Отца Миры. Ему не нужен герой-уголовник. Ему нужно, чтобы дочь была жертвой маньяка, а не участницей сомнительной истории с кражей документов из собственного офиса.

— Она сама сказала...

— Она была под наркозом. В шоке. Сейчас она «вспомнила» правду. Или вспомнит, когда мы с ней поговорим.

Волкан достал из папки фотографию.

— Знаешь, кто это?

На фото была пожилая женщина, выходящая из подъезда с сумкой продуктов. Мать Раяна.

— Не трогайте её, — Раян дернулся, наручники звякнули.

— У неё диабет, верно? Инсулинозависимая. Лекарства нынче дороги. А пенсия маленькая. Если тебя посадят на двадцать лет за похищение и терроризм... да-да, мы можем добавить и терроризм, учитывая твои связи в тюрьме... кто будет покупать ей инсулин? Социальные службы? Они так перегружены.

Волкан наклонился ближе.

— А если ты подпишешь признание в *попытке* ограбления в одиночку, без заказчиков, без упоминания третьих лиц... мы оплатим лечение твоей матери. Хорошую клинику. Палату с телевизором. И ты получишь три года. Через полтора выйдешь по УДО.

— Вы шантажируете меня жизнью матери?

— Я предлагаю сделку, — Волкан улыбнулся. — Это бизнес, Раян. Индустрия. Мы продаем безопасность, покупаем молчание. Твоя правда никому не нужна. Она не вписывается в бюджет.

Раян смотрел на фото матери. Он вспомнил её руки, дрожащие, когда она колола себе инсулин. Вспомнил её глаза, когда он вышел из тюрьмы полгода назад. «Только живи честно, сынок».

Если он подпишет ложь, он предаст себя. Предаст Бога, в которого поверил. Но если он не подпишет, он убьет мать.

— Где ручка? — глухо спросил он.

Ардин стоял в задних рядах зала суда, надвинув кепку на глаза. Он прошел через контроль по старому удостоверению, которое забыли аннулировать в базе. Он видел спину Селин. Видел, как вздрагивают её плечи.

Судья вернулась через двадцать минут. Решение было готово заранее, Ардин не сомневался. Двадцать минут нужны были только для соблюдения протокола.

— ...руководствуясь интересами несовершеннолетнего ребенка и принимая во внимание заключение судебно-психиатрической экспертизы... — голос судьи звучал как стук молотка по крышке гроба. — Суд постановляет: признать Селин Карман ограниченно дееспособной. Назначить временным опекуном супруга, Демира Кармана. Обязать ответчицу пройти курс принудительного лечения в специализированном медицинском учреждении закрытого типа сроком на шесть месяцев с возможностью продления.

Шесть месяцев. В клинике «Алеф», под присмотром людей Озтюрка. Через полгода от Селин останется только оболочка. Они сотрут её память, её волю, её личность коктейлем из нейролептиков и гипноза.

— Айлин! — закричала Селин, когда к ней подошли приставы. — Я хочу видеть дочь! Вы не имеете права!

— Это для вашего же блага, госпожа Карман, — мягко сказал Озтюрк, собирая свои бумаги. — Когда вы выздоровеете, вы поймете.

Приставы взяли её под руки. Она не сопротивлялась, ноги подкосились. Её волокли к выходу, как сломанную куклу.

В дверях она подняла голову и встретила взглядом с Ардином.

В её глазах не было мольбы о помощи. Там был ужас человека, который понял, что его похоронили заживо. И немой вопрос: «За что?».

Ардин не отвел взгляда. Он кивнул ей. Едва заметно. Одно короткое движение, обещающее не спасение, нет. Спасать было уже некого. Это обещало месть.

Когда двери за Селин закрылись, Демир подошел к Озтюрку и пожал ему руку.

— Спасибо, профессор. Блестящая работа.

— Наука на страже семьи, — скромно ответил Озтюрк. — Кстати, транш из Европы прошел? Нам нужно готовить конференцию по новым угрозам.

— Все ушло сегодня утром.

Ардин вышел из зала первым. Его трясло. Не от страха, а от передозировки реальности. Он увидел изнанку мира. Это были не бандиты с пистолетами. Это были люди в мантиях и костюмах, которые убивали словами, диагнозами и печатями.

Он спустился в холл. На большом экране в вестибюле крутили новости. Снова тот же сюжет. Фото Селин, фото ритуалов.

«Индустрия страха», — подумал Ардин. Они производят страх в промышленных масштабах. Страх перед сектами, страх перед инакомыслием, страх потерять детей. И этот страх — лучшая валюта. Он позволяет отбирать имущество, сажать невиновных, взрывать стадионы и получать за это государственные гранты.

Он сунул руку в карман и сжал флешку. Теперь он знал, где искать. Деньги. След вел не просто к исполнителям теракта. Он вел к фундаменту этой системы.

Ардин вышел на улицу. Солнце слепило глаза, но он не щурился. Он достал телефон и набрал номер, который нашел в файлах Демира. Номер человека, который отвечал за «грязную работу» на стадионе.

— Алло? — ответил грубый мужской голос.

— Передай Архитектору, — сказал Ардин, глядя на удаляющийся кортеж Демира. — Фундамент дал трещину.

Он выбросил сим-карту в урну и растворился в толпе.

В этот момент мимо проехала машина скорой помощи с логотипом клиники «Алеф». Внутри, привязанная к койке, Селин смотрела в потолок и шептала имена тех, кого любила, пытаясь удержать их в памяти, пока химия в её крови не начала стирать их, как мел с доски.

Первым именем было «Айлин». Вторым — «Ардин». Третьего она вспомнить уже не смогла.

Глава 7: Человек со шрамом

Камера одиночного заключения в следственном изоляторе Малтепе имела свои акустические особенности. Если прижаться ухом к шершавой, окрашенной в грязно-зеленый цвет стене, можно было услышать, как живет тюрьма: глухой гул вентиляции, лязг засовов, далекие крики и шарканье сотен ног. Но если

отодвинуться хотя бы на сантиметр, мир сжимался до размеров бетонной коробки три на четыре шага, где единственным звуком оставалось собственное дыхание и стук крови в висках.

Раян лежал на нарах, закинув руки за голову. На запястьях остались красные полосы от наручников — металл въелся в кожу, оставив напоминание о долгих часах допроса. Господин Волкан, адвокат с улыбкой акулы, дал ему время до утра. Утро уже наступило, судя по тому, как изменился оттенок серого света, просачивающегося сквозь узкую щель под потолком.

Выбор был простым и чудовищным одновременно. Подписать бумагу, признать себя одиночкой-психопатом, получить три года и спасти мать. Или отказаться, сказать правду, которую никто не хочет слышать, и сгнить здесь, зная, что мать умрет без лекарств в нищете.

Раян закрыл глаза. Темнота под веками тут же наполнилась образами. Но он видел не аварию, не кровь Миры и не лицо адвоката. Он видел другой двор, другую тюрьму и человека, который навсегда изменил его понимание силы.

Это было три года назад. Тюрьма Силиври. Тогда Раян был другим — сгустком оголенных нервов, злости и обиды на весь мир. Он попал туда за драку, защищая мать от отца, и считал, что насилие — это единственный язык, который понимает вселенная. Если ты не бьешь первым, бьют тебя.

В тот день в прогулочном дворике было жарко. Раян сцепился с Берканом, местным авторитетом из корпуса «Б». Причина была пустяковой — кто-то кого-то толкнул, кто-то не так посмотрел. Но в тюрьме взгляды весят больше, чем камни.

Беркан был старше, тяжелее и опытнее. Вокруг них мгновенно образовался круг. Зрители жаждали крови. Раян сжал кулаки, готовый броситься вперед, готовый рвать зубами, лишь бы доказать, что он не жертва.

И тут между ними встал он.

Ильяс.

Ему было около пятидесяти. Худой, жилистый, с аккуратно подстриженной седой бородой и глазами, в которых плескалось странное, неуместное здесь спокойствие. На его шее, от уха до ключицы, тянулся уродливый, бугристый шрам — след от ожога кислотой или огнем.

— Отойди, старик! — рывкнул Беркан, но в его голосе проскользнула неуверенность. Ильяса в тюрьме не боялись, но уважали. Его считали блаженным, странным, но никто не смел его трогать.

— Зачем тебе это, Беркан? — тихо спросил Ильяс. Его голос был ровным, без тени агрессии или страха. — Ты ударишь его, он ударит тебя. Завтра твои друзья побьют его, послезавтра он найдет заточку. Круг замкнется, и вы оба проиграете.

— Он не уважает меня! — сплюнул Беркан.

— Уважение не добывают кулаками, — Ильяс покачал головой. — Страх — да. Но страх живет недолго. А уважение — вечно.

Раян тогда закричал:

— Не лезь! Я сам разберусь! Мне не нужна помощь проповедника!

Он попытался обойти Ильяса, чтобы ударить Беркана, но старик мягко, но твердо перехватил его руку. Хватка у него была железная.

— Сила не в том, чтобы сломать челюсть, сынок, — сказал он, глядя Раяну прямо в глаза. — Любой дурак может ударить. Сила в том, чтобы остановить руку, когда все внутри кричит «бей».

Беркан, воспользовавшись заминкой, плюнул под ноги Ильясу и ушел, бросив напоследок грязное ругательство. Толпа разочарованно загудела и начала расходиться. Драки не будет. Шоу отменили.

Раян вырвал руку.

— Ты опозорил меня! Теперь они будут думать, что я спрятался за твою спину.

— Они будут думать то, что хотят, — Ильяс улыбнулся, и шрам на его шее натянулся, став белым. — Пойдем. Я заварил чай.

В тот вечер Раян впервые услышал историю шрама. Ильяс не был бандитом. Он не был вором или убийцей. Он сидел за то, что читал книги и говорил о них с другими. Его судили по статье об экстремизме, хотя единственным его оружием была Библия в мягкой обложке, которую он прятал под матрасом.

— Меня жгли, — рассказывал Ильяс, помешивая чай в пластиковом стаканчике. — Требовали назвать имена тех, кто собирался со мной. Требовали отречься. Следовательно кричал, что выжжет из меня эту дурь.

— И ты молчал? — спросил Раян. — Ты не хотел их убить?

— Хотел, — кивнул Ильяс. — В первую секунду, когда боль пронзила кожу, я хотел, чтобы они умерли самой страшной смертью. Я представлял, как душа их своими руками. Но потом я вспомнил...

— Что?

— Что зло не победить злом. Если я отвечу ненавистью на ненависть, я стану таким же, как они. Я умножу количество тьмы в мире. А наша задача — быть светом. Даже если этот свет — всего лишь искра в сыром подвале.

— Это слова слабаков, — фыркнул тогда Раян. — В джунглях выживает сильнейший.

— Нет, Раян. В джунглях выживает тот, кто остается человеком. Зверь рано или поздно попадает в капкан. Человек может этот капкан разобрать.

Ильяс научил его читать. Не просто складывать буквы в слова, а видеть смысл между строк. Они читали Евангелие, которое Ильяс цитировал наизусть. «Не противься злему». Эта фраза сначала бесила Раяна, казалась ему вершиной трусости. Но день за днем, наблюдая за Ильясом, он видел, как эта «трусость» ломает систему. Охранники терялись перед заключенным, который не хамил, не боялся и не просил пощады, а вежливо здоровался и благодарил за баланду. Зэки перестали его задирать, потому что невозможно задирать того, кто не реагирует на провокации. Ильяс был скалой, о которую разбивались волны тюремной злобы.

— Твой шрам, — спросил однажды Раян перед своим освобождением. — Он болит?

— Только когда меняется погода, — ответил Ильяс. — Или когда я вижу, как молодые парни, вроде тебя, губят свою жизнь ради ложной гордости.

Воспоминание рассеялось. Раян снова был в камере СИЗО. Он провел рукой по своей шее. Там не было шрама, но он чувствовал фантомное жжение.

Дверь камеры открылась с противным скрежетом.

— На выход, — скомандовал конвоир. — К следователю.

Раян встал. Ноги затекли, но внутри появилась странная легкость. Он вспомнил глаза Ильяса. Спокойные. Ясные. Глаза свободного человека в тюремной робе.

Больничная палата в частной клинике «Аджибадем» утопала в цветах, от запаха которых у Миры начинала болеть голова. Лилии, розы, орхидеи — букеты стояли на подоконниках, на тумбочке, даже на полу. Это были подношения от партнеров отца, от сотрудников фирмы, от людей, которые желали ей скорейшего выздоровления, даже не зная её в лицо.

Мира сидела в кресле, поддерживая перевязанную руку. Плечо ныло тупой, тянущей болью, но обезболивающие она пить отказалась. Ей нужна была ясная голова.

Напротив неё сидел отец. Халук бей, владелец юридической империи «Алмаз», выглядел безупречно, как всегда. Итальянский костюм, седина, уложенная волосок к волоску, и взгляд человека, привыкшего, что мир вращается по его расписанию.

— Ты должна подписать это, Мира, — он положил на столик папку. — Это формальность. Уточненные показания.

— Уточненные кем? — спросила она. Голос был слабым, но твердым. — Волканом?

— Волкан — профессионал. Он защищает интересы семьи.

— Он защищает твою ложь, папа.

Халук поморщился, словно от зубной боли. Он встал и подошел к окну, повернувшись к дочери спиной.

— Ты не понимаешь, во что влезла. Этот парень, Раян... он никто. Расходный материал. Уголовник. Ты хочешь разрушить репутацию фирмы ради уголовного?

— Он спас мне жизнь, — тихо сказала Мира. — Он мог бросить меня там, в офисе. Мог добить. Но он повез меня в больницу. Он рисковал собой.

— Он вор! — Халук резко обернулся. Маска спокойствия треснула. — Он вломился в мой кабинет! Он рылся в моем сейфе! Кстати, что ты там делала, Мира? Почему ты была в офисе ночью?

Мира выдержала его взгляд.

— Я искала правду о маме. О той аварии десять лет назад. И знаешь, что странно? Я не нашла документов. Зато нашла кое-что другое.

Она здоровой рукой достала из-под подушки планшет. Доступ к корпоративному серверу ей заблокировали еще утром, но она успела сохранить несколько файлов в облако.

— «Феникс Консалтинг», — прочитала она. — Дочерняя структура твоей фирмы. Зарегистрирована на Кипре. Основной вид деятельности — юридическое сопровождение некоммерческих организаций.

— И что? — Халук напрягся.

— Единственный клиент «Феникса» — фонд «Возрождение». Тот самый, который возглавляет Демир Карман. Тот самый, который сейчас уничтожает свою жену в судах. Папа, ты не просто адвокат. Ты — прачечная. Ты отмываешь деньги, которые идут на преследование людей.

В палате повисла тишина. Слышно было только гудение кондиционера.

— Ты не понимаешь масштаба, — наконец произнес Халук. Голос его стал холодным, металлическим. — Это не просто бизнес. Это стабильность. Мы защищаем традиционные ценности. Мы защищаем общество от заразы.

— От какой заразы? — Мира горько усмехнулась. — От женщин, которые хотят уйти от мужей-тиранов? От людей, которые верят не так, как вы? Ты видел новости? Селин Карман объявили сумасшедшей. Её заперли в клинике. И юридическое обоснование для этого готовил твой «Феникс».

— Это политика, Мира. Взрослая игра. Тебе лучше не лезть в это.

— Я уже влезла. Когда пуля попала мне в плечо.

Халук подошел к ней вплотную. Он навис над креслом, подавляя своим авторитетом, как делал это все её детство.

— Слушай меня внимательно. Ты подпишешь эти показания. Ты скажешь, что была в шоке, что ничего не помнишь, что этот парень угрожал тебе. Иначе...

— Иначе что? — она подняла голову. — Ты запрешь меня в клинике, как Демир запер Селин? Объявишь недееспособной?

В глазах отца мелькнуло что-то страшное. На секунду Мире показалось, что он действительно способен на это. Но он отступил.

— Я заблокирую твои счета. Ты не получишь ни лиры. Ты вылетишь из университета. Ты останешься ни с чем.

— Хорошо, — сказала Мира. — Пусть так. Но я не стану соучастницей убийства. А то, что вы делаете с Раяном — это убийство. Медленное и циничное.

Она взяла папку, которую принес отец, и швырнула её на пол. Листы разлетелись белым веером по паркету.

— Уходи. И заberi своего Волкана. У Раяна будет другой адвокат.

— Кто? — усмехнулся Халук. — Кто пойдет против меня в этом городе?

— Тот, кого ты не смог купить.

Когда отец вышел, хлопнув дверью так, что с лепестков орхидеи осыпалась пыльца, Мира схватила телефон. Пальцы дрожали, набирая номер.

— Керем? Это Мира. Да, мне нужна помощь. Нет, не мне. Одному парню в СИЗО. Дело безнадежное, денег нет, против нас мой отец и вся система. Ты возьмешься?

Она слушала ответ, и впервые за последние сутки на её губах появилась слабая улыбка. Керем был сумасшедшим идеалистом, которого выгнали из трех коллегий за «излишнюю принципиальность». Именно такой человек ей был нужен.

Комната для допросов в СИЗО была пропитана запахом страха и дешевого кофе. Раян сидел за привинченным к полу столом. Напротив него расположился Волкан. Адвокат выглядел свежим, выбритым и благоухающим, словно только что вышел из спа-салона, а не пришел в тюрьму.

— Ну что, Раян? — Волкан постучал пальцем по часам. — Время вышло. Твоя мать звонила мне сегодня. Плакала. Спрашивала, когда ты вернешься. Что мне ей ответить?

Это была пытка. Изоцренная, психологическая пытка. Волкан знал, куда бить.

— Я не подпишу ложь, — тихо сказал Раян.

— Ложь? — Волкан рассмеялся. — Раян, правды не существует. Есть версии. Твоя версия — ты герой. Моя версия — ты преступник. Версия судьи будет зависеть от того, какая папка ляжет ему на стол. Ты хочешь стать мучеником? Пожалуйста. Но помни: мученики умирают. А их матери остаются одни.

Дверь открылась. В комнату вошел конвоир, а за ним — молодой мужчина в помятом пиджаке, с растрепанными волосами и огромным портфелем, который выглядел так, будто пережил войну.

— Добрый день, — громко сказал вошедший. — Или не добрый, судя по лицам. Я Керем Сойлу. Новый адвокат господина Раяна Йылмаза.

Волкан медленно повернул голову. Его улыбка стала ледяной.

— Керем? Ты? Я думал, тебя лишили лицензии после того скандала с профсоюзами.

— Восстановили, представь себе, — Керем бросил портфель на стол, едва не опрокинув стаканчик с кофе Волкана. — Апелляция — великая вещь. А ты, я смотрю, все так же работаешь почтовым голубем у мафии?

— Выбирай выражения, коллега, — процедил Волкан. — У меня подписанный договор с семьей потерпевшей.

— А у меня — поручение от самой потерпевшей, — Керем достал из портфеля бумагу с размашистой подписью Миры. — Госпожа Мира Халук отказалась от твоих

услуг и наняла меня для защиты интересов... обвиняемого. Парадокс, правда? Жертва нанимает адвоката для преступника. Судьям это понравится.

Волкан побледнел. Он понял, что схема рушится. Если потерпевшая открыто выступает на стороне обвиняемого, дело о похищении развалится. Останется только кража и угон, а это совсем другие сроки. И, что хуже всего, в суде начнут всплывать вопросы: почему девушка была в офисе ночью? Почему она защищает вора?

— Ты совершаешь ошибку, Раян, — Волкан встал, собирая свои бумаги. — Этот клоун тебя не спасет. Мы уничтожим тебя. И твою мать.

Раян поднял голову. В его взгляде больше не было страха.

— Передайте тем, кто вас послал... — он сделал паузу, подбирая слова. Слова Ильяса. — Зло пожирает само себя. Я не буду частью вашей цепи.

Волкан фыркнул и вышел, громко хлопнув дверью.

Керем устало опустил на стул и потер лицо.

— Ну ты и влип, парень, — сказал он без всякого пафоса. — Отец Миры — монстр. Волкан — гиена. А у нас с тобой из оружия только рогатка и честное слово.

— Почему она это сделала? — спросил Раян. — Мира.

— Потому что она видела твои глаза, — Керем достал из кармана пачку сигарет, покрутил её в руках, но не закурил — запрещено. — Она сказала мне по телефону: «Он мог убежать, но остался. В мире, где все бегут, это чего-то стоит».

Раян посмотрел на свои руки. Те самые руки, которые держали пистолет, а потом зажимали рану.

— Что теперь будет?

— Теперь будет война, — усмехнулся Керем. — Грязная, долгая и несправедливая. Тебе будут шить терроризм, связь с радикалами, все что угодно. Они будут давить на мать.

— Я знаю.

— Ты готов? Я не могу обещать, что вытащу тебя. Скорее всего, ты сядешь. Но не на двадцать лет. И не как маньяк. Мы будем драться за каждый факт.

Раян вспомнил шрам на шее Ильяса. Вспомнил его слова: «В джунглях выживает тот, кто остается человеком».

— Я готов, — сказал он.

Керем кивнул и достал блокнот.

— Тогда рассказывай. Все. С самого начала. Кто дал тебе наводку на офис? Кому ты должен денег? Имена, явки, пароли. Если мы хотим выжить, нам нужно бить их правдой.

Раян начал говорить. Он называл имена кредиторов, описывал встречу в кафе, где ему дали пистолет и план офиса. Он говорил, и с каждым словом чувствовал, как с его плеч падает невидимый груз. Страх уходил. На его место приходило спокойствие — то самое, которому он так завидовал в тюремном двореке три года назад.

В это время в другом конце города, в кабинете с видом на Босфор, Халук бей набрал номер Демира Кармана.

— У нас проблема, — сухо сказал он. — Моя дочь вышла из-под контроля. Она наняла Сойлу.

— Сойлу? — голос Демира в трубке звучал раздраженно. — Этого юродивого? Реши вопрос, Халук. Ты обещал, что юридический фланг прикрыт.

— Я решу. Но нам придется действовать жестче. Парень в СИЗО начал говорить. Если его новый адвокат раскрутит ниточку с долгами, они выйдут на твоих «коллекторов». А от них — к фонду.

— Не выйдут, — отрезал Демир. — В тюрьме случаются несчастные случаи. Поскользнулся в душе, подавился хлебом. Или повесился от раскаяния.

— Нет, — Халук сжал телефон так, что побелели пальцы. — Никаких трупов в камере. Это сделает из него героя. Мы должны убить его иначе. Морально. Найди что-нибудь на этого Керема. И на парня. Грязь. Нам нужна грязь.

— Хорошо. Я подключу Озтюрка. У него есть специалисты по биографиям.

Халук положил трубку. Он подошел к сейфу — тому самому, который пытался вскрыть Раян. Дверца была починена, замок сменен. Но чувство вторжения осталось.

Он достал из сейфа старую фотографию. На ней он, молодой и улыбающийся, держал на руках маленькую Миру. Она смотрела на него с обожанием.

— Глупая девчонка, — прошептал он, проводя пальцем по глянцевой бумаге. — Ты думаешь, что борешься за справедливость. Но ты просто ломаешь фундамент дома, который защищает тебя от бури.

Он разорвал фотографию пополам и бросил обрывки в корзину для бумаг. Сантименты кончились. Началась зачистка.

А в камере СИЗО Раян, закончив рассказ, попросил у Керема одну вещь. Не сигареты, не еду, не телефонный звонок.

— Принесите мне Библию, — попросил он. — Ту, что в синем переплете. Мама знает, где она лежит.

Керем удивленно поднял бровь, но записал просьбу в блокнот.

— Странный ты бандит, Раян. Пистолет берешь, стрелять не хочешь. В тюрьме сидишь, книги просишь.

— Я не бандит, — ответил Раян, глядя на узкую полоску неба за решеткой. — Я просто человек, который учится не бить в ответ.

Керем ушел, оставив Раяна одного. Но он больше не чувствовал одиночества. В углу камеры, в тени, ему казалось, что он видит силуэт Ильяса, который одобрительно кивает, потирая старый шрам на шее. Урок был усвоен. Экзамен начался.

Глава 8: След наемников

Дождь над промышленной зоной Тузлы не прекращался уже вторые сутки. Это был не тот очищающий ливень, что смывает пыль с городских улиц, а тяжелая, маслянистая взвесь, пропитанная запахом химикатов и гниющего мусора. Серые ангары, окруженные заборами с колючей проволокой, казались скелетами гигантских животных, брошенных на окраине цивилизации.

Ардин сидел в арендованном «Рено», припаркованном в тени эстакады. Двигатель был заглушен, чтобы не привлекать внимания, и холод медленно пробирался под куртку, напоминая о сломанных ребрах. Каждый вдох отдавался тупой болью в боку — сувенир от аварии на перекрестке, который он носил теперь как постоянное напоминание о том, что смерть ходит рядом, но пока брезгает забирать его окончательно.

На пассажирском сиденье лежал ноутбук. Экран был погашен, но Ардин помнил каждую строчку из файла, добытого с флешки Демира Кармана. «ЧОП Железный Купол». Официально — элитное охранный предприятие, обеспечивающее безопасность корпоративных объектов,строек и массовых мероприятий. Неофициально — частная армия, чьи следы вели в самую тьму.

Он наблюдал за воротами объекта уже четыре часа. По документам здесь числился логистический центр по хранению строительной техники. На деле же активность за периметром не имела ничего общего с логистикой.

За это время через КПП проехали три машины. Два черных внедорожника без номеров на кузове, только с транзитными табличками под стеклом, и один неприметный фургон службы доставки, который, судя по осадке рессор, был загружен чем-то куда более тяжелым, чем коробки с пиццей.

Ардин поднес к глазам бинокль. Охрана на воротах не была похожа на типичных сторожей, дремлющих над кроссвордами. Это были профессионалы. Движения экономные, взгляды цепкие, руки всегда в районе пояса, где под куртками угадывались кобуры. Они двигались так, как двигаются люди, прошедшие войну — сканируя сектора, контролируя слепые зоны, даже когда вокруг, казалось бы, никого нет.

— Кто вы такие? — прошептал Ардин, протирая запотевшее стекло рукавом.

Он искал исполнителей. Тех, кто физически заложил взрывчатку на стадионе. Тех, кто нажал кнопку. Демир Карман и его «архитекторы» были заказчиками, идеологами, кошельками. Но у любого замысла есть руки. Грязные, мозолистые руки, которые делают работу.

В файлах Демира значилось имя куратора безопасности объекта № 45 — того самого стадиона. Некий Горан Вукович. Фамилия явно балканская. В базе данных полиции, доступ к которой у Ардина остался через старые, неофициальные каналы, этот человек числился как «консультант по рискам», получивший гражданство пять лет назад по упрощенной схеме.

Но Ардин знал, что такие «консультанты» обычно имеют биографию, написанную кровью.

Ворота снова открылись. На этот раз выехал серый седан. За рулем сидел грузный мужчина с бритым затылком. Ардин узнал его по фото из досье. Это был не Горан, а его правая рука — Милош. Человек, отвечавший за «кадровые вопросы».

Ардин подождал, пока седан скроется за поворотом, и повернул ключ зажигания. Он не собирался штурмовать базу в одиночку — это было бы самоубийством. Ему нужен был язык. Кто-то, кто знает внутреннюю кухню, но при этом достаточно беспечен, чтобы покинуть периметр без конвоя.

Милош ехал спокойно, не проверяясь. Он был уверен в своей неприкосновенности. В этом городе, где деньги Демира Кармана открывали любые двери, такие люди чувствовали себя хозяевами жизни.

Ардин держал дистанцию. Седан петлял по промзоне, пока не свернул к придорожному мотелю с покосившейся неоновой вывеской «Уют». Место, где дальнобойщики снимали проституток, а мелкие дилеры толкали товар. Идеальная точка для встречи, которую не хочется афишировать.

Милош припарковался у входа и зашел внутрь. Ардин загнал свою машину за мусорные баки на заднем дворе и проверил пистолет. Тот самый «Глок», который не выстрелил в его висок, теперь должен был послужить другой цели.

Он вошел в мотель через служебный вход, взломав хлипкий замок на двери кухни. Пахло жареным луком и старым жиром. Повар, дремлющий у плиты, даже не поднял головы. Ардин проскользнул в коридор.

Милош сидел в дальнем углу бара, перед ним стояла чашка кофе и пепельница. Он ждал кого-то. Ардин видел его профиль — тяжелая челюсть, шрам на щеке, взгляд, уставленный в экран телефона.

Ардин не стал ждать. Элемент внезапности был его единственным преимуществом. Он подошел сзади, двигаясь бесшумно, как тень.

— Привет от Архитектора, — тихо сказал он, прижимая ствол пистолета к боку Милоша под столом.

Мужчина дернулся, его рука рефлекторно потянулась к поясу, но Ардин перехватил её, выкручивая запястье болевым приемом. Милош зашипел, но не закричал. Профессионал.

— Тихо, — прошептал Ардин ему на ухо. — Одно движение, и я прострелю тебе печень. Ты будешь умирать долго и грязно, прямо здесь, на этом липком полу. Вставай.

— Ты кто такой? — прохрипел Милош. Акцент был тяжелым, сербским или хорватским, Ардин не мог разобрать сразу.

— Я твоя карма. Вставай, идем к выходу. Улыбайся.

Они вышли из бара, как старые приятели, один из которых немного перебрал и опирается на другого. Только Ардин не опирался — он конвоировал, жестко контролируя каждое движение противника.

На заднем дворе, у мусорных баков, маски были сброшены. Ардин толкнул Милоша к стене, ударив его лицом о кирпичную кладку. Обыскал. Изъял пистолет, нож и телефон.

— А теперь поговорим, — сказал Ардин, отступая на шаг, но держа «Глок» наведенным на грудь наемника. — Стадион. Кто закладывал заряды?

Милош сплюнул кровь. Он медленно повернулся, вытирая разбитую губу тыльной стороной ладони. В его глазах не было страха, только холодная, расчетливая злоба.

— Ты мертвец, парень, — спокойно сказал он. — Ты даже не представляешь, в чью тарелку залез.

— Я уже мертв, — ответил Ардин. — Мне нечего терять. А вот у тебя, я уверен, есть планы на вечер.

Он выстрелил. Пуля вошла в бедро Милоша, чуть выше колена. Звук выстрела, приглушенный шумом дождя и гулом трассы, потонул в сыром воздухе.

Милош взвыл и рухнул на колени, хватаясь за ногу.

— Это было предупреждение, — голос Ардина был ровным, лишенным эмоций. Внутри него что-то умерло в тот момент, когда он нажал на спуск. Тот Ардин, который верил в закон, в протоколы допроса, в права человека, остался в прошлом.

— Следующая пуля раздробит второе колено. Ты никогда не сможешь ходить. Ты станешь бесполезным куском мяса, и твои же хозяева пристрелят тебя, как больную собаку. Говори.

— Пошел ты... — прохрипел наемник, но в его голосе появилась трещина. Боль — универсальный язык, понятный всем, независимо от подготовки.

Ардин подошел ближе и наступил ботинком на рану. Милош закричал, выгибаясь дугой.

— Стадион! — рявкнул Ардин. — Имена!

— Я не знаю имен! — заорал Милош. — Мы не работаем по именам! Только позывные!

— Кто был на объекте?

— Группа «Волки»! Вукович командовал! Я только обеспечивал периметр! Мы должны были пропустить фургон!

— Что было в фургоне?

— Оборудование! Звук, свет... и ящики с маркировкой «Сценическая пиротехника». Мы не проверяли! Был приказ сверху! От «Костюмов»!

«Костюмы». Так они называли людей Демира.

— Кто еще в группе? — Ардин немного ослабил давление на рану.

— Ветераны. Босния, Косово, Македония. Нам плевать на вашу политику. Нам платят — мы делаем.

— Что вы делаете? Охраняете стройки?

Милош криво усмехнулся, несмотря на боль.

— Стройки... Ты наивный. Мы чистим. Убираем мусор.

— Какой мусор?

— Всякий. Профсоюзных крикунов, журналистов, которые суют нос не туда. Помнишь того эколога в Измире? Который сгорел в своей машине полгода назад? Несчастный случай, проводка замкнула. Ха! Это была работа Драгана. Чисто, красиво. Никаких следов.

Ардин вспомнил этот случай. Кемаль Озтюрк, активист, боровшийся против застройки заповедника компанией Демира. Полиция закрыла дело за три дня. «Техническая неисправность».

— Значит, вы наемные убийцы, — констатировал Ардин.

— Мы санитары, — сплюнул Милош. — Корпорациям нужна тишина. Мы её обеспечиваем. Стадион... это было другое. Большой заказ. Специфический. Нам сказали: нужно много шума. Чтобы все обосрались от страха.

— Зачем?

— Чтобы гайки закрутить. Чтобы «Костюмы» могли протащить свои законы. Нам плевать на причины. Главное — чек.

Ардин почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Его жена и сын погибли не из-за идеологии, не из-за священной войны. Они погибли, потому что кому-то нужно было «закрутить гайки». Их жизни были просто строкой в смете, расходом на пиротехнику.

— Где база? — спросил он тихо. — Где вы живете?

— Ты туда не войдешь, — покачал головой Милош. — Там камеры, датчики, двадцать стволов. Тебя нашьпигуют свинцом еще на подходе.

— Я найду способ. Где?

Милош назвал адрес. Старый пансионат в лесу, в десяти километрах отсюда. Официально — база отдыха для сотрудников ЧОПа.

Ардин убрал ногу с раны.

— Спасибо, — сказал он.

— Ты меня убьешь? — спросил Милош, глядя на него снизу вверх. В его глазах не было мольбы, только усталое понимание.

Ардин посмотрел на пистолет в своей руке. Убить его было бы легко. Правильно. Этот человек был частью машины, уничтожившей его семью. Он заслуживал смерти.

Но если он убьет его сейчас, безоружного и раненого, чем он будет отличаться от них? От тех, кто взрывает детей ради «тишины»?

— Нет, — сказал Ардин. — Я оставляю тебя здесь. Скорая приедет минут через двадцать, если ты сам позвонишь. Но если ты предупредишь своих... я вернусь. И тогда разговор будет короче.

Он развернулся и пошел к машине, чувствуя спиной взгляд раненого зверя. Он знал, что Милош позвонит. Не скорой, а Вуковичу. Времени было мало.

Лесная дорога к пансионату «Зеленая Роща» была размыта дождем. Ветки деревьев хлестали по лобовому стеклу, словно пытаясь остановить машину. Ардин оставил автомобиль за километр до цели и пошел пешком через лес.

Темнота сгущалась. Лес жил своей жизнью: скрипели стволы, где-то ухала сова. Ардин двигался осторожно, проверяя каждый шаг. Он знал, что периметр наверняка охраняется не только людьми, но и электроникой.

Вскоре показался забор. Высокий, трехметровый, с колючей проволокой наверху. За ним виднелись огни двухэтажного здания советской постройки. На территории стояли те самые черные джипы, что он видел в промзоне.

Ардин нашел слепую зону — место, где старый дуб нависал над забором, закрывая обзор одной из камер. С болью в ребрах он подтянулся на ветку, перелез через ограждение и спрыгнул на мягкую, прелую листву.

Он был внутри.

Территория казалась вымершей. Окна первого этажа были темными, но на втором горел свет. Ардин пробрался к зданию, прячась в тени кустов. Он слышал голоса. Они доносились из открытой форточки на втором этаже. Грубый мужской смех, звон стекла, музыка — какая-то балканская попса.

Они праздновали. Возможно, удачную операцию. Возможно, просто коротали вечер.

Ардин обошел здание. С задней стороны была пожарная лестница. Ржавая, но крепкая. Он начал подниматься, стараясь не шуметь.

На втором этаже дверь была приоткрыта. Ардин заглянул внутрь. Это был коридор, заваленный армейскими ящиками и спортивными сумками. Никого.

Он скользнул внутрь. Комната, откуда доносились голоса, была в конце коридора. Но Ардина интересовало другое. Слева была дверь с табличкой «Архив». Если это база ЧОПа, там должны быть документы.

Дверь была заперта, но замок был простым. Ардин вскрыл его ножом за несколько секунд.

Стеллажи с папками, сейф (закрытый), стол с компьютером. Ардин не стал включать свет, пользуясь фонариком телефона.

Он начал перебирать папки на столе. «Личные дела», «Графики дежурств», «Отчеты по объектам».

В одной из папок, помеченной как «Кадры / Резерв», он нашел то, что заставило его сердце остановиться.

Это были не просто анкеты. Это были досье на наемников. Фотографии, копии военных билетов, списки наград. Югославия, 1999. Македония, 2001. Эти люди прошли через ад и принесли его с собой сюда, в Стамбул.

Ардин листал страницы. Лица убийц. Жестокие, пустые глаза.

И тут из папки выпала фотография. Старая, черно-белая, с загнутым уголком. Она упала на пол, лицевой стороной вверх.

Ардин поднял её.

На снимке была группа молодых людей в камуфляже без знаков различия. Они стояли на фоне сожженного дома. В руках автоматы Калашникова. Они улыбались, обнимая друг друга за плечи. Молодые, дерзкие, пьяные от войны и безнаказанности.

В центре группы стоял высокий парень. Ему было лет двадцать, не больше. Густые темные волосы, резкие скулы, шрам над бровью. Он смотрел в объектив с вызовом, держа сигарету в уголке рта.

Ардин поднес фото ближе к свету фонарика. Его руки задрожали так сильно, что луч света заплясал по стенам.

Он смотрел в зеркало.

Парень на фото был его копией. Абсолютной, пугающей копией. Тот же разрез глаз. Тот же нос. Даже манера держать голову — чуть наклонив влево — была такой же.

Но это был не он. Фотографии было лет тридцать. Ардину тогда было пять.

Кто это?

Отец? Брат? Двойник?

Ардин перевернул снимок. На обороте выцветшими чернилами было написано: *«Приштина, 1998. Отряд «Тени». Командир Бесим».*

Бесим. Имя ударило по нему, как электрический разряд. Он никогда не слышал этого имени в своей семье. Мать говорила, что отец погиб в автокатастрофе. Что он был простым инженером.

Но человек на фото не был инженером. Он был солдатом. Убийцей. И он был так похож на Ардина, что это не могло быть совпадением.

В коридоре послышались шаги. Тяжелые, уверенные. Кто-то шел к архиву.

Ардин сунул фото в карман, рядом с флешкой. Ему нужно было уходить. Прямо сейчас.

Он метнулся к окну. Второй этаж. Высоко, но внизу кусты.

Дверь архива распахнулась. На пороге стоял высокий мужчина с седой бородой. Вукович.

— Ты кто такой? — рявкнул он, выхватывая пистолет.

Ардин не стал отвечать. Он выбил стекло стулом и прыгнул в темноту.

Звон разбитого стекла разорвал ночную тишину. Ардин приземлился неудачно, подвернув ногу, но адреналин заглушил боль. Сверху раздались выстрелы. Пули взбили землю рядом с ним.

— Тревога! — заорал Вукович. — Периметр!

Ардин побежал. Он бежал через лес, не разбирая дороги, сквозь ветки, которые хлестали его по лицу, сквозь темноту, которая теперь казалась ему не врагом, а единственным союзником.

За его спиной были сирены, лаяли собаки, лучи прожекторов шарили по деревьям. Но он бежал не от них. Он бежал от лица на фотографии. От лица, которое он видел каждое утро в зеркале, когда брился.

Он добрался до машины, задыхаясь, весь в грязи и крови. Руки тряслись так, что он с трудом попал ключом в замок.

Машина сорвалась с места, поднимая фонтаны грязи.

Ардин гнал ее прочь от этого проклятого места. Но он понимал, что убежать не получится. Он нашел след. След наемников привел его не просто к убийцам его семьи. Он привел его к тайне его собственной крови.

Он вытащил фото из кармана и положил на приборную панель. В свете фар лицо молодого боевика то появлялось, то исчезало в тених, словно призрак, который наконец-то обрел плоть.

— Кто ты? — спросил Ардин у фотографии. — И почему твои люди убили моего сына?

Ответа не было. Только шум дождя и гул мотора.

В этот момент телефон Ардина звякнул. Пришло сообщение с неизвестного номера.

«Ты копаешь слишком глубоко, комиссар. Некоторые могилы лучше не вскрывать. Особенно свои собственные».

Ардин посмотрел на экран, потом на фото. Пазл начинал складываться, но картинка, которая вырисовывалась, была страшнее любого кошмара.

Он не просто охотился на чудовищ. Он, кажется, был рожден одним из них.

Ардин вдавил педаль газа. Впереди была ночь, полная вопросов, и он собирался получить ответы, даже если для этого придется сжечь весь этот город дотла.

На пассажирском сиденье, рядом с фотографией убийцы, лежал маленький синий кроссовок, который Ардин нашел в кармане куртки — он не потерял его, просто в панике забыл, куда положил. Теперь эти два предмета — символ невинности и символ войны — лежали рядом, как две чаши весов, на которых качалась его душа.

И чаша войны, казалось, начинала перевешивать.

Глава 9: Создатели ненависти

Ресторан «Лазурь» располагался на крыше небоскреба в районе Левент, возвышаясь над Стамбулом подобно капитанскому мостику гигантского корабля. Стеклойнные стены отсекали шум мегаполиса, оставляя лишь мерцание огней, рассыпанных по холмам до самого горизонта. Здесь, на высоте птичьего полета, воздух был кондиционированным, музыка — едва слышной, а цены в меню — абстрактными цифрами, не имеющими значения для посетителей.

Демир Карман сидел за угловым столиком, покручивая ножку бокала с минеральной водой. Напротив него расположился человек, чья внешность была настолько непримечательной, что глаз скользил по ней, не задерживаясь. Серый костюм, аккуратная стрижка, очки без оправы — он напоминал банковского клерка средней руки или университетского преподавателя. Однако именно этот человек, господин Жан-Поль, представлял интересы организации, чей офис находился в неприметном здании в центре Брюсселя, а влияние простиралось далеко за пределы Евросоюза.

— Ваше «мероприятие» на стадионе прошло... громко, — произнес Жан-Поль на безупречном английском с легким французским акцентом. Он аккуратно разрезал стейк, не поднимая глаз. — Но коэффициент полезного действия пока ниже ожидаемого.

Демир напрягся. Слово «мероприятие» резало слух, даже спустя три месяца. Он предпочитал термин «акция».

— Мы обеспечили необходимый резонанс, — возразил он. — Общество напугано. Рейтинги доверия к силовым структурам выросли на двенадцать процентов. Люди требуют защиты.

— Люди требуют защиты всегда, — Жан-Поль отправил кусочек мяса в рот и прожевал с видом гурмана. — Вопрос в том, от кого. Вы создали страх, но не дали четкого врага. «Террористы» — это слишком размыто. Нужна конкретика. Нужен образ, который вызовет не просто страх, а отвращение.

Европеец отложил приборы и вытер губы салфеткой.

— Посмотрите на опыт наших коллег в Германии тридцатых годов или на современные кампании в США. Страх — это топливо, но двигатель — это ненависть. Чтобы оправдать тотальный контроль, нужно убедить большинство, что меньшинство — это не люди. Что это вирус. Опухоль.

Демир кивнул. Он знал эту теорию. В переписке с профессором Озтюком они называли это «протоколом дегуманизации».

— Мы работаем над этим, — сказал Демир. — Дело моей жены... Селин. Это идеальный кейс. Красивая женщина, мать, жена бизнесмена, попадает под влияние «культа» и превращается в угрозу для собственного ребенка. Это история для обложек. Она покажет, что никто не застрахован.

— Вот именно, — Жан-Поль одобрительно улынулся, но глаза за стеклами очков остались холодными. — «Никто не застрахован». Это ключевой посыл. Если враг — бородатый фанатик с автоматом, обыватель думает: «Это далеко, это не про меня». Но если враг — милая соседка, учительница или собственная жена, посещающая кружок йоги или чтения Библии... тогда подозрение проникает в каждый дом. Тогда сосед начинает следить за соседом. И тогда они сами принесут вам свои права на блюдецке, умоляя забрать их в обмен на «безопасность».

Он достал из портфеля тонкую папку и положил её на стол.

— Здесь рекомендации от наших аналитиков из «Европейского альянса исследований и информирования по вопросам сектантства». Нам нужно ускорить принятие закона о «психологическом насилии». Формулировки должны быть максимально размытыми. Любое убеждение, отличное от нашего, должно трактоваться как «манипуляция сознанием».

Демир приоткрыл папку. Первым листом шел финансовый отчет. Транш из Европы прошел через цепочку офшоров и осел на счетах фонда «Возрождение». Сумма была внушительной — достаточно, чтобы купить половину парламента и всех редакторов крупных газет.

— И еще, — добавил Жан-Поль, понизив голос. — Нам нужен прецедент с насилием. Реальным насилием, исходящим от «сектантов». История с вашей женой хороша, но авария — это все-таки не теракт. Нам нужно, чтобы у кого-то из этих... пацифистов... нашли оружие. Или чтобы они «напали» на школу.

— Это сложно, — покачал головой Демир. — Они, как правило, законопослушны до тошноты. Не пьют, не курят, оружие в руки не берут.

— Значит, нужно им помочь, — Жан-Поль пожал плечами, словно речь шла о доставке пиццы. — Вспомните историю с концертом Тейлор Свифт в Вене. Или беспорядки в Саутпорте. Технология отработана. Вбрасывается информация, создается фейковый след, толпа реагирует. Если «сектанты» не хотят быть террористами, мы назначим их таковыми. Главное — картинка.

Демир смотрел на этого человека и понимал: перед ним сидит истинный архитектор. Сам Демир был лишь прорабом, строящим стены, а чертежи рисовали в таких вот тихих кабинетах Брюсселя и Парижа. Они не ненавидели своих жертв. Для них это была просто социальная инженерия. Управление потоками человеческой энергии через канализацию страха.

В тесной квартире Керема Сойлу, заваленной книгами и коробками из-под пиццы, единственным источником света был монитор ноутбука. Мира сидела на полу, поджав ноги. Её раненое плечо ныло, но она старалась не обращать

внимания. То, что они нашли в файлах «Феникс Консалтинг», действовало сильнее любого обезболивающего — это был чистый адреналин ужаса.

Керем расхаживал по комнате, нервно кусая дужку очков.

— Ты понимаешь, что это? — он указал на экран. — Это не просто коррупция. Это прейскурانت на человеческие души.

На экране был открыт файл «Медиа-план 2024». Это была таблица Excel, сухая и циничная в своей деловитости.

• **Позиция 14:** Статья «Осторожно: вербовка в школах».

Исполнитель: газета «**Toplum & Gerçeklik**» («Общество и реальность»).

Стоимость: 15 000 евро. *ТЗ:* Связать рост подростковой депрессии с деятельностью нетрадиционных религиозных групп. Использовать термины «зомбирование», «ментальный вирус».

• **Позиция 18:** Ток-шоу «Моя дочь ушла в секту».

Исполнитель: Канал «**YG Media**».

Стоимость: 40 000 евро (включая гонорары подставным «жертвам»).

ТЗ: Эмоциональная накачка. Слезы матерей. Эксперт в студии (Озтюрк) должен заявить о необходимости принудительного лечения.

— Они покупают ненависть, как картошку на рынке, — прошептала Мира. — Смотри, здесь есть даже расценки на комментарии ботов в соцсетях. «Пакет «Гнев» — 5000 комментариев с призывами к депортации».

Керем остановился за её спиной, вглядываясь в строки.

— А вот это интереснее, — он ткнул пальцем в нижнюю часть таблицы. — Раздел «Спецпроекты».

Там значилось:

«Операция «Пазл».

Регион: Стамбул.

Цель: создание устойчивой ассоциативной связи «Секта = Террор».

Бюджет: засекречен.

Кураторы: РАЦИРС (многоуровневая координация, через аффилированные структуры).

Контактное лицо: Александр Леонидович Дворкин.

Сопровождение: медиа-аналитический контур, экспертно-психиатрические заключения, партнёрские НКО

— Что такое «Пазл»? — спросила Мира.

— Это методика кодирования, — мрачно ответил Керем. — Я читал об этом в материалах независимых расследований. Суть в том, чтобы смешать правду и ложь так, чтобы мозг не мог их разделить. Берется реальное событие — например, убийство ребенка психопатом. И рядом, в том же новостном блоке, ставится информация о какой-нибудь религиозной группе. Прямой связи нет, но мозг зрителя сам достраивает картинку. «Ага, значит, это они виноваты».

Мира вспомнила новости о Селин. Фото красивой женщины и кадры кровавых ритуалов.

— Они сделали это с Селин, — сказала она. — Они склеили её образ с чем-то чудовищным. И теперь миллионы людей верят, что она монстр.

— Не просто верят, — Керем начал рыться в бумагах на столе. — Они требуют крови. Я видел статистику запросов в прокуратуру. После эфира с Озтюром количество доносов на соседей выросло втрое. Люди пишут: «Мой сосед не празднует праздники, проверьте его, вдруг он террорист».

Мира открыла папку с перепиской отца. Письма были короткими, деловыми. Халук бей обсуждал с Демиром юридические аспекты.

«Халук, нам нужно заключение о том, что деятельность фонда «Возрождение» является социально значимой. Это позволит получить налоговые льготы и, главное, доступ в школы с лекциями по «духовной безопасности». Подготовь документы».

«Демир, есть риск. Европейский суд может признать это дискриминацией. Нам нужно прикрытие. Пусть инициатива исходит от «родительских

комитетов». Мы создадим пару таких организаций, посадим туда наших людей. Глас народа — лучшая ширма».

— Мой отец... — голос Миры дрогнул. — Он не просто защищает их. Он создает юридический каркас для этого концлагеря.

— Твой отец — умный человек, — жестко сказал Керем. — И это самое страшное. Он понимает, что делает. Он знает, что никаких «деструктивных культов» в том виде, как их рисует Озтюрк, не существует. Есть просто люди, которые верят иначе. Но на борьбе с ветряными мельницами можно заработать миллионы, если убедить всех, что мельницы — это великаны-людоеды.

Мира закрыла ноутбук. Ей стало физически плохо. Она вспомнила Раяна. Его простые, честные глаза. Его отказ от сделки. Он сидел в тюрьме, потому что отказался играть по правилам этих людей. А её отец сидел в кожаном кресле, потому что писал эти правила.

— Мы должны это опубликовать, — сказала она.

— Нельзя, — Керем покачал головой. — Если мы вывалим это сейчас, они заявят, что это фейк. Что мы взломали сервер и подделали данные. У нас нет оригиналов с печатями. Нам нужен свидетель. Человек изнутри.

— Кто?

— Тот, кто знает, как движутся деньги. Бухгалтер. Или... — Керем посмотрел на Миру. — Или тот, кто уже потерял всё и кому нечего бояться.

В клинике «Алеф» не было решеток на окнах. Стекла были бронированными, но прозрачными, открывая вид на ухоженный парк с высокими кипарисами. Тишина здесь была плотной, ватной, пахнувшей лавандой и дорогими антидепрессантами.

Селин сидела на кровати, глядя на свои руки. Они казались ей чужими. Тонкие, бледные, с аккуратно подстриженными ногтями. Она пыталась вспомнить, когда в последний раз держала в них руку дочери, но воспоминание ускользало, рассыпаясь на фрагменты, как сон после пробуждения.

Дверь открылась без стука. Вошла медсестра с подносом, а за ней — молодой врач, ассистент профессора Озтюрка.

— Время терапии, госпожа Селин, — сказал он с профессиональной улыбкой, которая не касалась глаз.

— Я не хочу, — тихо ответила она. — Таблетки делают меня... пустой.

— Это не пустота, это очищение, — врач присел на край стула. — Ваш разум был инфицирован. Мы удаляем вирус. Это болезненный процесс, но необходимый.

— Любовь к дочери — это вирус? — спросила она, поднимая на него взгляд.

Врач вздохнул, как вздыхает учитель, объясняющий прописные истины нерадивому ученику.

— То, что вы называете любовью, на самом деле — зависимость. Культ подменил ваши естественные привязанности. Вы хотели забрать ребенка в среду, где его личность была бы подавлена. Это не любовь, Селин. Это эгоизм, помноженный на фанатизм.

Он говорил спокойно, уверенно, используя термины, которые звучали как приговор. Дегуманизация здесь не требовала криков или ударов. Она происходила на уровне лексики. Её чувства называли «симптомами». Её воспоминания — «ложными конструкциями». Её саму — «носителем деструктивной программы».

— Вы делаете из меня вещь, — сказала она. — Куклу для моего мужа.

— Мы возвращаем вас в общество, — поправил врач. — Обществу нужны здоровые клетки. Атипичные клетки подлежат... коррекции.

Медсестра протянула стаканчик с таблетками.

— Пейте, Селин. Или нам придется применить зонд. Вы же не хотите травмировать себя?

Селин взяла стаканчик. Её воля, еще недавно такая сильная, истончилась под натиском химии и ежедневных бесед. Она проглотила таблетки, чувствуя, как внутри разливается холодное безразличие.

— Вот и умница, — врач встал. — Скоро придет профессор. Мы продолжим работу над вашим прошлым. Нам нужно найти момент, когда вы впервые впустили в себя врага.

Когда они вышли, Селин легла на подушку. Потолок начал медленно вращаться. В её сознании всплыло лицо Ардина. Грязное, злое, живое. Он был единственным, кто смотрел на неё как на человека, а не как на «кейс».

«Найди меня», — мысленно прошептала она, проваливаясь в медикаментозный туман. — «Пока я еще я».

Ардин сидел в машине на парковке у грузового порта, глядя на экран ноутбука. Дождь барабанил по крыше, создавая ритм для его мыслей. Флешка Демира была неисчерпаемым колодцем грязи, но теперь, после визита на базу наемников, Ардин искал не исполнителей, а заказчиков.

Он открыл файл, который пропустил в первый раз. Это был черновик аналитической записки, адресованный «Совету попечителей».

«Анализ эффективности стратегии управляемого хаоса. Введение понятия «тоталитарная секта» в правовое поле позволило нам создать универсальный инструмент давления. Теперь любого оппонента — будь то политический активист, эколог или конкурент по бизнесу — можно маргинализировать, обвинив в связях с «деструктивными культами». Общество, находящееся в состоянии тревоги после серии инцидентов (см. отчет по объекту 45), готово принять любые ограничения свобод в обмен на иллюзию безопасности. Следующий этап: лоббирование закона о «религиоведческой экспертизе». Это даст нам монополию на истину. Мы сами будем решать, кто верит правильно, а кто — преступно».

Ардин ударил кулаком по рулю.

Стадион. Сорок трупов. Его жена. Его сын. Все это было нужно только для того, чтобы создать «состояние тревоги». Чтобы люди, напуганные взрывом, согласились на закон, который позволит Демиру и его хозяевам объявлять врагами кого угодно.

Это была не религиозная война. Это был бизнес-план.

Он вспомнил слова Милоша: «Нам сказали: нужно много шума».

Ардин переключился на банковские выписки. Деньги на организацию теракта пришли со счета фирмы-однодневки, зарегистрированной на Кипре. Но эта фирма получала финансирование от...

Он прищурился. Цепочка транзакций была запутанной, но конечный бенефициар угадывался. Фонд, связанный с международной антикультистской сетью. Те самые люди, которые проводили конференции о «духовной безопасности» в Париже и Берлине, оплачивали взрывчатку в Стамбуле.

Они создавали проблему, чтобы потом продать решение.

Ардин достал из кармана фотографию, найденную на базе наемников. Молодой боевик, похожий на него как две капли воды. Командир Бесим.

Если этот человек — его отец, то какова его роль в этой схеме? Он просто наемник, как Милош? Или он часть этой архитектуры ненависти?

Телефон завибрировал. Сообщение от Миры: *«Мы нашли медиа-план. Они готовят новую атаку. На этот раз цель — не просто Селин, а все, кто пытается её защитить. Будь осторожен».*

Ардин усмехнулся. Осторожность — это роскошь, которую он больше не мог себе позволить.

Он завел мотор. Теперь он знал, куда ехать. Не к Демиру. Демир был лишь кошельком. Ему нужно было найти того, кто писал эти аналитические записки. Того, кто придумал превратить веру в преступление, а любовь — в диагноз.

Камера Раяна в этот вечер казалась особенно тесной. После отказа от сделки режим ужесточили. Забрали матрас, оставив только голые нары. Уменьшили пайку. Охранники перестали разговаривать, только лаяли команды.

Но Раян чувствовал странное спокойствие. Он сидел на холодном металле нар, держа в руках Библию в синем переплете, которую Керем все-таки сумел передать через тюремного капеллана.

Он читал не о чудесах и не о рае. Он читал о людях, которых гнали, били, убивали за слово. И он понимал, что история повторяется. Римская империя никуда не исчезла. Она просто сменила тоги на деловые костюмы, а арены с львами — на залы суда и телестудии.

— Эй, парень, — голос из соседней камеры, через вентиляцию. Это был старый вор, дядя Ахмет. — Ты дурак. Подписал бы бумагу, вышел бы через год. Зачем тебе это?

— Чтобы не стать ими, — ответил Раян в темноту.

— Кем ими?

— Теми, кто думает, что человека можно купить или сломать. Теми, кто строит свою власть на страхе.

— Страх — это сила, сынок.

— Нет, дядя Ахмет. Страх — это тюрьма. Даже если ты на свободе. А я... я свободен. Даже здесь.

Он закрыл книгу. В коридоре слышались шаги. Не обычный обход. Стук каблуков, уверенный, властный.

Дверь камеры открылась. На пороге стоял не охранник. Это был человек в дорогом пальто, которого Раян видел только по телевизору в камере предварительного заключения. Профессор Озтюрк.

Он вошел в камеру, брезгливо оглядываясь, и достал платок, чтобы прикрыть нос.

— Раян Йылмаз, — произнес он, разглядывая парня как редкое насекомое. — Интересный экземпляр. Уголовник, который вдруг решил поиграть в святого.

— Что вам нужно? — Раян не встал.

— Мне? Ничего. Я пришел посмотреть на аномалию. Мои коллеги говорят, что вы не поддаетесь стандартным методам давления. Это любопытно. Обычно люди вашего круга ломаются быстро.

Озтюрк подошел ближе.

— Вы думаете, что ваша жертва имеет смысл? Что вы спасаете кого-то? Вы просто винтик, который попал в жернова. Мы перемелем вас, Раян. Мы сделаем из вас монстра. Завтра в газетах напишут, что вы были завербованы радикалами в тюрьме. Что вы планировали убить дочь Халука бея ради финансирования террора.

И люди поверят. Потому что люди хотят верить в монстров. Это оправдывает их собственную жестокость.

Раян посмотрел ему в глаза. В глазах профессора была пустота. Интеллектуальная, высокомерная пустота человека, который давно убил в себе совесть, заменив её «научной целесообразностью».

— Вы можете написать что угодно, — тихо сказал Раян. — Вы можете убить меня. Но вы не можете заставить меня ненавидеть вас. И это вас бесит, правда?

Озтюрк замер. Его лицо на мгновение потеряло маску невозмутимости.

— Ненавидеть? — усмехнулся он. — Ненависть — это удел слабых. Мы — архитекторы. Мы строим новый порядок. И в этом порядке нет места таким ошибкам эволюции, как вы.

Он развернулся и вышел. Дверь захлопнулась с грохотом, который эхом прокатился по коридору.

Раян остался один. Но теперь он точно знал: он не просто жертва обстоятельств. Он — камень, о который споткнулась их машина. И если он устоит, машина может треснуть.

На полу, в луче света из коридора, лежал листок бумаги, который Озтюрк «случайно» уронил. Раян поднял его. Это была распечатка статьи, которая должна была выйти завтра.

Заголовок гласил: *«Исповедь террориста: как я готовил похищение по приказу секты»*. Под заголовком было фото Раяна.

Они уже все написали. Им не нужна была его подпись. Им нужно было только его молчание.

Раян сжал бумагу в кулак.

— Не дождетесь, — прошептал он.

Глава 10: Мать

Район Газиосманпаша всегда славился своей дурной репутацией, но тот квартал, куда привел Ардина навигатор, казался забытым даже муниципальными службами и полицией. Здесь, на окраине Стамбула, город терял свой блеск и величие, рассыпаясь на хаотичное нагромождение самостроя. Узкие улочки, больше похожие на трещины в асфальте, петляли между домами из красного кирпича, многие из которых так и не дождались штукатурки. Спутниковые тарелки ржавели на крышах, словно грибы-паразиты, а бельевые веревки, натянутые между балконами, напоминали паутину, в которой запутались выцветшие футболки и детские ползунки.

Ардин заглушил мотор арендованного автомобиля. Тишина здесь была обманчивой, тяжелой. Она пахла угольной гарью — многие до сих пор топили печи чем придется, — сыростью и дешевым табаком. Он сидел в машине, сжимая руль, и смотрел на дом под номером 14. Это была двухэтажная постройка с облупившейся зеленой краской на воротах и окнами, занавешенными плотными, пыльными тюлями.

В кармане куртки, рядом с холодным металлом пистолета, лежала фотография. Та самая, которую он украл из архива наемников. Молодой боевик с его лицом. Командир Бесим.

Путь к этому адресу занял у него три дня. Три дня он поднимал старые связи, платил информаторам, рылся в архивах миграционной службы, сопоставляя даты и фамилии. Женщина, которая родила его тридцать пять лет назад и оставила в приюте с запиской «Так будет лучше», не исчезла бесследно. Она просто стала невидимкой. Сменила имя, фамилию, историю. Но бюрократия — это зверь, который помнит всё. След от пособия по инвалидности, оформленного на имя Хатидже Йылмаз, привел его сюда.

Ардин вышел из машины. Холодный ветер ударил в лицо, забираясь под воротник. Ребра, сломанные в аварии, отозвались тупой, ноющей болью. Это было хорошо. Боль напоминала, что он жив, хотя внутри него все давно выгорело.

Он толкнул калитку. Она скрипнула, но поддалась. Дворик был крошечным: пара кустов герани в банках из-под краски, старый пластиковый стул и гора дров, накрытая полиэтиленом.

Ардин постучал в дверь. Три коротких удара.

За дверью слышались шаркающие шаги. Потом тишина. Кто-то смотрел в глазок.

— Кто там? — голос был женским, надтреснутым, прокуренным.

— Почта, — солгал Ардин. — Заказное письмо для Хатидже Йылмаз.

Замок щелкнул, дверь приоткрылась на цепочку. В щели показалась часть лица: глубокие морщины, седые волосы, выбивающиеся из-под платка, и глаза. Темные, настороженные глаза, в которых застыл вечный страх загнанного животного.

Ардин смотрел в эти глаза и искал в себе хоть что-то. Отклик. Тепло. Обиду. Но там была пустота. Он смотрел на незнакомку.

— Нет никакой Хатидже, — буркнула женщина, пытаясь закрыть дверь.

Ардин подставил ботинок в проем.

— Я знаю, что это вы, — тихо сказал он. — Мне не нужно письмо. Мне нужно поговорить.

— Уходи, или я закричу. Соседи вызовут полицию.

— Полиция сюда не приедет, — Ардин надавил на дверь плечом, преодолевая сопротивление цепочки. — И вы это знаете. Вы боитесь полиции больше, чем меня.

Женщина замерла. Её взгляд метнулся к его рукам, проверяя, нет ли оружия.

— Кто ты? Коллектор? Я все отдала в прошлом месяце.

— Я не за деньгами. Я Ардин.

Имя повисло в воздухе, как брошенный камень. Женщина моргнула. Её зрачки расширились, а рука, державшая дверь, задрожала. Она медленно, словно во сне, отцепила цепочку и распахнула дверь.

— Ардин... — выдохнула она. Это прозвучало не как приветствие, а как стон.

Он вошел внутрь. В доме пахло старостью, лекарствами и жареным луком. Обстановка была бедной, но чистой: потертый ковер, диван, накрытый пледом, старый телевизор в углу, на котором лежала кружевная салфетка. На стенах не было фотографий. Ни одной. Словно у этой женщины не было прошлого.

Она отступила вглубь комнаты, прижимая руки к груди. Теперь, при свете тусклой лампочки, Ардин видел, как сильно она постарела. Ей должно было быть чуть больше пятидесяти, но выглядела она на все семьдесят. Жизнь в страхе высасывает молодость быстрее любой болезни.

— Ты нашел меня, — сказала она, опускаясь в кресло. Ноги её не держали. — Я знала, что этот день настанет. Я видела сны.

Ардин остался стоять. Ему не хотелось садиться. Он чувствовал себя судьей, пришедшим огласить приговор, хотя сам не знал, в чем её вина.

— Почему? — спросил он. Единственный вопрос, который мучил его всю жизнь. — Почему ты меня бросила?

Хатидже (или как её звали на самом деле — Эмине) достала из кармана кофты пачку дешевых сигарет. Её пальцы тряслись так сильно, что она не могла вытащить сигарету. Ардин шагнул вперед, взял пачку, достал одну и протянул ей. Чиркнул зажигалкой.

Она жадно затянулась, закрыв глаза. Дым наполнил комнату сизым туманом.

— Ты думаешь, я не хотела тебя? — её голос стал жестче. — Думаешь, я была гулящей девкой, которая нагуляла ребенка и скинула его государству?

— Я ничего не думаю. Я хочу знать правду.

— Правда... — она горько усмехнулась. — Правда в том, сынок, что я спасла тебе жизнь. И душу.

Она посмотрела на него в упор.

— Ты похож на него. Господи, как же ты на него похож. Те же глаза. Тот же разрез рта. Даже стоишь так же, ссутулившись, готовый к прыжку.

Ардин достал из кармана фотографию и положил её на стол перед ней.

— На кого? На него?

Эмине взглянула на снимок и отшатнулась, словно увидела змею. Она закрыла лицо руками, и её плечи затряслись в беззвучном плаче.

— Откуда это у тебя? — прошептала она сквозь пальцы. — Где ты это взял?

— Это неважно. Кто он? Мой отец?

Она кивнула, не отнимая рук от лица.

— Бесим. Его звали Бесим.

— Звали? Он мертв?

Эмине опустила руки. Её лицо было мокрым от слез, но взгляд стал твердым.

— Для меня он умер двадцать лет назад. Но для мира... Нет. Зло не умирает так просто.

Она затянулась снова, глядя в одну точку на стене.

— Мы познакомились в Приштине, перед самой войной. Он был красивым. Студент, поэт, горячая кровь. Мы мечтали о свадьбе, о доме, о детях. А потом началось... Сербь, албанцы, стрельба на улицах. Бесим ушел в горы. Он говорил, что защищает родину. Я верила ему. Я гордилась им.

Она замолчала, стряхивая пепел на пол, хотя пепельница стояла рядом.

— Он вернулся через полгода. Но это был уже не мой Бесим. Война что-то сломала в нем. Или, наоборот, открыла. Он приходил по ночам, грязный, пахнущий порохом и кровью. И он... он улыбался. Он рассказывал страшные вещи, Ардин. Не о боях. О зачистках. О том, как они заходили в деревни. О том, что они делали с пленными.

Ардин слушал, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Он знал, что такое война. Он видел последствия терактов. Но слышать это о своем отце...

— Ему это нравилось, — продолжила Эмине шепотом. — Он упивался властью. Властью над жизнью и смертью. Он стал командиром отряда. Их называли «Тени». Они не подчинялись никому. Они грабили, убивали, насиловали. И своих, и чужих. Для них не было разницы. Война стала для него бизнесом.

— А я? — спросил Ардин.

— Я забеременела, когда он пришел в увольнительную. Я думала, ребенок его изменит. Думала, он вспомнит, что он человек. Но когда ты родился... Он пришел в роддом. Он посмотрел на тебя и сказал: «Хороший волчонок. Вырастет — дам ему автомат. Будет моей правой рукой».

Эмине посмотрела на Ардина с ужасом.

— Он не видел в тебе сына. Он видел преемника. Солдата. Он хотел забрать тебя в лагерь, как только ты начнешь ходить. Он говорил: «Я научу его убивать раньше, чем читать».

Ардин сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— И ты сбежала.

— Я украла документы, взяла тебя и бежала ночью. Через границу, в Македонию, потом в Турцию. Я знала, что он будет искать. У него были длинные руки. Он стал большим человеком. Полевым командиром. У него были деньги, люди. Если бы он нашел нас... он бы убил меня, а тебя забрал.

Она потушила сигарету, раздавив окурочек в пепельнице.

— Я не могла рисковать тобой. Я понимала, что со мной тебе опасно. Я оставила тебя в приюте в другом городе, под чужой фамилией. Я думала, так он тебя не найдет. Я думала, ты вырастешь обычным человеком. Врачом, учителем. Кем угодно, только не убийцей.

Она подняла на него глаза, полные боли.

— А ты стал полицейским. Я видела тебя по телевизору пару лет назад. Ты давал интервью. Комиссар Ардин. Ты все равно взял в руки оружие.

— Это другое, — хрипло сказал Ардин. — Я защищал закон.

— Закон? — Эмине грустно улыбнулась. — Кровь не водица, сынок. Ты можешь надеть форму, можешь выучить кодексы, но то, что течет в твоих жилах... это его кровь. Кровь волка.

Эти слова ударили Ардина сильнее, чем пуля. Он вспомнил, как допрашивал Милоша. Как ломал ему пальцы. Как стрелял в ногу. Он делал это не ради закона. Он делал это ради мести. И в тот момент, когда наемник кричал от боли, Ардин чувствовал... удовлетворение.

Он посмотрел на свои руки. Они были руками его отца.

— Где он сейчас? — спросил Ардин.

— Я не знаю точно. Но я слышала... Люди говорят. Он сменил имя. Теперь он не Бесим. Теперь он называет себя Архитектором. Или просто Командиром. У него своя армия. Наемники. Они работают по всему миру. Сирия, Ливия, Украина... И здесь, в Стамбуле.

Ардин замер. Архитектор. Это слово он видел в переписке Демира. Это слово произнес Милош.

— Он здесь? — переспросил Ардин.

— Он всегда там, где пахнет деньгами и кровью.

Пазл сложился. Последний, самый страшный кусок встал на место.

Человек, чьи люди взорвали стадион. Человек, который убил Нату и Эмира. Человек, за которым Ардин охотился, готовый разорвать его голыми руками.

Этот человек был его отцом.

Ардин почувствовал, как комната начинает вращаться. Тошнота подступила к горлу. Это была какая-то чудовищная, библейская насмешка судьбы. Он искал убийцу своей семьи, а нашел своего создателя.

— Он убил мою жену, — сказал Ардин. Голос его звучал глухо, как из-под земли. — И моего сына. Твоего внука.

Эмине вскрикнула, прижав ладонь ко рту.

— Нет...

— Да. Теракт на стадионе. Это были его люди.

Женщина сползла с кресла на пол. Она начала раскачиваться из стороны в сторону, воя, как раненое животное.

— Проклятие... Это проклятие... Я знала... Кровь требует крови...

Ардин смотрел на неё и не чувствовал жалости. Только холодную, ледяную ярость. Она спасла его от отца, чтобы он вырос и потерял своего сына от рук того же отца. Змея укусила себя за хвост.

— Как его найти? — спросил Ардин. — Ты знаешь. Ты следила за ним. Ты боялась его, значит, ты знала, где он.

Эмине подняла голову. Её лицо было серым.

— Не ходи к нему, Ардин. Он убьет тебя. Или, что еще хуже, он сделает тебя таким же.

— Я уже такой же, — сказал Ардин. — Ты сама сказала.

Он наклонился и поднял фотографию со стола.

— Где он?

— Старый порт, — прошептала она. — У него там склады. Фирма «Босфор Логистик». Я видела его людей там месяц назад. Я ходила туда... хотела посмотреть издалека. Убедиться, что он не ищет меня.

— Спасибо.

Ардин развернулся и пошел к двери.

— Ардин! — крикнула она ему в спину. — Не делай этого! Уезжай! Забудь! У тебя еще может быть жизнь!

Он остановился на пороге. Обернулся.

— У меня нет жизни, мама. У меня есть только цель.

Он вышел из дома, оставив дверь открытой. Ветер ворвался в комнату, раздувая занавески, выдувая запах старости и страха.

Ардин сел в машину. Его руки дрожали, но теперь это была не дрожь волнения. Это была вибрация перегруженного механизма.

Он достал телефон. На экране светилось сообщение от Миры: *«Мы нашли связь. Охранная фирма Демира переводила деньги на счета «Босфор Логистик». Это база».*

Все сходилось.

Ардин посмотрел в зеркало заднего вида. Он видел свои глаза. Темные, глубокие, жесткие. Глаза Бесима. Глаза убийцы.

— Ты хотел волчонка? — прошептал он своему отражению. — Ты его получишь.

Он завел мотор. Теперь это была не просто месть. Это была война с собственной кровью. Он должен был убить отца не только для того, чтобы отомстить за сына. Он должен был убить его, чтобы убить монстра в себе.

Дождь усилился, превращая улицы трущоб в грязные реки. Ардин ехал сквозь этот поток, и ему казалось, что он спускается в ад. Но на этот раз он знал имя дьявола. И у них была одна фамилия.

В бардачке, рядом с пистолетом, лежал синий детский кроссовок. Ардин коснулся его пальцами. Маленький, мягкий, безобидный предмет. Якорь, который удерживал его в мире людей. Пока он помнит, как завязывал шнурки на этом кроссовке, он не станет Бесимом. Он надеялся на это.

Но где-то в глубине души, в темном подвале подсознания, волк уже поднял голову и оскалился, чувствуя приближение стаи.

Ардин выехал на трассу. Огни Стамбула расплывались в дожде, превращаясь в кровавые пятна. Впереди была ночь. И в этой ночи его ждала встреча, которая была предначертана еще до его рождения.

Он набрал номер Керема.

— Я знаю, кто главный, — сказал он, когда адвокат ответил. — Собирай всех. Нам нужно поговорить. И, Керем... приготовься. То, что я скажу, вам не понравится.

— Ты нашел его? — спросил Керем.

— Я нашел себя, — ответил Ардин и нажал отбой.

Машина растворилась в потоке, став одной из тысяч стальных капсул, несущихся сквозь темноту. Но внутри этой капсулы тикала бомба, страшнее той, что взорвалась на стадионе. Бомба генетической памяти, готовая детонировать при встрече двух полюсов одной цепи.

Ардин ехал убивать своего отца. И спасти то, что осталось от его собственной души.

Глава 11: Паутина лжи

Дождь барабанил по проржавевшей крыше старого эллинга в районе Бейкоз, создавая монотонный, давящий ритм, под который мысли текли медленно и тяжело. Это место нашел Керем — заброшенная лодочная мастерская, принадлежавшая его дяде, давно уехавшему в Германию. Здесь пахло мазутом, сырой древесиной и плесенью, но главное — здесь не было камер, соседей и цифровых следов.

В центре огромного, полутемного помещения, освещенного лишь парой переносных ламп, стоял верстак, заваленный ноутбуками, распечатками и жесткими дисками. Вокруг него собрались четверо. Люди, которые еще неделю назад не знали о существовании друг друга, теперь были связаны узлом, который невозможно разрубить, не пролив кровь.

Раян сидел на ящике из-под инструментов, обхватив голову руками. Он вышел под залог всего три часа назад. Керем совершил юридическое чудо, найдя процессуальные нарушения при задержании и внеся залог, деньги на который дала Мира, продав свои драгоценности. Тюремный запах — смесь хлорки, дешевого табака и страха — все еще исходил от его одежды, въевшись в поры кожи.

— Ты уверен, что за тобой не было хвоста? — спросил Ардин. Он стоял у окна, заклеенного черным полиэтиленом, и чистил свой «Глок». Его движения были механическими, успокаивающими. Разборка, смазка, сборка. Щелчок затвора.

— Уверен, — тихо ответил Раян. — Керем менял машины трижды. Мы петляли по переулкам Ускюдара час.

— Они могли поставить маячок на твою одежду, — Ардин не повернулся. — Или вживить чип.

— Прекрати его пугать, — вмешалась Мира. Она сидела за главным ноутбуком, её раненое плечо ныло, но она не отрывала взгляда от экрана. — Мы в «слепой зоне». Я проверяла сеть. Никаких исходящих сигналов, кроме нашего зашифрованного канала.

Селин молчала. Она сидела в углу, укутавшись в плед, и смотрела на пламя газовой горелки, на которой кипел чайник. После побега из клиники и короткой

встречи с Ардином она казалась призраком. Её лицо осунулось, под глазами залегли черные тени, но взгляд стал пугающе ясным. Химия, которой её пичкали врачи Озтюрка, выходила из организма, оставляя после себя оголенные нервы.

— Нам нужно решить, что делать с этим, — Мира кивнула на экран. — То, что мы нашли в файлах «Феникса» и на флешке Демира... Это не просто компромат. Это чертежи ада.

Ардин подошел к столу. Он положил пистолет рядом с клавиатурой — весомый аргумент в любом споре.

— Мы знаем, кто они, — сказал он. — Мы знаем, где они. Демир, Озтюрк, мой... — он запнулся, — Архитектор. Нужно нанести удар. Физический. Обезглавить гидру.

— Нет, — твердо сказал Раян, поднимая голову. — Если мы начнем убивать, мы станем такими же, как они. Мы подтвердим их ложь. Они назовут нас террористами, и на этот раз будут правы.

— Мы и так террористы в их глазах! — Ардин ударил кулаком по столу. — Ты видел газеты? Ты читал, что они пишут о тебе? «Исламист-радикал». О Селин? «Одержимая сектантка». Обо мне? «Коррумпированный коп-убийца». Им плевать на правду. Они создают реальность. Единственный способ остановить их — пуля.

— Пуля остановит одного человека, — возразил Раян. — Но на его место придут двое. Система не держится на людях, Ардин. Она держится на идеях. На страхе. На лжи. Мы должны убить ложь.

Мира развернула ноутбук так, чтобы всем было видно.

— Раян прав, — сказала она. — Посмотрите сюда. Это аналитическая записка из папки «Стратегия 2025».

На экране светился текст документа с грифом «Конфиденциально».

«Проект «Социальный иммунитет». Цель: создание управляемой среды нетерпимости. Описание: Внедрение в массовое сознание устойчивых ассоциативных связей. Пример: «Религиозное меньшинство = Угроза детям». Для закрепления связи используются инциденты с участием медийных персон или трагические события (скулишутинг, теракты). Результат: Общество само требует изоляции и уничтожения целевой группы, воспринимая это как акт

самозащиты. Дегуманизация оппонента позволяет применять к нему любые меры воздействия, минуя правовые нормы».

— Вы понимаете? — голос Миры дрожал от гнева. — Они не просто воруют деньги или строят отели. Они перепрошивают мозги. Они используют теракты, как топливо.

Ардин взял со стола распечатку другого файла. Это была смета расходов по объекту № 45. Стадион.

— Селин, — позвал он.

Женщина в углу вздрогнула.

— Посмотри на это.

Селин медленно подошла к столу. Она взяла лист бумаги. Цифры, даты, фамилии.

«Оплата услуг подрядчика (группа «Волки») — 2 млн евро.

Назначение: Обеспечение «коридора» и закладка спецсредств.

Цель: Снос ветхого строения (стадион) путем контролируемого обрушения в условиях ЧС.

Примечание: Сопутствующие потери среди гражданского населения допустимы в пределах статистической погрешности.

Заказчик: Холдинг Кармана. Подпись: Д. Карман».

Селин читала, и буквы расплывались перед глазами. «Сопутствующие потери». Сорок человек. Жена Ардина. Его сын.

Она вспомнила тот день. Демир был необычайно возбужден. Он говорил о том, что скоро их бизнес выйдет на новый уровень. Что старый стадион мешает строительству элитного комплекса, но городские власти не дают разрешения на снос из-за исторической ценности.

— Он взорвал их... — прошептала она. — Он убил их ради земли?

— Не только, — жестко сказал Ардин. — Земля — это бонус. Главная цель была — страх. Взрыв на матче позволил им протащить закон о «чрезвычайных мерах

безопасности». Теперь его охранные фирмы контролируют половину города. А фонд Озтюрка получил гранты на борьбу с экстремизмом.

Селин подняла глаза на Ардина. В них стояли слезы, но это были слезы не жалости, а ужасающего прозрения.

— Я спала с ним, — сказала она. — Я рожала от него детей. Я жила с чудовищем и думала, что он просто строгий муж.

— Он не просто чудовище, — вмешалась Мира, открывая следующий файл. — Он часть глобальной сети. Посмотрите на переводы. Деньги от теракта ушли в Европу. В организацию, которая называет себя «Федерация центров исследований». Они сидят в Брюсселе, пьют кофе и разрабатывают методички, как превращать людей в биомассу.

Мира открыла документ под названием «Кейс Вена».

«Использование инцидента на концерте для дискредитации целевой группы. Вброс информации о религиозной принадлежности нападавших. Формирование у молодежной аудитории страха перед инакомыслием через угрозу кумиру».

— Они планируют это везде, — продолжила Мира. — Они используют подростков. В файлах есть переписка о вербовке школьников через соцсети. Их накачивают ненавистью, дают оружие, а потом, когда происходит трагедия, выходят эксперты вроде Озтюрка и говорят: «Видите? Мы предупреждали. Нужно запретить все, что не контролируется государством».

Раян встал и подошел к верстаку. Он положил руку на плечо Селин, но смотрел на Ардина.

— Ты хочешь убить Демира? Хорошо. Допустим, ты доберешься до него. Но что это изменит? Деньги уйдут на другие счета. Придет другой Демир. А эти люди в Брюсселе даже не заметят потери пешки. Мы должны ударить по их главному активу.

— По какому? — спросил Ардин.

— По их анонимности. По их репутации «спасителей». Мы должны выложить все. Сметы, переписки, планы по кодированию. Мы должны показать людям, что их страх — это искусственный продукт.

— Это опасно, — сказал Керем, который до этого молча курил у входа. — Как только мы это опубликуем, они спустят на нас всех собак. Нас объявят иностранными агентами, шпионами, сумасшедшими.

— Мы уже никто, — ответила Мира. — У нас нет выбора.

Ардин молчал. Он смотрел на синий кроссовок, который выложил на стол рядом с пистолетом. Маленький, потертый башмак. Свидетель того, как «сопутствующие потери» превращаются в личный ад.

— Есть еще кое-что, — глухо сказал он. — Прежде чем мы начнем эту войну, вы должны знать, с кем мы воюем на самом деле.

Он полез во внутренний карман куртки и достал старую, помятую фотографию. Положил её в центр стола, под свет лампы.

На снимке молодой боевик с автоматом улыбался в объектив.

Мира наклонилась ближе.

— Это ты? — спросила она удивленно. — Откуда у тебя фото в форме?

— Это не я, — ответил Ардин. — Это сделано в 1998 году. В Косово.

Селин ахнула. Она знала лицо Ардина лучше всех. Она помнила каждую черточку. И сходство было абсолютным.

— Это мой отец, — сказал Ардин. — Бесим. Командир отряда «Тени».

В эллинге повисла тишина. Слышно было только, как дождь бьет по крыше.

— Я думал, он погиб, — продолжил Ардин, глядя на фото с ненавистью. Но он жив. И он здесь, в Стамбуле.

Он перевел взгляд на Селин.

— Твой муж — заказчик. А мой отец — исполнитель. Группа «Волки», которая взорвала стадион, — это его люди. Он называет себя Архитектором.

Раян отступил на шаг.

— Твой отец... террорист?

— Наемник, — поправил Ардин. — Ему плевать на идеологию. Он убивает за деньги. Он создал эту структуру, которая выполняет грязную работу для

корпораций. Демир платит, Бесим взрывает, Озтюрк объясняет, почему это хорошо. Это замкнутый цикл.

Ардин поднял глаза на своих спутников.

— Я плоть от плоти его. Во мне течет его кровь. Я чувствую это каждый раз, когда беру в руки оружие. Я хочу убивать. Мне это нравится. И именно поэтому я должен остановить его. Не только ради мести. А чтобы убить его в себе.

Селин подошла к нему и взяла его за руку. Её ладонь была холодной, но рукопожатие — крепким.

— Мы не выбираем родителей, Ардин. Но мы выбираем, кем быть. Ты не он. Ты плакал над этим кроссовком. Он бы перешагнул через него.

Мира вернулась к клавиатуре. Её пальцы зависли над клавишами.

— Если мы это сделаем, назад дороги не будет. Они будут охотиться за нами до конца жизни.

— У нас и так нет жизни, — сказал Раян. — Есть только этот момент.

— Публикуй, — скомандовал Ардин.

Мира нажала Enter.

Полоса загрузки на экране поползла вправо. Пакет документов весом в четыре гигабайта уходил на сервера независимых журналистских консорциумов, в редакции международных газет и на открытые файлообменники.

«Проект Феникс: Машина государственного террора».

Первым ушел файл о стадионе. Затем — переписка Озтюрка о фабрикации диагнозов. Следом — схемы финансирования через европейские фонды.

— Готово, — выдохнула Мира.

Они стояли и смотрели на экран, словно ожидая, что мир перевернется мгновенно. Но ничего не происходило. Только мигал курсор.

— И что теперь? — спросил Раян.

— Теперь мы ждем, — ответил Керем. — И готовимся к обороне.

Телефон Керема зазвонил через три минуты. Это был его знакомый из редакции оппозиционной газеты.

— Ты видел это? — кричал голос в трубке так громко, что слышали все. — Кто это слил? Тут имена министров! Тут счета Демира Кармана! Это правда?

— Это только начало, — ответил Керем и отключил телефон. Он вытащил сим-карту и сломал её.

— Началось, — сказал он.

В этот момент Ардин подошел к карте города, висевшей на стене. Он достал маркер и обвел красным кругом район порта.

— Пока они будут разбираться с прессой, я займусь делом, — сказал он. — Документы ударят по Демиру. Но Бесима бумажками не возьмешь. Он солдат. С ним нужно говорить на его языке.

— Ты пойдешь один? — спросила Селин.

— Я пойду на разведку. Я знаю, где его база. «Босфор Логистик». Склады в порту. Мать сказала, что видела его там.

— Я с тобой, — сказал Раян.

— Нет, — отрезал Ардин. — Ты пацифист, Раян. Ты веришь в силу слова. А там говорят свинцом. Ты останешься здесь и будешь охранять женщин. Если они вычислят это место, ты — последняя линия обороны.

Раян хотел возразить, но посмотрел на Миру и Селин. Они были беззащитны. Мира с раненым плечом, Селин с искалеченной психикой.

— Хорошо, — кивнул он. — Но пообещай мне одну вещь.

— Какую?

— Ты не станешь им. Ты вернешься человеком, а не зверем.

Ардин не ответил. Он сунул пистолет за пояс, накинул капюшон и направился к выходу.

У двери он остановился.

— Селин, — сказал он, не оборачиваясь. — Твой муж заплатит. Я обещаю. Но сначала я должен разобраться со своей семьей.

Он вышел в дождь.

Оставшиеся в эллинге молчали. Мира обновляла новостные ленты. Первые заголовки уже начали появляться.

«Кто на самом деле взорвал стадион?» «Кровавые деньги: Связь строительного магната с международным терроризмом». «Секты или жертвы? Опубликованы секретные протоколы психиатров».

Система, казавшаяся монолитом, получила первую трещину. Но это была лишь царапина на броне левиафана.

Где-то в высоком кабинете в Левенте Демир Карман сейчас швырял телефон в стену. Где-то в Брюсселе господин Жан-Поль хмурился, читая отчеты. А в порту, среди контейнеров и кранов, старый волк Бесим, возможно, уже чувствовал запах приближающегося молодого соперника.

Раян сел на пол и открыл Библию. Он читал вслух, тихо, чтобы не мешать Мире работать, но достаточно громко, чтобы заглушить шум дождя.

— «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы...»

Селин слушала его голос. Впервые за долгое время страх отступил. Она смотрела на экран ноутбука, где мелькали цифры и факты, разрушающие её прошлую жизнь, и чувствовала странное облегчение. Ложь, в которой она жила, рухнула. Теперь осталась только голая, страшная, но правда.

И в этой правде у неё была цель. Вернуть дочь. Теперь она знала, что её муж — не всесильный бог, а преступник. А преступников можно победить.

Мира вдруг вскрикнула.

— Смотрите!

Она открыла документ, который пропустила при первом просмотре. Это была переписка между Демиром и начальником его службы безопасности.

«Объект «Дочь». В случае критической угрозы активам или утечки информации, перевезти объект в безопасное место. Локация: Частная школа-пансион в Швейцарии. Вылет запланирован на 15-е число».

— Пятнадцатое... — прошептала Селин. — Это послезавтра.

— Они хотят вывезти Айлин, — сказала Мира. — Если она покинет страну, ты её больше никогда не увидишь.

Селин встала. Плед упал с её плеч.

— Мы не можем ждать, пока сработают статьи, — сказала она. Голос её звенел сталью. — Ардин пошел за своим отцом. А я пойду за своей дочерью.

— Ты не можешь пойти туда, — возразил Керем. — Дом Демира — это крепость.

— Я знаю эту крепость изнутри, — ответила Селин. — Я знаю коды, я знаю входы для прислуги. И я знаю, где он прячет ключи от сейфа с паспортами.

Она подошла к столу и взяла маркер. На обратной стороне одной из распечаток она начала рисовать план особняка.

— Раян, — позвала она. — Ты говорил, что ты защитник женщин. Ты готов доказать это?

Раян закрыл книгу. Он посмотрел на план, потом на решительное лицо Селин.

— Я не возьму оружие, — предупредил он.

— Тебе не нужно оружие, — сказала Селин. — Мне нужен водитель и человек, который вынесет ребенка, пока я буду отвлекать охрану.

В темном, сыром эллинге, под шум дождя и гул работающих серверов, рождался новый план. План отчаяния. Паутина лжи была разорвана, но теперь героям предстояло пройти через её обрывки, которые были липкими от крови.

На столе, забытый всеми, лежал синий детский кроссовок. В свете лампы он казался маленьким корабликом, плывущим по морю бумаг и цифровых данных, единственным напоминанием о том, что в этой войне на кону стоят не деньги и не власть, а невинность, которую так легко потерять и невозможно вернуть.

Глава 12: Охота на ведьм

Экран ноутбука в полумраке эллинга светился холодным, мертвенным светом, выхватывая из темноты осунувшиеся лица беглецов. Дождь снаружи прекратился, но воздух внутри оставался тяжелым, пропитанным запахом сырости, машинного масла и нарастающей паники. Тишина, которая должна была принести облегчение после публикации документов, оказалась обманчивой. Это была не тишина победы, а затишье перед цунами.

Мира сидела на полу, прижав колени к груди, и безостановочно обновляла новостную ленту. Её здоровая рука дрожала, пальцы срывались с тачпада.

— Они не оправдываются, — прошептала она, и в её голосе звучало искреннее непонимание. — Они даже не пытаются опровергнуть факты. Они делают кое-что похуже.

Ардин подошел к ней из темноты, где он последние два часа разбирал и чистил свой «Глок». Механические движения успокаивали, возвращали иллюзию контроля, но то, что он увидел на экране, заставило его мышцы напрячься.

На сайте крупнейшего новостного агентства страны висел баннер с кричащим заголовком: «Раскрыта экстремистская ячейка «Босфор». Кто стоит за атакой на национальную безопасность?».

Мира кликнула на видео. Запустился прямой эфир. В студии, оформленной в тревожных красно-черных тонах, сидел ведущий с лицом профессионального плакальщика и уже знакомый им профессор Озтюрк. За их спинами на огромном экране сменялись фотографии.

На экране появилось фото Ардина — старый снимок из личного дела, где он выглядел уставшим и небритым. Рядом с ним, без всякого перехода, возникли кадры с места теракта на стадионе: окровавленные носилки, плачущие люди, дым.

— Бывший комиссар полиции, уволенный за превышение полномочий и психическую нестабильность, — вещал ведущий голосом, полным праведного гнева. — Источники в органах сообщают, что он был одержим идеей мести и искал контакты с радикальными группировками на Балканах.

Склейка. Фото Раяна — тюремный снимок в анфас. Рядом — кадры вооруженного ограбления банка (совершенно другого, архивного, но зритель не успевал это понять).

— Рецидивист, судимый за насилие. В тюрьме попал под влияние деструктивных культов, проповедующих отказ от государства и законов.

Склейка. Селин. Фото с благотворительного вечера, где она смеется. Рядом — размытые, пугающие кадры какого-то ночного ритуала с факелами и жертвоприношениями.

— Жена уважаемого бизнесмена, попавшая в сети секты. Эксперты утверждают, что её психика полностью разрушена. Она стала послушным орудием в руках вербовщиков.

— Обратите внимание, — вступил Озтюрк, поправляя очки. Его голос был мягким, вкрадчивым, голосом врача, ставящего смертельный диагноз. — Мы наблюдаем классическую схему создания террористической ячейки нового типа. Они не выдвигают политических требований. Их цель — хаос. Те документы, которые они якобы «слили» в сеть — это фальшивка, созданная иностранными спецслужбами для дестабилизации обстановки в стране. Это информационный теракт, призванный подорвать доверие к институтам власти и защиты семьи.

Ардин смотрел на экран, и его кулаки сжимались до белизны костяшек. Это было гениально и чудовищно. Система не стала защищаться. Она напала. Она взяла правду, вывернула её наизнанку и превратила в оружие.

— Они называют нас «ячейкой», — глухо сказал Раян, стоявший у верстака. Он держал в руках Библию, но не читал. — Они даже придумали нам название. «Босфор».

— Дегуманизация, — констатировала Мира, закрывая лицо руками. — Помните файл? «Лишение человеческого облика». Теперь для миллионов людей мы не жертвы и не разоблачители. Мы — вирус. Опухоль.

Телефон Миры, который она включила всего на минуту, чтобы проверить новости, вдруг ожил. Входящий звонок. На экране высветилось: «Папа».

Ардин перехватил её руку.

— Не отвечай. Они запеленгуют.

— Это отец, — Мира посмотрела на него с мольбой. — Может быть, он хочет помочь? Может, он увидел документы и понял...

— Твой отец — часть этой машины, Мира. Не отвечай.

Но телефон продолжал звонить, настойчиво, истерично. И вдруг пришло сообщение. Одно короткое видео.

Мира нажала на воспроизведение прежде, чем Ардин успел её остановить.

На видео был кабинет Халука бея. Её отец сидел в своем кресле, но выглядел он не как хозяин жизни. Его пиджак был расстегнут, галстук сбит набок, а на лице застыла маска животного ужаса. За его спиной стояли двое мужчин в масках и камуфляже без опознавательных знаков. Один из них держал руку на плече адвоката — жест, внешне спокойный, но полный скрытой угрозы.

— Мира, — голос отца дрожал, срываясь на фальцет. — Дочка, послушай меня. Они здесь. Они говорят, что ты больна. Что тебя похитили эти... эти люди. Пожалуйста, скажи им, где ты. Просто скажи адрес. Они обещают, что тебе ничего не будет. Они просто хотят забрать тебя домой.

Камера дернулась, и в кадр попал стол. На полированной поверхности красного дерева лежал пистолет. Дулом в сторону Халука.

— Если ты не скажешь... — отец сглотнул, и кадык на его шее дернулся. — Они говорят, что я пособник террористов. Мира, они уничтожат меня. Они заберут всё. Пожалуйста...

Видео оборвалось.

В эллинге повисла тишина, нарушаемая только плеском воды о сваи.

— Он предал меня, — прошептала Мира. Слезы катились по её щекам, но она даже не пыталась их вытереть. — Он готов сдать нас, чтобы спасти свою шкуру.

— Его шантажируют, — жестко сказал Ардин. — Но это значит одно: они не знают, где мы. Пока не знают.

— Мы должны уходить, — Селин встала с ящика. Она была бледной, но в её глазах больше не было той растерянности, что в клинике. Теперь это были глаза волчицы, загнанной в угол. — Если они давят на Халука, значит, они подключили все ресурсы.

— Куда? — спросил Раян. — Наши лица во всех новостях. Нас ищет полиция, наемники, и, судя по комментариям в сети, половина города готова линчевать нас бесплатно.

Ардин подошел к окну и чуть отодвинул черный полиэтилен. Снаружи было темно, но его тренированный взгляд уловил движение на противоположном берегу залива. Едва заметный блик. Оптика.

— Ложись! — рявкнул он, падая на пол и увлекая за собой Миру.

В ту же секунду стекло разлетелось вдребезги. Звук выстрела долетел с опозданием — глухой, тяжелый хлопок снайперской винтовки. Пуля вошла в стену ровно там, где секунду назад стояла голова Ардина, выбив фонтан щепок.

— Свет! Гасите свет! — заорал Ардин, перекатываясь к выключателю.

Эллинг погрузился во тьму.

— Они нашли нас! — крикнул Керем, хватая свой портфель с документами. — Как?!

— Неважно! — Ардин уже был у двери, проверяя засов. — Раян, задний выход! Проверь лодку! Селин, Мира — на пол, ползком к воде!

Снаружи взвыли сирены. Но это были не обычные полицейские сирены. Звук был резким, прерывистым — штурмовая группа. Сквозь щели в стенах пробивались лучи мощных прожекторов, разрезая темноту эллинга на полосы света и тени.

— Выходите с поднятыми руками! — усиленный мегафоном голос звучал искаженно, металлически. — Здание окружено! Любое сопротивление будет расценено как акт терроризма! Огонь на поражение без предупреждения!

— «Огонь на поражение», — прошипел Ардин. — Им не нужны пленные. Им нужны трупы, чтобы показать их в новостях. «Ликвидирована опасная банда».

Он подполз к Раяну, который замер у задней двери, ведущей к причалу.

— Там катер, — быстро сказал Ардин. — Старый, но мотор я проверял. Он должен завестись. Я отвлеку их у главного входа. Вы уходите водой.

— Нет! — Раян схватил его за рукав. — Мы не бросим тебя.

— Это не обсуждение! — Ардин стряхнул его руку. — У меня ствол. Я смогу их задержать. У вас — только папки с бумагами. Если эти бумаги сгорят здесь вместе с нами, всё было зря.

В дверь ударили. Тяжелый таран. Старое дерево затрещало.

— Уводи их! — рявкнул Ардин.

Он занял позицию за перевернутым металлическим столом, направив пистолет на вход. В его голове было пусто и ясно. Страх исчез, уступив место холодному расчету. Он снова был на войне. Только теперь врагом были не безликие боевики, а его бывшие коллеги, превращенные системой в палачей.

Раян, Мира и Селин бросились к задней двери. Раян распахнул её, и в лицо им ударил влажный ветер с Босфора. Катер качался на волнах, привязанный одним тросом.

— Быстрее! — торопил Керем, помогая женщинам забраться на борт.

В этот момент главный вход рухнул. В проем полетели светошумовые гранаты. Ослепительная вспышка, грохот, от которого заложило уши. Эллинг наполнился едким белым дымом.

Ардин открыл огонь. Он стрелял не в людей, а поверх голов, в прожекторы, в дверной проем, создавая заградительный вал. Ему нужно было выиграть секунды.

Спецназ ответил шквальным огнем. Пули барабанили по металлическому столу, как град. Щепки, искры, рикошеты.

— Заводи! — кричал Ардин, не слыша собственного голоса.

Мотор катера чихнул, но не завелся.

— Черт! — Раян дергал стартер. — Давай же!

Спецназовцы уже были внутри. Черные фигуры в противогазах двигались сквозь дым, как демоны. Лазерные целеуказатели шарили по стенам.

Ардин понял, что позицию не удержать. Он швырнул в их сторону тяжелый гаечный ключ — единственное, что попало под руку, — и рванул к воде.

— Ложись! — крикнул он, прыгая в катер.

В этот момент мотор взревел. Раян выкрутил руль, и катер рванул от причала, поднимая фонтан брызг.

Пули вспенили воду за кормой. Одна из них ударила в борт, пробив пластик.

Раян вскрикнул и схватился за плечо. Катер вильнул, но он удержал штурвал одной рукой.

— Раян! — Мира бросилась к нему.

— Я в порядке! — прохрипел он, хотя сквозь пальцы уже сочилась темная кровь. — Просто царапина!

Они уходили в темноту пролива, петляя между баржами и сухогрузами. Погони пока не было видно — видимо, штурмовая группа не ожидала, что у «террористов» есть путь отхода по воде.

Через двадцать минут бешеной гонки Ардин приказал заглушить мотор. Они зашли в узкую бухту на азиатской стороне, где кладбище старых кораблей создавало идеальное укрытие.

Тишина вернулась, но теперь она была окрашена запахом крови.

Ардин включил фонарик на телефоне. Раян сидел на дне лодки, привалившись к борту. Его лицо было серым, на лбу выступила испарина. Пуля прошла по касательной, разорвав мягкие ткани плеча, но крови было много.

— Нужно перевязать, — сказала Селин, разрывая подол своей блузки. Её руки действовали быстро и уверенно — материнский инстинкт перекрыл страх.

Ардин смотрел на рану, и в нем закипала холодная ярость. Он достал из-за пояса второй пистолет — трофейный «Застава», который забрал у Милоша.

— Возьми, — он протянул оружие Раяну.

Раян поднял мутный взгляд.

— Зачем?

— В следующий раз нам может не повезти уйти. Ты должен защищать себя. И их.

Раян посмотрел на вороненый металл пистолета. Потом на свои окровавленные руки. И отрицательно покачал головой.

— Нет.

— Что значит «нет»? — Ардин присел перед ним на корточки. — Ты ранен. Тебя чуть не убили. Твое лицо во всех новостях с подписью «террорист». Ты уже на войне, парень, хочешь ты этого или нет.

— Я не возьму это, — твердо сказал Раян. — Если я возьму оружие, я стану тем, кем они меня называют.

— Ты станешь живым! — заорал Ардин, теряя контроль. — Твои принципы хороши для тюремной библиотеки, но здесь они тебя убьют! Ты думаешь, Озтюрку или моему отцу есть дело до твоей моральной чистоты? Они раздавят тебя и не заметят!

— Пусть давят, — Раян сжал зубы от боли, пока Селин затягивала узел повязки. — Но я не буду стрелять в людей. Даже в таких, как они.

— Это не люди! — Ардин вскочил, пнув борт катера. — Это функции! Это винтики машины, которая перемолола мою семью и теперь перемалывает нас!

— Твой отец тоже был человеком, пока не взял автомат, — тихо сказал Раян.

Эти слова ударили Ардина под дых. Он замер.

— Что ты сказал?

— Ты сам говорил. Он был студентом. Поэтом. А потом война сделала из него «Тень». Ты хочешь, чтобы я тоже стал тенью? Чтобы я убил в себе человека ради выживания?

Ардин смотрел на него, и в темноте ему казалось, что он видит не Раяна, а того самого заключенного, о котором тот рассказывал. Ильяса. Человека, который остановил драку словом.

— Ты идиот, — выдохнул Ардин, но в его голосе уже не было злости, только горькая усталость. — Святой идиот.

Он убрал пистолет обратно за пояс.

Мира сидела на носу катера, глядя на огни города. Стамбул сиял, равнодушный и прекрасный. Там, в теплых квартирах, люди ужинали, смотрели телевизор и обсуждали «страшную секту», которую только что чуть не накрыла доблестная полиция.

— Мы проиграли этот раунд, — сказала она. — Документы опубликованы, но никто не верит. Нас объявили вне закона. У нас нет дома, нет денег, и мы ранены.

— Мы живы, — отозвалась Селин, вытирая руки от крови Раяна. — И мы вместе.

Ардин сел рядом с ней. Он достал из кармана куртки маленький предмет. Синий детский кроссовок. Он был мокрым от брызг, шнурок развязался.

— Знаешь, что самое страшное? — спросил он, глядя на кроссовок. — Не то, что они в нас стреляют. А то, что миллионы людей сейчас сидят перед экранами и кивают. Они рады, что нас убивают. Им объяснили, что мы — зло, и они поверили. Потому что так проще. Проще ненавидеть назначенного врага, чем разбираться в правде.

Он вспомнил статью о «спящих агентах». О том, как общество накачивают страхом, чтобы в нужный момент активировать ненависть одним словом.

— Мы не экстремисты, — продолжил Ардин. — Мы — зеркало. Мы показали им их собственное отражение, и они испугались. Поэтому они хотят разбить зеркало.

Керем, который все это время молчал, проверяя содержимое своего портфеля, вдруг хмыкнул.

— Знаете, в юриспруденции есть понятие «эксцесс исполнителя». Это когда преступник делает больше, чем планировал, и тем самым выдает себя.

— О чем ты? — спросила Мира.

— О штурме. Они применили боевое оружие без переговоров. В центре города. Против людей, вина которых не доказана судом. Это паника. Система нервничает. Если бы они были уверены в своей силе, они бы нас арестовали, устроили показательный суд. А они пытались нас казнить.

— И что это меняет? — спросил Раян.

— Это значит, что документы попали в цель. Где-то там, наверху, кто-то очень сильно испугался. И этот страх заставил их совершить ошибку.

Ардин посмотрел на город. Где-то там, в порту, был его отец. Архитектор. Человек, который построил эту систему страха.

— Мы не можем больше прятаться, — сказал Ардин. — Охота на ведьм началась. И если мы не станем охотниками, нас сожгут на костре.

— Но без оружия, — напомнил Раян, пытаясь сесть ровнее.

Ардин посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом.

— Ты будешь нашей совестью, Раян. А я буду нашими кулаками. Иначе мы оба не доживем до рассвета.

Он завел мотор. Катер медленно двинулся вдоль берега, скрываясь в тени нависающих скал. Четверо изгоев в утлой лодке против целого мира, который решил, что они не имеют права на существование.

В кармане Ардина завибрировал телефон. Это был старый, «чистый» аппарат, номер которого знал только один человек.

Сообщение было коротким: *«Ты ушел. Молодец. Кровь не обманешь. Приходи в порт. Поговорим как отец с сыном. Один».*

Ардин сжал телефон так, что экран треснул.

Охота закончилась. Началась война. И теперь у этой войны был адрес.

Глава 13: Схема расчеловечивания

Заброшенный цементный завод на окраине Тузлы напоминал скелет гигантского доисторического зверя, выброшенного на берег индустриальной эпохи. Дождь, который преследовал их на воде, здесь превратился в ледяную морось, просачивающуюся сквозь дыры в проржавевшей крыше. Капли падали на

бетонный пол с монотонным, сводящим с ума ритмом: кап, кап, кап. Как отсчет времени до конца света.

Ардин сидел на корточках у входа в бывшую диспетчерскую, единственное помещение, где сохранились стекла. В руках он держал «Глок», который стал продолжением его руки. Металл нагрелся от тепла ладони, но внутри Ардина разрастался холод. Это был не тот озноб, что бил сейчас Раяна, лежащего на куче старых мешков, и не та дрожь, что сотрясала плечи Селин. Это был холод пустоты.

Раян дышал тяжело, со свистом. Пуля прошла навывлет, не задев кость, но потеря крови давала о себе знать. Селин, разорвавшая свою блузку на бинты, сидела рядом, меняя повязку. В тусклом свете фонарика её руки казались красными, и Ардин поймал себя на мысли, что эта краснота ей не идет. Ей шли бриллианты и бокалы с шампанским, а не кровь беглого уголовника в грязном ангаре.

— Они замолчали, — голос Миры прозвучал резко в гулкой тишине.

Она сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене, и держала на коленях ноутбук. Батарея доживала последние проценты, но экран светился ярко, выхватывая из темноты её бледное лицо с заострившимися чертами.

— Кто? — спросил Ардин, не оборачиваясь. Он сканировал территорию через щель в двери. Тени от старых кранов двигались, обманывая зрение.

— Медиа. Боты. Новостные ленты. — Мира подняла голову. — После штурма эллинга была волна истерики. «Террористы прорвались», «Вооружены и особо опасны». А теперь — тишина. Полная. Никаких обновлений уже час.

— Они перегруппировываются, — хрипло отозвался Раян. Он попытался приподняться, но Селин мягко надавила ему на плечо, заставляя лечь обратно.

— Нет, — Мира покачала головой. — Это не оперативная пауза. Это смена нарратива. Я скачала логи их внутренней переписки до того, как нас отключили от сервера. Они запускают протокол «Иммунитет».

Ардин повернулся к ней. Слово «иммунитет» в контексте этих людей звучало как угроза биологического оружия.

— Что это значит?

Мира развернула ноутбук. На экране был открыт документ, пестрящий графиками и цитатами.

— Это схема того, что они с нами делают. Не просто ложь. Не просто клевета. Это технология расчеловечивания.

Она провела пальцем по экрану.

— Смотрите. Здесь ссылка на исторические данные. Руанда, 1994 год. Знаете, как там называли тутси перед тем, как начать их резать?

— Тараканы, — тихо сказала Селин. Она читала об этом.

— Именно. «Inyenzi». Тараканы. Змеи. — Мира начала читать вслух, и её голос дрожал от сдерживаемой ярости. — «Я не понимала, как можно за несколько дней превратиться из человека в таракана. Соседи, которые вчера пили с нами чай, сегодня пришли с мачете».

Она подняла взгляд на Селин.

— Тебя называли «сектанткой». Раяна — «радикалом». Меня — «марионеткой». Ардина — «оборотнем». Вам кажется, это просто ярлыки? Нет. Это маркеры. Как только ты вешаешь на человека ярлык «нелюдь», «вирус», «таракан» — ты снимаешь моральный запрет на его убийство.

Ардин подошел ближе. Он видел эти схемы. Он видел, как это работает на улицах. Когда полицейскому говорят, что перед ним не подросток, а «угроза обществу», палец на спусковом крючке нажимает сам собой.

— В файлах Демира есть переписка с кураторами из Брюсселя, — продолжила Мира. — Они обсуждают это цинично, как бизнес-план. «Чтобы оправдать жесткие меры, нужно создать образ врага, который вызывает физическое отвращение». Они сравнивают нас с инфекцией. А с инфекцией не ведут переговоров. Её дезинфицируют.

— Газом, — прошептал Раян. — Или огнем.

— Или штурмовой группой, стреляющей на поражение без предупреждения, — закончил Ардин. — То, что произошло в эллинге... Они не хотели нас арестовывать. Им нужны были трупы. Мертвые террористы — это идеальная картинка. Живые мы — проблема. Мы можем говорить.

Селин закрыла лицо руками.

— Мой муж... Он сидел за столом, ужинал, спрашивал, как прошел день. А в голове у него были планы, как превратить людей в тараканов?

— Не он это придумал, — Мира открыла другой файл. — Он просто заказчик. Инструмент. А идеологи сидят выше. Они используют страх. Помните статью про «пазловое кодирование»? Они берут реальный страх — например, за детей — и приклеивают к нему нужный объект. «Секта угрожает детям». Всё. Мозг родителя отключается. Включается инстинкт защиты. И этот родитель сам принесет канистру с бензином.

Ардин слушал, и внутри него закипала темная, густая злоба. Он вспомнил стадион. Вспомнил детский кроссовок, который сейчас лежал в его кармане, мокрый и грязный.

— Они убили мою семью, чтобы создать этот страх, — сказал он. — Они взорвали сорок человек, чтобы получить повод назвать кого-то тараканами.

Он резко развернулся и ударил кулаком по бетонной стене. Боль прострелила руку, но это было ничто по сравнению с тем, что творилось в душе.

— Мы сидим здесь и анализируем их методы, как студенты на семинаре! — закричал он, и эхо его голоса заметалось под сводами цеха. — А они там, в своих кабинетах, пьют виски и решают, когда нас добить! Хватит философии!

Он подошел к Раяну, нависая над ним.

— Ты говорил о ненасилии. О том, что нельзя брать оружие. Посмотри на себя! Ты истекаешь кровью. Посмотри на них! — он указал на женщин. — Мы загнанные звери. А звери выживают только тогда, когда кусают в ответ.

Раян открыл глаза. В них была лихорадочная блестящая пелена, но взгляд оставался твердым.

— Если ты укусишь, ты станешь зверем, — тихо сказал он. — В этом их победа, Ардин. Не в том, чтобы убить нас. А в том, чтобы сделать нас такими же.

— Такими же?! — Ардин рассмеялся, и этот смех был страшным. — Я не взрываю стадионы! Я не пишу законы, позволяющие отбирать детей! Я просто хочу уничтожить тех, кто это делает!

— Убивая дракона, ты сам становишься драконом, — процитировал Раян. — Это старая сказка, но она правдива. В тюрьме я видел парней, которые начинали с того, что хотели наказать обидчиков. Справедливость, честь... А заканчивали тем, что резали людей за косой взгляд. Насилие — это наркотик. Один раз попробуешь вкус власти над чужой жизнью — и уже не остановишься.

— Это не власть! Это защита!

— Нет, — Раян покачал головой. — Посмотри на файлы Миры. Там есть раздел про психологию стрелков. Тех, кто устраивает бойни в школах. Знаешь, что они чувствуют? Они чувствуют себя богами. Они верят, что очищают мир от мусора. От «тараканов». Ты сейчас говоришь их словами, Ардин. Ты хочешь «очистить» мир от Демира, от своего отца. Ты уже назначил их мусором.

Ардин замер. Слова Раяна ударили в самую точку. Он вспомнил допрос Милоша. То чувство удовлетворения, когда он давил на рану наемника. Это было не правосудие. Это было упоение силой.

— Зло понимает только силу, — упрямо повторил Ардин, но уже тише. — Если я приду к ним с Библией, они застрелят меня и перешагнут через труп.

— Возможно, — согласился Раян. — Но ты умрешь человеком. А если ты пойдешь туда как убийца... ты убьешь Ардина задолго до того, как пуля попадет в тебя.

В углу, где сидела Мира, что-то звякнуло. Она уронила флешку. Её руки тряслись так сильно, что она не могла попасть в разъем.

— Мира? — Селин подошла к ней. — Что случилось?

Мира смотрела в экран остекленевшим взглядом.

— Я нашла... — её голос сорвался. — Я искала информацию о «Тенях». О группе твоего отца, Ардин. Чтобы понять их тактику. И наткнулась на архивный отчет за 2014 год.

Она медленно повернула ноутбук к Ардину.

— «Операция «Тишина». Объект: Журналист Лейла Халук. Причина устранения: Сбор компромата на строительный холдинг. Метод: Имитация ДТП».

В цехе стало так тихо, что слышно было, как где-то далеко капает вода.

Лейла Халук. Мать Миры.

Ардин почувствовал, как пол уходит из-под ног. Он знал эту историю. Мира рассказывала, что её мать погибла в аварии, когда Мира была подростком. Официально — не справилась с управлением на горной дороге.

— Исполнитель... — Мира сглотнула, не в силах произнести это.

Ардин подошел и посмотрел на экран. В графе «Исполнитель» стоял позывной.

«Командир Бесим».

Его отец.

Десять лет назад. Задолго до стадиона. Задолго до того, как их судьбы пересеклись на перекрестке. Его отец убил мать Миры.

Ардин отшатнулся от ноутбука, словно тот был радиоактивным.

— Мира... — начал он, но слова застряли в горле. Что он мог сказать? «Прости»? Какое значение имеет это слово, когда между ними лежит труп?

Мира подняла на него глаза. В них не было ненависти. В них была бездна боли и какое-то страшное, взрослое понимание.

— Это не ты, — сказала она. — Это он.

— Это моя кровь, — прохрипел Ардин. — Та же самая кровь, Мира. Он убил твою мать. А потом его люди убили мою жену и сына. Мы все... мы все в одной могиле, которую он вырыл.

Он отошел к пролому в стене, жадно глотая сырой воздух. Ему казалось, что он задыхается. Паутина лжи, о которой они говорили, оказалась не просто сетью. Это была удавка. Все они были связаны задолго до того, как встретились.

Селин подошла к Мире и обняла её. Девушка уткнулась ей в плечо и заплакала — тихо, беззвучно, как плачут люди, у которых кончились силы кричать.

— Вот она, схема, — сказал Раян из своего угла. Его голос был слабым, но каждое слово падало тяжело, как камень. — Они убивают нас по частям. Сначала матерей. Потом детей. Потом нашу репутацию. А в конце — нашу душу. Они хотят,

чтобы мы ненавидели друг друга. Чтобы Мира ненавидела Ардина за грехи отца. Чтобы Ардин ненавидел себя.

— Я и так себя ненавижу, — бросил Ардин, не оборачиваясь.

— Тогда они победили, — сказал Раян. — Если ты пойдешь к отцу с этой ненавистью, ты проиграешь. Ты не сможешь его остановить, потому что ты будешь играть на его поле. По его правилам.

Ардин резко повернулся.

— А что ты предлагаешь?! — заорал он. — Простить его?! Прийти к нему, обнять и сказать: «Папа, ты убил кучу людей, но я тебя люблю»? Ты этого хочешь?

— Нет, — Раян с трудом сел, опираясь на здоровую руку. — Я не говорю о прощении в том смысле, как ты это понимаешь. Простить — не значит забыть или оправдать. Это значит отказаться от права на месть. Это значит разорвать цепь. Твой отец убивает, потому что считает себя вправе судить. Если ты пойдешь его убивать, ты тоже присвоишь себе это право. Ты станешь еще одним Архитектором. Только маленьким.

— У нас нет выбора, — вмешалась Селин. Она гладила Миру по волосам, но смотрела на мужчин. — Они не остановятся. Демир планирует вывезти Айлин послезавтра. Если мы ничего не сделаем, я потеряю дочь. Ардин потеряет шанс наказать убийцу. Мира... Мира уже потеряла всё.

— Мы сделаем, — сказал Ардин. Он принял решение. Холод внутри него сгустился в ледяной клинок. — Но не так, как они ждут.

Он подошел к столу, где лежали остатки их снаряжения: карта порта, ключи от машины, которую они бросили, и тот самый синий кроссовок.

— Раян прав в одном, — сказал Ардин, беря кроссовок в руки. — Если мы будем действовать как террористы, нас уничтожат как террористов. Нам нужно разделить их. Оторвать голову от тела.

— О чем ты? — спросила Мира, вытирая слезы.

— Демир — это кошелек. Озтюрк — это голос. А Бесим — это кулак. Пока они вместе, они неуязвимы. Но у них разные цели. Демиру нужны деньги и власть. Озтюрку — слава пророка. А Бесиму...

Ардин замолчал. Он вспомнил сообщение на телефоне. *«Приходи. Поговорим как отец с сыном»*.

— А Бесиму нужна война, — закончил он. — Он солдат, который не умеет жить в мире. И ему нужен наследник.

Он посмотрел на Миру.

— Я знаю, как достать их. Но мне нужно, чтобы вы мне доверились. В последний раз. Даже зная, чья кровь во мне течет.

Мира посмотрела на него. Она видела перед собой не сына убийцы своей матери. Она видела человека, который вытащил её из горящего эллинга. Человека, который плакал над детским ботинком.

— Мы одна команда, Ардин, — сказала она. — Кровь не определяет, кто ты. Выбор определяет.

— Какой выбор? — спросил Раян.

Ардин сунул кроссовок во внутренний карман, к самому сердцу.

— Выбор жертвы, — ответил он загадочно. — В шахматах иногда нужно пожертвовать самой сильной фигурой, чтобы поставить мат королю.

Он не стал объяснять, что этой фигурой собирается стать он сам. Он не сказал им, что собирается пойти в логово зверя один, без оружия, без прикрытия. Потому что только так можно подойти к Архитектору на расстояние удара.

— Собирайтесь, — скомандовал он. — Здесь оставаться нельзя. К утру они прочешут промзону. У нас есть пара часов, чтобы добраться до города и раствориться.

Они начали собирать вещи. Движения были медленными, усталыми. Но в воздухе больше не было той безнадежности, что час назад. Страшная правда о прошлом, о матери Миры, о природе зла, которое их преследовало, не разрушила их союз. Наоборот, она спаяла его. Теперь они знали анатомию своего врага. Они знали, что он состоит не из мистики и всемогущества, а из лжи, манипуляций и старых грехов.

А то, что можно анатомировать, можно и убить.

Когда они выходили из цеха, дождь прекратился. Небо на востоке начало сереть, обещая рассвет. Грязный, холодный, индустриальный рассвет, который не принесет тепла, но принесет ясность.

Ардин шел последним. Он оглянулся на темный зев завода. Ему казалось, что там, в темноте, остались призраки. Призрак его жены. Призрак матери Миры. И призрак того мальчика, которым он мог бы стать, если бы Эмине не украла его у войны тридцать пять лет назад.

Теперь война пришла забрать долг.

— Ты не станешь им, — прошептал он сам себе, сжимая рукоять пистолета. — Ты просто закончишь то, что он начал.

Но где-то в глубине сознания, там, где живут инстинкты, волк поднял голову и принялся к запаху крови, который висел над городом. Грань между человеком и зверем стала тоньше лезвия бритвы. И Ардин уже занес ногу, чтобы переступить её.

Глава 14: Встреча с создателем

Порт Хайдарпаша в эту ночь напоминал кладбище гигантских железных зверей. Ржавые краны застыли в неестественных позах, словно цапли, высматривающие добычу в черной воде Босфора. Контейнеры, сложенные в бесконечные лабиринты, создавали акустику мертвого города: любой звук здесь умирал, не успев родиться, поглощенный сыростью и металлом.

Ардин заглушил двигатель машины за два квартала до проходной терминала «Босфор Логистик». Дождь, который преследовал их последние сутки, сменился липким туманом, оседающим на одежде мелкой изморозью. Он сидел в темноте салона, слушая, как остывает мотор, и чувствовал, как внутри него самого, наоборот, поднимается температура. Это был не жар болезни, а гудение высоковольтного трансформатора перед взрывом.

В левом внутреннем кармане куртки лежал «Глок» с полным магазином. В правом, у самого сердца — маленький, грязный, все еще влажный детский кроссовок. Два полюса его существования. Смерть и память. Война и любовь. Между ними, натянутая как струна, дрожала его душа.

Телефон завибрировал коротким импульсом. Сообщение с неизвестного номера: *«Четвертый ангар. Второй этаж. Дверь открыта. Не заставляй отца ждать».*

Ардин усмехнулся. В этом сообщении было все: и высокомерие, и уверенность в своей неуязвимости, и извращенная форма заботы. Он вышел из машины, плотнее запахивая куртку. Ребра, сломанные в аварии, отозвались привычной тупой болью, но сейчас она была даже полезна — она заземляла, не давала провалиться в бездну ненависти, которая разверзлась у него под ногами после рассказа матери.

Он шел через территорию порта, минуя посты охраны. Ему не нужно было прятаться слишком тщательно — его ждали. Охранники в черных дождевиках, стоявшие у шлагбаумов, провожали его взглядами, но не делали попыток остановить. Это был коридор почета для приговоренного. Или для наследника.

Четвертый ангар выглядел как огромный бетонный саркофаг. Ворота были приоткрыты, из щели выбивалась полоска желтого электрического света, разрезая туман. Ардин остановился на пороге. Запах. Здесь пахло не рыбой и мазутом, как во всем порту. Здесь пахло оружейным маслом, дорогим табаком и озоном от работающих серверов. Запах власти.

Он вошел внутрь. Пространство ангара было огромным, но пустым. В центре, словно капитанский мостик, возвышалась застекленная офисная надстройка. К ней вела железная лестница. Ардин начал подниматься. Каждый шаг по металлической ступени отдавался гулким эхом, словно удары молота.

Дверь наверху действительно была не заперта. Ардин толкнул её и оказался в другом мире.

Никакого бетона и ржавчины. Кабинет был обставлен с аскетичной роскошью: кожаные диваны, массивный стол из темного дерева, стены, увешанные картами. На картах разноцветными булавками были отмечены точки. Сирия, Ливия,

Украина, Центральная Африка. И густая россыпь красных головок прямо здесь, в Стамбуле.

За столом сидел человек.

Он не был похож на монстра из детских кошмаров. Он не был похож на безумного фанатика. Он выглядел как уставший топ-менеджер крупной корпорации, задержавшийся на работе допоздна. Седые волосы, аккуратно подстриженная борода, дорогой свитер грубой вязки.

Человек поднял голову от бумаг.

Ардин замер. Ощущение было таким, словно он ударился с разбегу о зеркало. Те же глубоко посаженные глаза. Тот же резкий излом бровей. Та же линия рта, жесткая, словно прорезанная бритвой. Только кожа была покрыта сетью глубоких морщин, а в глазах вместо ярости плескалось ледяное спокойствие вечности.

— Здравствуй, Ардин, — голос мужчины был низким, с легким хрипотцой. Голос, который Ардин никогда не слышал в детстве, но который звучал пугающе знакомо. Это был его собственный голос, только постаревший на тридцать лет.

— Бесим, — произнес Ардин. Имя далось ему с трудом, словно он выплюнул кусок стекла.

Мужчина улыбнулся. Улыбка коснулась только губ, глаза остались неподвижными.

— Бесим умер в горах Косово, — сказал он, откладывая ручку. — Здесь меня называют Архитектором. Или Командиром. Но для тебя я могу сделать исключение. Присаживайся.

Он указал на кресло напротив стола. Ардин остался стоять. Его рука лежала на рукояти пистолета под курткой.

— Я пришел не разговаривать о семейных узах.

— Конечно, — кивнул отец. — Ты пришел убить меня. Я вижу это по тому, как ты стоишь. Центр тяжести смещен вперед, мышцы шеи напряжены. Ты готов к прыжку. Хорошая школа. Полицейская академия дает базу, но инстинкты... инстинкты — это мое наследство.

Бесим встал и подошел к карте на стене. Он двигался легко, пружинисто, несмотря на возраст. В нем чувствовалась скрытая сила хищника, который еще не потерял хватку.

— Твоя мать была глупой женщиной, — сказал он, не оборачиваясь. — Она думала, что сможет спрятать тебя от твоей природы. Она украла тебя, дала другую фамилию, заставила жить жизнью овцы. Но кровь не обманешь, Ардин. Ты стал полицейским. Ты взял в руки оружие. Ты искал войны, даже когда думал, что ищешь мира.

— Я защищал людей, — процедил Ардин.

— Защищал? — Бесим резко обернулся. — От кого? От таких, как я? Не смей меня. Ты был санитаром леса, который убирает падаль, но боится трогать настоящих хищников. А теперь... теперь ты сам стал хищником. Я следил за тобой. То, что ты сделал с моим человеком, с Милошем... Сломать пальцы, прострелить колено. Это было не по уставу, верно? Тебе это понравилось.

Ардин почувствовал, как краска приливает к лицу. Он вспомнил тот момент в мотеле. Упоение властью над чужой болью.

— Это была необходимость, — сказал он.

— Это была страсть, — поправил отец. — И я горжусь тобой. Ты вырос достойным волком. Ты смог найти меня, пройти через все ловушки, взломать систему. Ты единственный из моих детей, кто оказался на это способен.

— У тебя есть другие дети? — вырвалось у Ардина.

— Есть биологический материал, — равнодушно бросил Бесим, возвращаясь к столу. — Слабаки. Наркоманы, мелкие жулики. Никто из них не унаследовал дар. Только ты.

Он открыл ящик стола. Ардин мгновенно выхватил пистолет и навел его на грудь отца.

— Руки! — рявкнул он. — Медленно!

Бесим даже не моргнул. Он медленно достал из ящика бутылку виски и два стакана.

— Успокойся. Если бы я хотел тебя убить, ты бы не дошел до лестницы. Снайпер на кране держит тебя в прицеле с момента, как ты вышел из машины.

Он разлил янтарную жидкость по стаканам.

— Выпей. Это успокаивает нервы.

— Я не пью с убийцами моей семьи.

Бесим замер со стаканом в руке. На его лице появилось выражение легкого недоумения.

— Семьи? Ах да. Жена и ребенок. Стадион.

Он сделал глоток, покатал жидкость во рту, словно дегустировал вино, а не обсуждал смерть внука.

— Это была досадная случайность. Сопутствующий ущерб.

— Случайность?! — Ардин шагнул к столу, ствол пистолета дрогнул. — Сорок человек разорвало на куски! Моего сына опознавали по обуви! Ты называешь это случайностью?

— Я называю это бизнесом, — голос Бесима стал жестким, металлическим. — Демиру нужно было расчистить площадку и создать прецедент для закона. Мне поступил заказ. Объект № 45. Снос ветхого строения методом контролируемого подрыва в условиях массового скопления людей. Задача: максимальный резонанс.

Он открыл ежедневник, лежавший на столе, и пролистал несколько страниц назад.

— Вот. Вторник, 14-е число. Звонок от Демира в 10:15. Подтверждение транша в 11:00. Приказ группе «Волки» в 11:15. Все. Никакой ненависти, Ардин. Никаких личных счетов. Просто работа. Я даже не знал, что там будут твои... близкие. Если бы знал, возможно, предложил бы тебе вывести их. Но ты же прятался.

Ардин смотрел на этого человека и чувствовал, как мир вокруг рушится окончательно. Он ожидал увидеть дьявола. Он готовился к встрече с воплощением зла, которое упивается страданиями. Но перед ним сидел бухгалтер смерти. Человек, для которого взрыв стадиона с детьми был просто строчкой в расписании между утренним кофе и обедом.

Это было страшнее любой ненависти. Это была абсолютная, стерильная пустота.

— Ты чудовище, — прошептал Ардин.

— Я Архитектор, — возразил Бесим. — Посмотри на этот город. Он гниет. Коррупция, ложь, слабые политики, жадные бизнесмены. Хаос. Я приношу порядок. Да, мои методы жестоки. Но фундамент любого великого здания стоит на крови. Рим, Стамбул, Нью-Йорк — все они построены на костях. Я просто делаю этот процесс эффективным.

Он встал и подошел к окну, за которым в тумане угадывались очертания кранов.

— Демир и его кураторы из Европы думают, что используют меня. Что я их цепной пес. Глупцы. Это я использую их. Их деньги, их законы, их страх. Я строю свою армию. Армию, которая не подчиняется флагом и границам. И мне нужен преемник.

Он повернулся к Ардину.

— Мне нужен ты, сын.

— Я? — Ардин опустил пистолет, ошеломленный абсурдностью предложения.

— Ты показал, на что способен. Ты пошел против системы. Ты вскрыл их грязное белье. Ты заставил их бояться. У тебя есть ум, есть сила, есть ярость. Но у тебя нет цели. Ты тратишь свой талант на месть, на спасение каких-то жалких женщин и пацифистов. Встань рядом со мной. Я дам тебе настоящую власть. Мы уберем Демира. Мы уберем Озтюрка. Мы станем теми, кто реально управляет этим хаосом.

Бесим протянул руку.

— Забудь о прошлом. Мертвых не вернуть. Но живые могут править миром. Твоя мать хотела сделать из тебя овцу. Я предлагаю тебе стать вожаком стаи.

В кабинете повисла тишина. Слышно было только гудение серверов и стук дождя по крыше ангара.

Ардин смотрел на протянутую руку. Руку, которая подписала смертный приговор его сыну. Руку, которая убила мать Миры. Руку, в которой текла та же кровь, что и у него.

Искушение было велико. Не властью. А возможностью прекратить боль. Перестать быть жертвой. Стать тем, кто решает, кому жить, а кому умирать. Наказать всех виновных. Сделать это быстро и жестоко.

Волк внутри него завыл, требуя принять предложение. «Мы одной крови, ты и я».

Ардин медленно поднял свободную руку и сунул её в карман. Пальцы коснулись шершавой ткани кроссовка. Маленький, нелепый предмет. Якорь.

Он вспомнил глаза Раяна в эллинге. «Убив дракона, ты становишься им».

Он вспомнил Миру, которая плакала, узнав правду, но не оттолкнула его.

Он вспомнил Селин, которая пошла спасать дочь, не имея ничего, кроме любви.

— Нет, — сказал Ардин.

Улыбка сползла с лица Бесима.

— Что «нет»?

— Я не стану тобой. Я не буду строить фундамент на костях детей. Твой порядок — это кладбище. А я... я хочу жить.

Ардин снова поднял пистолет. На этот раз его рука не дрожала.

— Ты арестован, Бесим. За организацию террористического акта, массовые убийства и создание преступного сообщества.

Отец рассмеялся. Сухим, лающим смехом.

— Арестован? Ты серьезно? Ты пришел в мое логово, один, и хочешь надеть на меня наручники? Ты идиот, Ардин. Сентиментальный идиот. Я переоценил тебя. Ты не волк. Ты просто бешеная собака, которую нужно пристрелить.

Взгляд Бесима изменился мгновенно. Из спокойного он стал пустым и страшным.

— Я дал тебе шанс. Теперь умри.

Все произошло в доли секунды. Бесим пнул тяжелый дубовый стол, опрокидывая его на Ардина. В то же мгновение в его руке, словно из воздуха, появился пистолет — маленький, плоский «Вальтер», который был приклеен скотчем под столешницей.

Ардин успел отпрыгнуть, но стол ударил его по больным ребрам, выбивая воздух из легких. Выстрел грохнул оглушительно в замкнутом пространстве. Пуля свистнула у виска, разбив стекло за спиной Ардина.

Ардин упал на пол, перекатываясь за диван. Он мог выстрелить в ответ. Он видел силуэт отца. Он мог убить его прямо сейчас.

Но в голове звучал голос Раяна: *«Если ты убьешь его, ты проиграешь»*.

— Сдавайся! — крикнул Ардин, высываясь из-за укрытия. — Я не хочу тебя убивать!

— А я хочу! — отозвался Бесим. Второй выстрел вспорол обивку дивана в сантиметре от лица Ардина. — Ты ошибка! Бракованный материал! Я исправлю это!

Бесим двигался профессионально, прикрывая сектора огнем. Он шел убивать. В его движениях не было эмоций, только техника.

Ардин понял, что разговоры кончились. Он выстрелил. Не в отца. В люстру над его головой.

Тяжелая конструкция из стекла и металла рухнула вниз с грохотом, осыпая Бесима осколками. Старик инстинктивно закрыл голову руками и отшатнулся.

Этого мгновения хватило. Ардин рванулся вперед, перепрыгивая через опрокинутый стол. Он врезался в отца плечом, сбивая его с ног.

Они покатались по полу. Пистолеты отлетели в стороны. Началась драка — грязная, звериная возня двух мужчин, связанных кровью и ненавистью.

Бесим был старше, но он был жилистым и опытным. Он ударил Ардина коленом в пах, потом пальцами в глаза. Ардин зарычал от боли, но не разжал хватки. Он перехватил руку отца, которая тянулась к горлу, и вывернул её.

Хрустнул сустав. Бесим зашипел, но не закричал. Он извернулся ужом и ударил Ардина головой в лицо. Кровь из разбитого носа залила глаза.

— Ты слаб! — хрипел отец, пытаясь дотянуться до осколка стекла на полу. — Ты жалеешь меня! А жалость — это смерть!

Ардин чувствовал, как силы покидают его. Ребра горели огнем. Но он знал одно: он не убьет. Он должен взять его живым. Чтобы доказать себе. Чтобы доказать Раяну. Чтобы разорвать этот проклятый круг.

Он сумел подмять отца под себя. Прижал его шею предплечьем к полу.

— Все кончено! — выдохнул Ардин, сплевывая кровь. — Лежи!

Бесим смотрел на него снизу вверх. Его лицо покраснело от удушья, но в глазах светилось торжество.

— Ничего не кончено, сынок. Ты забыл про снайпера.

Ардин почувствовал холодок на затылке. Он поднял голову.

За разбитым окном кабинета, на фоне ночного неба, мелькнула красная точка лазерного прицела. Она скользнула по стене и замерла на лбу Ардина.

— Прощай, — прошептал Бесим.

Ардин дернулся в сторону чисто инстинктивно.

Стекло разлетелось вдребезги. Пуля ударила в пол в том месте, где секунду назад была его голова, выбив бетонную крошку.

Ардин скатился с отца и рванул к выходу. Остаться на открытом пространстве было самоубийством.

— Убейте его! — заорал Бесим, поднимаясь на колени и хватая свой пистолет. — Огонь!

Ардин вылетел на лестницу. Пули застучали по металлу перил, высекая искры. Он скатывался вниз, перепрыгивая через ступени, слыша за спиной выстрелы отца.

Он выбежал в ангар, петляя между ящиками. Ворота были далеко. Снаружи уже слышался топот бегущих охранников. Ловушка захлопнулась.

Ардин метнулся в боковой проход, к служебному выходу, который он приметил на плане эвакуации. Дверь была заперта. Он выстрелил в замок, выбил дверь ногой и вывалился в ночной туман.

Холодный воздух обжег легкие. Он бежал, не разбирая дороги, сквозь лабиринт контейнеров. За спиной были сирены. Прожекторы шарили по небу, разрезая тьму.

Он добрался до воды. Пирс был пустым. Прыгать в ледяной Босфор было безумием, но оставаться на берегу — смертью.

Ардин застегнул молнию куртки и шагнул в черную бездну.

Вода обожгла холодом, сковывая мышцы. Он ушел на глубину, задерживая дыхание. Над головой, искаженные толщей воды, плясали лучи фонарей. Пули шлепали по поверхности, теряя убойную силу.

Он плыл под водой, пока легкие не начали гореть. Вынырнул под прикрытием старой баржи, жадно хватая воздух.

Он был жив.

Ардин лежал на ржавой палубе баржи, глядя в небо. Дождь смывал кровь с его лица. Кровь отца и его собственную. Они смешались, став единым целым, как и было задумано природой.

Он не убил его. Он не стал Архитектором.

Но он и не победил. Бесим остался жив, на свободе, в своем укрепленном бункере. И теперь он знал, что сын — не союзник, а враг, которого нужно уничтожить любой ценой.

Ардин сунул руку в карман. Кроссовок был на месте. Мокрый, пропитанный соленой водой, но целый.

— Я вернусь, — прошептал Ардин в темноту. — Но не один.

Он понял свою ошибку. Он пытался играть в героя-одиночку, как в дешевом боевике. Но против армии нужна армия. Против системы нужна другая система.

Он достал телефон. Он чудом не промок в пакете. Экран светился в темноте единственным маяком надежды.

Он набрал номер Миры.

— Я жив, — сказал он, когда она ответила. — И я знаю, где его слабое место.

— Где? — голос Миры дрожал.

— Не в деньгах. И не в людях. Его слабое место — это его уверенность, что все вокруг — просто кирпичи. Он забыл, что кирпичи могут обрушиться на голову строителя.

Ардин поднялся. Его трясло от холода, но разум был ясен как никогда. Встреча с создателем не сломала его. Она закалила его. Он заглянул в бездну и увидел там не мистический ужас, а скучную, банальную пустоту.

А пустоту можно заполнить.

Вдали, над портом, взвыла сирена тревоги. Охота продолжалась. Но теперь волк знал запах охотника. И он знал, что этот охотник — всего лишь старый, уставший человек, который боится потерять контроль над своим игрушечным миром.

Ардин спрыгнул с баржи на берег и растворился в ночи, оставляя за собой мокрые следы, которые тут же смывал дождь. Следы человека, который отказался быть тенью.

Глава 15: Жертва пешки

Частный аэродром в районе Тузлы тонул в предрассветном тумане. Это было не то романтическое марево, что окутывает Босфор на открытках для туристов, а густая, липкая взвесь, пахнувшая сгоревшим керосином и мокрым бетоном. Огни взлетно-посадочной полосы пробивались сквозь эту пелену тусклыми, размытыми пятнами, похожими на глаза глубоководных рыб.

Ардин лежал на крыше технического ангара, прижавшись грудью к холодному рубероиду. Влага мгновенно пропитала куртку, добравшись до кожи, но он не чувствовал холода. Его мир сузился до круглого окуляра оптического прицела.

Винтовка, которую он «одолжил» из тайника на базе отца во время своего побега — единственное, что он успел прихватить, кроме собственной жизни, — была тяжелой, армейской, предназначенной для работы на дальних дистанциях.

В перекрестии прицела дрожал воздух над турбинами бизнес-джета. Самолет уже был готов к взлету: трап опущен, вспомогательная силовая установка была на высокой ноте, заглушая шум ветра. Вокруг суетились люди. Не обычный персонал аэропорта в светоотражающих жилетах, а крепкие парни в гражданском, чьи движения выдавали профессиональную охрану. «Костюмы», как называл их наемник Милош.

— Вижу цель, — прошептал Ардин в микрофон гарнитуры. — Демир на месте. Он нервничает.

— Трансляция готова, — голос Миры в наушнике звучал напряженно, но четко. — Я подключилась к их внутренней сети через Wi-Fi терминала. Как только начнется движение, я перехвачу сигнал всех камер наблюдения и пущу поток в сеть. Плюс моя камера.

— Понял. Ждем.

Ардин перевел прицел на вход в терминал. Стеклопакеты дверей разъехались, и на бетон вышел Демир Карман. Он выглядел не так, как на обложках журналов. Его пальто было расстегнуто, галстук сбит, а лицо, обычно излучающее уверенность хозяина жизни, сейчас напоминало маску из серого воска. Он постоянно оглядывался, дергая головой, словно ожидал удара в спину.

Рядом с ним шла девочка.

Сердце Ардина пропустило удар. Айлин. Маленькая фигурка в розовом пуховике, который казался нелепо ярким в этом сером, враждебном мире. Она не плакала, но шла как-то механически, спотыкаясь, крепко сжимая в руке плюшевого зайца. Демир держал её за плечо — не как отец держит ребенка, чтобы поддержать, а как конвоир держит заключенного. Жестко, властно, пальцы впивались в ткань куртки.

— Он ведет её, — сказал Ардин. — Они идут к самолету.

— Я выхожу, — голос Селин был ледяным. В нем не было истерики, только страшная, абсолютная решимость матери, которой больше нечего терять.

— Селин, стой! — Ардин попытался остановить её голосом. — Рано! Пусть отойдут от здания!

— Я не могу ждать, Ардин. Он увозит её.

Внизу, у сетчатого ограждения периметра, где прятались остальные, закричала калитка. Селин вышла на открытое пространство. Она не бежала. Она шла прямо к самолету, через поле, игнорируя тот факт, что находится под прицелом десятка охранников.

— Черт! — выругался Ардин. — Мира, запускай эфир! Сейчас!

— Поток пошел! — отозвалась Мира. — «Facebook», «YouTube», «Twitter». Заголовок: «Прямой эфир: Похищение ребенка бизнесменом Демиром Карманом».

На экранах тысяч смартфонов, чьи владельцы еще не спали или уже проснулись, всплыло уведомление. Картинка дернулась, сфокусировалась. Люди увидели серую полосу аэродрома, самолет и одинокую женщину, идущую навстречу вооруженным людям.

Демир заметил её, когда до трапа оставалось метров двадцать. Он замер. Охрана мгновенно перестроилась, образуя живой щит, но оружие пока не поднимали — слишком много свидетелей, даже здесь, на частной территории.

— Демир! — крик Селин перекрыл вой турбин. — Отпусти её!

Карман обернулся. На его лице отразилась смесь ужаса и ярости. Он узнал жену. Женщину, которую он объявил сумасшедшей, которую запер в клинике, которую уничтожил в прессе. Она должна была быть сломленной, накачанной препаратами овощем. А она стояла здесь, посреди взлетной полосы, живая и опасная.

— Уберите её! — заорал Демир, обращаясь к начальнику охраны. — Это террористка! Она вооружена! Стреляйте!

Охранники замешкались. Они видели перед собой женщину с пустыми руками. Инстинкт наемника боролся с остатками здравого смысла.

— Это прямой эфир! — закричала Селин, поднимая руки, чтобы показать, что у неё нет оружия. — Демир, на нас смотрит весь мир! Миллионы людей видят, что ты делаешь! Отдай мне дочь!

Демир поднял голову. Он увидел дрон, который Мира запустила секундой ранее — маленькую жужжащую точку в небе. И он понял, что его план тихого отъезда рухнул. Его «иммунитет», его связи, его деньги — все это сейчас не имело значения перед объективом камеры.

Страх — плохой советчик. А паника — худший из возможных.

Демир схватил Айлин и прижал её к себе. Он выхватил пистолет — изящный, хромированный, подарочный экземпляр, который носил скорее для статуса, чем для боя.

— Не подходи! — взвизгнул он. Голос сорвался на фальцет. — Я убью её! Клянусь, я убью её!

Он приставил ствол к виску собственной дочери.

На крыше ангара Ардин перестал дышать. Мир замер. В прицеле он видел искаженное лицо Демира, видел расширенные от ужаса глаза девочки, видел дуло пистолета, упирающееся в детскую шапочку.

Это было дежавю. Страшное, тошнотворное повторение прошлого. Стадион. Взрыв. Детский кроссовок. Только теперь он мог вмешаться. У него был палец на спусковом крючке.

— Ардин, стреляй! — голос Селин в наушнике был полон мольбы. Она видела пистолет у виска дочери и понимала, что переговоры кончились.

Ардин поймал голову Демира в перекрестие. Расстояние — двести метров. Ветер боковой, порывистый. Цель движется хаотично. Демир прикрывался ребенком, как щитом. Его голова то появлялась, то исчезала за головой Айлин.

— Не могу, — прохрипел Ардин. — Слишком близко. Риск задеть девочку... девяносто процентов.

Его руки, обычно твердые как камень, предательски дрогнули. Перед глазами всплыло лицо его сына. Эмира. Если он промахнется... Если пуля пройдет навылет... Он убьет ребенка. Снова.

— Он сейчас выстрелит! — закричала Мира. — Ардин!

Демир пятился к трапу, волоча за собой упирающуюся Айлин. Девочка начала плакать, её ноги скользили по мокрому бетону.

— Назад! — орал Демир, размахивая пистолетом. — Все назад! Я заберу её с собой! Она моя собственность!

Он верил в это. В его извращенном мире, построенном на праве сильного, жена и дочь были активами. Активами, которые вышли из-под контроля и подлежали либо возврату, либо списанию. Дегуманизация, о которой они говорили в эллинге, сработала в обе стороны. Он расчеловечил их, но в процессе расчеловечил и себя, превратившись в функцию удержания власти.

Ардин пытался поймать ритм дыхания. Вдох. Выдох. Пауза. Между ударами сердца. Но сердце колотилось как бешеное, сбивая прицел.

В этот момент от ограждения отделилась тень.

Раян.

Он был ранен. Его левая рука висела на перевязи, пропитанной свежей кровью — швы разошлись во время перебежки. Лицо было бледным, почти прозрачным в свете прожекторов. Но он шел.

Он не прятался. Он не бежал зигзагами. Он просто вышел на бетон, прямо под свет фар джипов охраны.

— Раян, нет! — выдохнул Ардин. — Что ты делаешь, идиот?! Уйди с линии огня!

Но Раян не слышал. Или не слушал. Он шел к Демиру. Медленно, шаг за шагом, поднимая здоровую правую руку ладонью вперед. Жест мира. Жест остановки.

— Демир! — голос Раяна был тихим, но в странной акустике аэродрома он прозвучал громче рева турбин. — Посмотрите на меня.

Демир дернулся, переводя безумный взгляд на новую фигуру.

— Кто ты такой? Еще один террорист? Стой, или я выстрелю!

— Я не террорист, — Раян продолжал идти. — И вы не убийца. Пока еще нет.

— Я сказал, стой! — Демир выстрелил.

Пуля ударила в бетон у ног Раяна, выбив фонтан крошки. Раян даже не моргнул. Он не остановился.

— Вы боитесь, — говорил он, сокращая дистанцию. — Вы думаете, что весь мир против вас. Но посмотрите на девочку. Это ваша дочь. Она боится вас больше, чем всего мира.

Охрана замерла. Наемники видели многое: штурмы, перестрелки, зачистки. Но они никогда не видели человека, который идет на ствол с пустой рукой и спокойной улыбкой. Это ломало их шаблоны. Это было «не по уставу». В их мире сила измерялась калибром, а не духом.

— Уберите его! — визжал Демир, пятясь по трапу. — Убейте его!

Никто не выстрелил. Снайперы охраны видели, что парень безоружен. И они знали, что их снимают. Убивать безоружного в прямом эфире — это билет в один конец, даже для «псов войны».

Раян подошел на расстояние десяти метров.

— Отпустите её, Демир. Вы можете улететь. Никто вас не тронет. Но оставьте ребенка. Она не щит. Она человек.

— Она моя! — Демир сильнее прижал ствол к голове Айлин. Девочка зажмурилась.

— Нет, — мягко сказал Раян. — Никто не принадлежит никому. Вы строите стены, вы покупаете законы, вы нанимаете армии, чтобы защитить себя от страха. Но страх внутри вас. Отпустите её, и страх уйдет.

Это был момент истины. Столкновение двух миров. Мира Демира, где все решала сила и контроль, и мира Раяна, где сила была в отказе от насилия.

Ардин смотрел на это через оптику и чувствовал, как внутри него что-то ломается. Его парадигма «зло понимает только силу» трещала по швам. Раян, этот «святой идиот», делал то, что не мог сделать он со своей снайперской винтовкой. Он разоружал врага не пулей, а словом.

Демир колебался. Его рука с пистолетом дрогнула. На секунду в его глазах мелькнуло что-то человеческое — сомнение, усталость, осознание чудовищности происходящего.

Но в этот момент зазвонил телефон Демира. Резкий, требовательный рингтон.

Это был триггер. Звук из внешнего мира, который напомнил ему, что он загнан в угол. Что его счета арестованы, его репутация уничтожена, и единственное, что у него осталось для торга — это жизнь дочери.

Лицо Демира снова окаменело. Маска вернулась.

— Вы все сдохнете! — заорал он. — Я заберу её!

Он начал поднимать пистолет, чтобы выстрелить в Раяна.

— Сейчас! — крикнул Ардин сам себе.

Момент колебания Демира создал зазор. Он чуть отстранил голову дочери от своего тела, чтобы прицелиться в парня.

Ардин задержал дыхание. Синий кроссовок во внутреннем кармане словно нагрелся, прожигая кожу. *«Не промахнись, папа»*.

Он плавно нажал на спуск.

Выстрел винтовки прозвучал как удар хлыста. Отдача толкнула плечо.

Внизу, на трапе, голова Демира дернулась назад, словно от невидимого удара. Красное облако брызнуло на белый фюзеляж самолета. Пистолет выпал из его руки, звякнув о металлические ступени. Тело бизнесмена, потеряв опору, мешком свалилось с трапа на бетон.

Айлин осталась стоять на верхней ступеньке. Одна. Забрызганная кровью отца, но живая.

Тишина, наступившая после выстрела, была оглушительной. Турбины продолжали вить, но этот звук казался фоновым шумом.

— Айлин! — Селин бросилась к трапу.

Охрана очнулась. Начальник службы безопасности, профессионал, мгновенно оценил ситуацию. Клиент мертв. Контракт аннулирован. Продолжать бой бессмысленно, особенно под камерами.

— Оружие на предохранитель! — рявкнул он своим людям. — Отходим!

Наемники начали организованно отступать к машинам. Им не платили за месть. Им платили за защиту, которую они провалили.

Селин взбежала по трапу, подхватила дочь на руки и прижала к себе, закрывая её лицо от вида мертвого отца.

— Все хорошо, милая, все хорошо, мама здесь...

Раян стоял на коленях. Силы оставили его. Адреналин схлынул, и боль в раненом плече вернулась с удвоенной силой. Он смотрел на тело Демира и в его глазах не было торжества. Только глубокая печаль.

— Ты убил его, — прошептал он, зная, что Ардин не слышит. — Ты все-таки сделал это.

Ардин на крыше опустил винтовку. Он смотрел в прицел на воссоединение матери и дочери. Он должен был чувствовать облегчение. Он спас ребенка. Он наказал злодея. Он выполнил свою работу.

Но облегчения не было. Была пустота. Он снова убил. Он снова переступил черту. Да, на этот раз ради спасения, но кровь на руках от этого не стала светлее.

— Мира, — сказал он в микрофон. Голос был глухим, чужим. — Глуши эфир.

— Ардин... — голос Миры дрожал. — Ты видел? Комментарии... Люди... Они пишут...

— Что они пишут? Что я герой? Или что я убийца?

— Они пишут: «Спасибо».

Ардин горько усмехнулся. Спасибо за смерть. Мир не меняется.

Он начал спускаться с крыши. Ему нужно было уходить. Полиция будет здесь через пять минут. Сирены уже выли где-то на шоссе.

Внизу, на полосе, Раян попытался встать, но ноги подкосились. Он упал на бок, прямо в лужу, смешанную с маслом и дождевой водой.

— Раян! — Селин, все еще держа дочь, обернулась.

Ардин спрыгнул с пожарной лестницы и побежал к ним. Он видел, как расплывается красное пятно на повязке Раяна.

— Держись, парень, — Ардин упал рядом с ним на колени. — Не смей отключаться.

Раян посмотрел на него мутным взглядом.

— Ты спас её, — прошептал он. — Но какой ценой, Ардин? Какой ценой?

— Ценой пешки, — жестко ответил Ардин, поднимая его здоровой рукой. — В шахматах пешками жертвуют, чтобы спасти королеву. Вставай. Нам нужно уходить.

— Я не могу... — Раян закрыл глаза.

— Можешь! — Ардин взвалил его на себя. Боль в собственных ребрах взорвалась сверхновой, но он зарычал и выпрямился. — Ты не умрешь здесь. Не сегодня. Ты должен жить, чтобы доказать мне, что я был неправ. Слышишь? Живи назло мне!

Они ковыляли к машине, которую Мира подогнала к пролому в ограждении. Селин бежала рядом, неся Айлин. Девочка молчала, уткнувшись лицом в шею матери. Она была в шоке. Этот день навсегда останется в её памяти запахом крови и звуком выстрела.

Мира сидела за рулем, бледная как смерть. Она видела убийство через экран монитора. Она видела, как голова её врага, человека, который разрушил их жизни, разлетелась на куски. И ей было страшно от того, что она не чувствовала жалости.

— Куда? — спросила она, когда они ввалились в салон.

— В порт, — сказал Ардин, захлопывая дверь.

— Что? — Селин обернулась с переднего сиденья. — Ты с ума сошел? Там твой отец! Там ловушка!

— Нет, — Ардин посмотрел на Раяна, который лежал у него на коленях, теряя сознание. — Там единственное место, где нас не будут искать копы. И там есть медицинский блок. Я видел его на схемах.

— Ты хочешь вернуться к Архитектору? — ужаснулась Мира.

— Я хочу закончить партию, — ответил Ардин. — Демир был пешкой. Мы его убрали. Но король все еще на доске. И пока он там, игра не закончена.

Он достал из кармана синий кроссовок и вложил его в здоровую руку Раяна.

— Держи. Это твой залог. Ты вернешь мне его, когда мы выберемся.

Раян слабо сжал пальцы.

Машина рванула с места, оставляя позади аэродром, тело бизнесмена и иллюзию того, что справедливость восторжествовала.

Ардин смотрел в заднее стекло. Туман рассеивался. Вставало солнце — холодное, равнодушное солнце нового дня. Дня, в котором он стал убийцей, чтобы спасти невинность.

Но он знал, что главный бой еще впереди. Бой не с внешним врагом, а с тем, что проснулось внутри него в момент выстрела. Волк попробовал свежей крови. И теперь загнать его обратно в клетку будет стоять дороже, чем жизнь.

— Прости меня, Эмир, — прошептал он одними губами. — Я не смог спасти тебя. Но я спас её.

Машина растворилась в утреннем трафике Стамбула, увозя четырех сломленных людей навстречу их последнему выбору. Система дала трещину, но она все еще стояла. И чтобы обрушить её, нужно было ударить в самый фундамент. В того, кто её спроектировал.

В Архитектора.

Глава 16: Цена прощения

Дождь над портом Хайдарпаша превратился в ледяную крупу, которая секла лицо, словно мелкая дробь. «Босфор Логистик» встречал их не как убежище, а как склеп. Огромные ворота четвертого ангара были распахнуты, зияя чернотой, в которой угадывались силуэты контейнеров, выстроенных в лабиринт.

Ардин выжал тормоз, и машина, вильнув на мокром бетоне, замерла у входа.

— Быстрее! — рявкнул он, распахивая заднюю дверь.

Раян был без сознания. Его лицо приобрело цвет старой бумаги, а повязка на плече, наспех сделанная Селин, пропиталась темной, густой кровью. Пуля, предназначенная ребенку, вошла глубоко, задев артерию или легкое — дыхание парня было прерывистым, с булькающим хрипом.

— Держи его голову, — скомандовал Ардин Мире.

Они вытащили Раяна наружу. Каждое движение причиняло Ардину боль — сломанные ребра напоминали о себе раскаленными иглами, но адреналин глушил всё. Он взвалил обмякшее тело парня на плечо, чувствуя, как теплая кровь стекает по его собственной спине, смешиваясь с потом и дождем.

Внутри ангара горел дежурный свет. Тени плясали по стенам.

— Ты вернулся, — голос прозвучал сверху, с металлической площадки офисного блока.

Бесим стоял у перил, держа в руке бокал. Он выглядел так, словно не было никакой перестрелки, никакого разбитого стекла и попытки убить собственного сына несколько часов назад. На нем был свежий костюм, а седые волосы были идеально уложены. Только в глазах застыло что-то новое — не ярость, а холодное, расчетливое ожидание.

— Мне нужна помощь, — хрипло бросил Ардин, не останавливаясь. — У нас раненый.

— Ты притащил сюда подранка? — Бесим усмехнулся, делая глоток. — Это не госпиталь, Ардин. Это база. Здесь добивают, а не лечат.

— Здесь есть медблок. Я видел его на схемах. Открывай, или я разнесу этот аквариум вместе с тобой.

Бесим посмотрел на сына, потом на окровавленного Раяна, висящего на его плече, на дрожащую Селин, прижимающую к себе дочь, и на Миру с ноутбуком.

— Сентиментальность тебя погубит, — произнес он равнодушно, но нажал кнопку на пульте.

В глубине ангара с шипением отъехала дверь в стерильно-белое помещение. Это была не просто аптечка, а полноценная операционная для полевой хирургии — наемники Бесима часто возвращались с заданий не целиком.

Ардин уложил Раяна на стальной стол. Селин тут же бросилась к шкафам с инструментами. Её руки, привыкшие держать бокалы на светских раутах, теперь действовали с пугающей эффективностью. Она рвала упаковки с бинтами, набирала в шприцы обезболивающее. Материнский инстинкт, помноженный на ужас пережитого, превратил её в машину по спасению.

— Мира, держи зажим! — крикнула она. — Ардин, свет!

Ардин направил лампу на рану. Зрелище было скверным. Выходного отверстия не было. Пуля застряла внутри, превращая плоть в месиво.

— Он умирает, — тихо сказал Бесим, неслышно подойдя к дверям медблока. Он оперлся плечом на косяк, наблюдая за суетой с видом энтомолога. — Слишком большая кровопотеря. Шок. Ты зря тратишь время, сын.

— Заткнись, — прорычал Ардин, не оборачиваясь. — Если он умрет, ты следующий.

— О, я и так следующий, — спокойно ответил отец. — Ты не слышишь?

Ардин замер. Сквозь шум дождя и собственное тяжелое дыхание он уловил звук. Далекий, нарастающий вой. Не полицейские сирены. Это был гул тяжелых моторов и лопастей вертолета.

— Они идут, — сказал Бесим. — Операция «Тишина». Твоя подружка с ноутбуком наделала слишком много шума. Система не любит, когда её грязное белье полощут в прямом эфире. Они решили обнулить всех. Меня, тебя, свидетелей.

Он посмотрел на часы.

— У нас минут десять до штурма. Спецназ жандармерии, усиленный группой зачистки. Пленных не будет.

Мира подняла голову от стола. Её лицо было белым как мел.

— Они убьют нас всех? Даже Айлин?

— Для них нет детей, — усмехнулся Бесим. — Есть «сопутствующий ущерб». Ты сама читала их методички, девочка. Мы теперь — биологическая угроза. Тараканы. А тараканов травят газом.

Ардин выпрямился. Он посмотрел на Раяна. Парень дышал, но каждый вдох давался ему с трудом. Его глаза были полуоткрыты, но взгляд блуждал где-то далеко.

— Мы уходим, — сказал Ардин. — Есть путь через коллекторы. Ты говорил о нем.

— Я не крыса, чтобы бегать по канализации, — Бесим поправил манжеты. — Я Архитектор. Я построил этот дом, и я останусь в нем. А вы... бегите. Если успеете.

В этот момент ворота ангара содрогнулись от удара. Но это был не таран спецназа. В проем влетел черный внедорожник, пробив ограждение. Машина, дымя пробитым радиатором, пронеслась по цеху и врезалась в штабеля ящиков.

Дверь водителя распахнулась. Из салона вывалился человек.

Демир Карман.

Он был жив. Пуля Ардина на аэродроме лишь скользнула по черепу, сорвав кусок кожи и оглушив его, но ярость и безумие оказались сильнее контузии. Его лицо было залито засохшей кровью, одна рука висела плетью, но во второй он сжимал пистолет-пулемет.

— Где она?! — заорал он. Голос срывался на визг. — Отдай мне мою дочь!

Он увидел свет в медблоке и, шатаясь, двинулся туда. За ним из машины вылезли двое уцелевших охранников — верные псы, которым уже нечего было терять, кроме обещанного гонорара.

— Демир, — Бесим шагнул навстречу, раскинув руки. — Ты опоздал на вечеринку. Твои хозяева уже выписали ордер на твою ликвидацию.

— Мне плевать! — Демир вскинул оружие. — Я заберу то, что принадлежит мне!

Он открыл огонь. Очередь прошла веером, высекая искры из металла. Бесим нырнул за погрузчик с грацией, удивительной для его возраста.

Ардин мгновенно погасил свет в медблоке.

— На пол! — крикнул он женщинам. — Закройте дверь изнутри!

Он выскользнул в полумрак ангара. Теперь это была его стихия. Лабиринт, тени, охота.

Демир палил вслепую, крича имя дочери. Он окончательно потерял человеческий облик. Это был уже не бизнесмен, не отец, а сгусток уязвленного эго, требующий сатисфакции.

Ардин двигался бесшумно, перетекая от укрытия к укрытию. Он видел охранников Демира. Двое. Профессионалы, но уставшие и дезориентированные.

Первого он снял тихо. Подошел сзади, удар рукоятью пистолета в основание черепа. Тело мягко осело на бетон.

Второй заметил движение и развернулся, но Ардин был быстрее. Два выстрела. В колено и в плечо. Наемник рухнул, выронив автомат.

Остался Демир.

Он стоял посреди прохода, перезаряжая оружие трясущимися руками. Кровь заливала ему глаза.

— Выходи, крыса! — орал он. — Я знаю, что ты здесь! Ты украл мою жизнь!

Ардин вышел из тени. Он не прятался. Он шел прямо на него, опустив пистолет.

— Я не крал твою жизнь, Демир. Ты сам продал её. По частям.

Демир вскинул пистолет-пулемет.

— Сдохни!

Щелчок. Осечка. Или пустой магазин.

Демир в ужасе посмотрел на оружие, потом отшвырнул его и выхватил нож из-за пояса. Он бросился на Ардина с воем загнанного зверя.

Это была короткая схватка. Ардин перехватил руку с ножом, используя инерцию противника. Удар в корпус, подсечка. Демир рухнул на спину, хрипя от боли.

Ардин навис над ним. Он прижал колено к груди Демира, вдавливая его в бетон. В его руке был пистолет. Дуло смотрело прямо в переносицу человека, который заказал убийство его семьи.

Вот он, момент истины. Нажать на спуск. Одно движение пальца — и справедливость восторжествует. Кровь за кровь.

В голове Ардина зазвучал голос отца: *«Давай, сын. Добей его. Стань волком»*.

И другой голос, тихий, слабеющий, из медблока: *«Убив дракона, ты становишься им»*.

Ардин смотрел в глаза Демира. В них был животный страх. Этот человек, который с легкостью подписывал сметы на теракты, который называл людей «биомассой», сейчас дрожал, как осиновый лист.

Убить его было бы милосердием. Убить его значило бы признать его равным. Признать его воином.

Но он не был воином. Он был торговцем страхом.

— Нет, — сказал Ардин.

Он убрал пистолет за пояс.

Демир моргнул, не веря своим глазам.

— Ты... ты не убьешь меня?

— Смерть для тебя — слишком легкий выход, — голос Ардина был холодным, как лед Босфора. — Ты будешь жить. Ты будешь жить и помнить, что тебя пощадил тот, кого ты считал тараканом.

Демир оскалился и попытался ударить Ардина ножом снизу.

Ардин перехватил его запястье. Резкое, сухое движение. Хруст кости был громче выстрела.

Демир закричал.

Ардин перехватил вторую руку. Еще одно движение. Хруст.

Демир выгнулся дугой, воя от боли. Его руки, которыми он подписывал приговоры, которыми он держал пистолет у виска дочери, теперь висели бесполезными плетями.

— Ты никогда больше не сможешь держать оружие, — сказал Ардин, вставая.
— И ты никогда не сможешь обнять дочь. Ты — никто.

Это была не месть. Это была хирургия. Ардин обезвредил угрозу, не запятнав душу убийством безоружного. Он оставил Демира валяться в грязи, сломленного, уничтоженного, но живого.

Снаружи раздался грохот. Стены ангара задрожали. Спецназ пошел на штурм.

— Уходите! — крикнул Бесим, появляясь из-за погрузчика. В руках у него была штурмовая винтовка. — Я задержу их.

Ардин посмотрел на отца. Впервые за все время в глазах старика не было насмешки.

— Почему? — спросил Ардин.

— Потому что ты не выстрелил, — ответил Бесим. — Ты победил меня, сын. Ты оказался сильнее. Ты остался человеком. А я... я просто старый солдат, которому пора на покой.

Он кинул Ардину связку ключей.

— Задний двор. Синий фургон. Это «скорая». Я держал её на случай эвакуации. Увози парня.

— Идем с нами, — неожиданно для себя сказал Ардин.

Бесим покачал головой.

— Мой фундамент треснул, Ардин. Я должен остаться под обломками. Иди!

В ворота ударили светошумовые гранаты. Ангар наполнился ослепительными вспышками и грохотом.

Бесим развернулся к входу и открыл огонь. Он стоял в полный рост, не прячась. Архитектор, защищающий руины своего мира.

Ардин бросился в медблок.

— Грузим его! Быстро!

Они вытащили Раяна через заднюю дверь. Фургон с красным крестом стоял в тени навеса. Ардин сел за руль, Мира и Селин с Айлин забрались назад, укладывая Раяна на носилки.

Когда они выезжали с территории порта, позади раздался чудовищный взрыв. Четвертый ангар превратился в огненный шар. Бесим не стал ждать пули спецназа. Он активировал систему самоуничтожения, забрав с собой секреты, архивы и, возможно, передовой отряд штурмующих.

Ардин смотрел в зеркало заднего вида на поднимающийся столб черного дыма. Отец умер так же, как жил — громко, жестоко и по своим правилам. Но он дал им шанс.

— Как он? — спросил Ардин, выжимая газ. Сирена «скорой» разгоняла редкие машины на утреннем шоссе.

— Плохо, — голос Селин дрожал. — Пульс нитевидный. Он теряет сознание.

Ардин гнал машину, нарушая все правила. Ему нужно было довезти Раяна до городской больницы. До настоящих врачей. Он не мог позволить ему умереть. Не после всего этого.

— Раян, слышишь меня? — крикнул он через плечо. — Не смей засыпать! Мы почти приехали!

В салоне было тихо. Только писк кардиомонитора, который был встроен в оборудование «скорой», становился все реже.

— Ардин... — слабый шепот.

Ардин ударил по тормозам, сворачивая на обочину. Он не мог вести машину и слушать, как уходит жизнь.

Он перелез назад.

Раян лежал бледный, почти прозрачный. Его грудь едва поднималась. Кровь пропитала все простыни.

Ардин упал на колени рядом с носилками. Он взял руку парня. Она была ледяной.

— Держись, брат, — голос Ардина сорвался. — Ты же сильный. Ты вышел против ствола. Ты не можешь сейчас сдаться.

Раян открыл глаза. В них уже не было боли. Только бесконечный покой и какая-то детская ясность.

— Ты... не убил его, — прошептал он. Это был не вопрос. Утверждение.

— Не убил, — кивнул Ардин, сжимая его руку. — Я сломал ему руки. Но он жив. Я не стал драконом, Раян. Ты победил.

Тень улыбки коснулась губ умирающего.

— Значит... не зря.

Он попытался вздохнуть, но из горла вырвался лишь влажный хрип.

— Кроссовок... — едва слышно произнес он.

Ардин полез в карман. Достал синий детский башмачок. Тот самый, что прошел с ним через ад. Он вложил его в ладонь Раяна.

— Верни его мне, когда поправишься, — сказал Ардин, глотая слезы. — Слышишь? Это залог.

Раян сжал пальцы вокруг кроссовка. Слабо, очень слабо.

— Ардин... — его взгляд сфокусировался на лице бывшего комиссара. — Пообещай...

— Что? Все что угодно.

— Не дай... ненависти... вернуться. Береги их. И... прости себя.

Последние слова прозвучали на выдохе. Грудь Раяна опустилась и больше не поднялась. Писк монитора превратился в сплошную, ровную линию. Тонкую нить, отделяющую бытие от небытия.

В тесном салоне «скорой» повисла тишина, страшнее любого взрыва.

Мира закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Селин прижала голову Айлин к своей груди, закрывая ей уши, словно пытаясь защитить от звука смерти.

Ардин смотрел на лицо Раяна. Оно разгладилось. Исчезла гримаса боли, исчезло напряжение последних дней. Он выглядел так, словно просто уснул. Святой идиот, который верил, что слово сильнее пули. И который доказал это ценой своей жизни.

Ардин медленно разжал пальцы Раяна и забрал кроссовок. Теперь этот предмет весил тонну. В нем была память не только о сыне, но и о человеке, который спас душу Ардина.

Он вышел из машины под дождь. Утро вступало в свои права. Серое, промозглое стамбульское утро. Город просыпался, не зная, что этой ночью в порту сгорела целая эпоха лжи, а на обочине дороги умер человек, который был слишком хорош для этого мира.

Ардин поднял лицо к небу. Дождь смывал с него копоть пожара и кровь отца. Но он не мог смыть пустоту внутри.

Он не стал убийцей. Он сдержал слово. Но цена этого прощения оказалась непомерной.

Он достал телефон. Экран светился уведомлениями. Новостные ленты взрывались. Видео с аэродрома, слитые документы, взрыв в порту. Система трещала по швам.

Но Ардину было все равно.

Он посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Они были руками человека, который сделал выбор. Самый трудный выбор в своей жизни.

Он вернулся в машину.

— Мы едем, — сказал он глухо.

— Куда? — спросила Мира сквозь слезы.

— В полицию.

Селин вскинула голову.

— Ардин, нет! Они посадят тебя!

— Пусть, — он завел мотор. — Мы больше не бежим. Мы рассказали правду. Теперь пусть мир решает, что с ней делать. Раян не прятался. И мы не будем.

Он посмотрел на тело друга в зеркало заднего вида.

— Это мой последний бой, — сказал Ардин. — Бой без оружия. Как ты и хотел.

Машина тронулась, вливаясь в поток утреннего трафика. Сирена молчала. Им больше некуда было спешить. Смерть уже забрала свою дань, а жизнь... жизнь только начиналась. Трудная, поломанная, но честная.

На приборной панели лежал синий кроссовок. Маленький маяк в океане скорби. Свидетель того, что даже в самой глубокой тьме человек может остаться человеком, если рядом есть тот, кто готов заплатить за это высшую цену.

Глава 17: Эхо

Судья ударил молотком. Звук был сухим, коротким и окончательным, словно кто-то захлопнул крышку гроба. В переполненном зале суда номер четыре Дворца правосудия Чаглаян повисла тишина, нарушаемая лишь стрекотом затворов фотокамер и шелестом блокнотов репортеров.

Демир Кармана сидел на скамье подсудимых, ссутулившись, словно из него вынули стальной стержень, на котором держалась вся его империя. Его руки, все еще закованные в медицинские фиксаторы после переломов, покоились на коленях. Он не смотрел ни на судью, ни на прокурора, ни на бывшую жену, сидевшую в первом ряду. Человек, который еще полгода назад считал себя хозяином Стамбула, превратился в статистическую единицу пенитенциарной системы.

— Приговаривается к двадцати двум годам лишения свободы в колонии строгого режима, — монотонно зачитал судья.

Формулировки были тяжеловесными: «организация преступного сообщества», «похищение человека», «незаконный оборот оружия», «финансирование террористической деятельности». Но в этом списке не было главного. В нем не было слова «геноцид» или «преступление против человечности». Система, осуждая одного из своих винтиков, старательно избегала самообличения. Демира судили как частное лицо, как зарвавшегося бизнесмена, а не как спонсора идеологии ненависти.

Ардин стоял в задней части зала, прислонившись к стене. Он не чувствовал торжества. Справедливость, о которой он мечтал, стоя над руинами стадиона, оказалась не сияющим мечом, а стопкой бумаги с печатями. Демир сядет. Его активы арестованы. Его репутация уничтожена. Но те, кто писал методички о «дегуманизации», остались в своих кабинетах.

Ардин перевел взгляд на экран телевизора в холле, который было видно через открытую дверь. Там шел новостной выпуск. Профессор Искандер Озтюрк, гладко выбритый и спокойный, давал комментарий по поводу приговора.

— Это печальный пример того, как личные амбиции и бесконтрольность приводят к трагедии, — вещал Озтюрк с экрана. — Господин Карман стал жертвой собственной гордыни. Однако это не должно бросать тень на важную работу, которую ведут общественные организации по защите наших традиционных ценностей от деструктивного влияния...

Ардин усмехнулся. Гидра отрубила больную голову и тут же отрастила новую. Озтюрк переобулся в воздухе, открестившись от своего спонсора. Теперь он называл Демира «радикалом», искажившим светлые идеи безопасности.

— Ты ожидал другого? — тихий голос Миры раздался рядом.

Она выглядела старше. Шрам на плече зажил, но в её взгляде появилась жесткость, которой не было раньше. В руках она держала книгу. Твердая обложка, черно-белое фото порта на развороте. Название было простым: «Анатомия страха».

— Нет, — ответил Ардин. — Я знал, что они сдадут его. Пешки всегда платят за королей.

— Но мы заставили их бояться, — сказала Мира. — Мне пишут тысячи людей. Они начинают задавать вопросы. Раньше они верили телевизору безоговорочно.

Теперь, когда они слышат слово «секта», они спрашивают: «А кому это выгодно?». Это трещина, Ардин. Маленькая, но она есть.

Ардин кивнул. Он знал цену этой трещине. Она была оплачена кровью Раяна.

После оглашения приговора толпа хлынула к выходу. Селин пробиралась сквозь кордон журналистов, держа за руку Айлин. Девочка больше не прятала лицо. Она смотрела на мир серьезными, взрослыми глазами ребенка, который слишком рано узнал, что монстры живут не под кроватью.

Ардин и Мира вышли на улицу, где их встретил влажный ветер с Босфора. Осень вступала в свои права, смывая пыль и жару прошедшего лета. Лета, которое изменило их всех.

— Ты уезжаешь сегодня? — спросил Ардин, когда они подошли к машине Селин.

— Да, — Селин поправила шарф. Она выглядела спокойной. Исчезла та загнанность, тот животный страх, который преследовал её месяцами. Она вернула себе не только дочь, но и собственное имя. Суд признал все экспертизы Озтюрка несостоятельными. Диагноз «зависимое расстройство» был снят. — Дом в Измире уже готов. Там тихо. Море, оливковые рощи. Айлин пойдет в обычную школу.

Она посмотрела на Ардина долгим, теплым взглядом.

— Ты мог бы поехать с нами. Там найдется место.

Ардин покачал головой.

— Я не создан для оливковых рощ, Селин. Моя война не закончена. Она просто перешла в другую фазу.

— Ты все еще ищешь его? — спросила она шепотом.

— Кого?

— Волка внутри себя.

Ардин посмотрел на свои руки. Шрамы на костяшках побелели.

— Я научился держать его на цепи. Но я не могу уехать. Этот город... здесь слишком много теней. Кто-то должен за ними присматривать.

Селин понимающе кивнула. Она знала, что он не вернется в полицию. Система выплюнула его, как инородное тело. Но он и не стал преступником. Он стал кем-то третьим. Санитаром, который работает там, куда не доезжает официальная «скорая помощь».

— Спасибо, — сказала она. — За то, что не выстрелил тогда. За то, что Айлин не увидела, как её отец умирает.

— Это не я, — ответил Ардин. — Это Раян.

При упоминании этого имени повисла пауза. Светлая, звенящая тишина посреди городского шума.

— Я буду писать, — пообещала Мира, обнимая Селин. — И я приеду к вам на Рождество.

Селин села в машину. Айлин помахала им рукой через стекло. Автомобиль тронулся, увозя их в новую жизнь — жизнь без охраны, без прослушки, без страха быть названными «вирусом».

Ардин и Мира остались стоять на тротуаре.

— А что теперь будешь делать ты? — спросил он Миру.

— У меня презентация книги в Анкаре. Потом серия лекций в университетах. Я хочу говорить со студентами. Озтюрк вербует молодежь через страх, я буду вербовать их через правду. А мой отец...

Она запнулась. Халук бей избежал тюрьмы, пойдя на сделку со следствием. Он сдал схемы финансирования Демира, но сохранил лицензию. Однако для дочери он перестал существовать.

— Он пытается звонить, — сказала Мира. — Но мне нечего ему сказать. Он выбрал комфорт вместо совести. Это его право. А мое право — не быть частью его комфорта.

Она достала из сумки экземпляр своей книги и протянула Ардину.

— Возьми. Это первый экземпляр. Там, на последней странице... это для тебя.

Ардин открыл книгу. На форзаце не было дарственной надписи. Там была только одна строчка, напечатанная мелким шрифтом: *«Посвящается тем, кто разорвал круг»*.

— Я пойду, — сказал Ардин, закрывая книгу. — У меня есть еще одно дело.

— Передай ему привет, — тихо сказала Мира.

Ардин кивнул и направился к своему старому «Форду». Ему предстояла долгая дорога на окраину, туда, где город заканчивался и начиналась вечность.

Кладбище Караджаахмет было старым, густо заросшим кипарисами. Здесь пахло сырой землей, хвоей и увядающими хризантемами. Ардин шел по узкой дорожке, петляющей между мраморными надгробиями. Дождь снова начал накрапывать, но это был не тот холодный, злой ливень, что в ночь штурма. Это был спокойный, очищающий дождь.

Могила была свежей. Простой камень из серого гранита. Никаких пафосных эпитафий. Только имя, даты и короткая надпись: *«Блаженны миротворцы»*.

Ардин остановился. Он стоял молча, слушая, как капли стучат по его кожаной куртке.

— Ну, здравствуй, святой идиот, — произнес он вслух.

Ему казалось, что Раян сейчас выйдет из-за дерева, улыбнется своей застенчивой улыбкой и скажет что-то о том, что курить вредно, а ненависть разрушает печень.

— Ты победил, — продолжил Ардин. — Демир в тюрьме. Мой отец мертв. А я... я стою здесь, и мои руки чисты. Относительно чисты.

Он вспомнил тот момент в ангаре. Хруст костей Демира. Это было жестоко, да. Но это была жизнь, а не смерть. Он оставил врага жить с его позором, и это оказалось страшнее пули. Демир сломлен. Он больше не опасен.

Ардин сунул руку во внутренний карман куртки. Туда, где последние месяцы он носил свою боль.

Он достал синий детский кроссовок.

Маленький, потертый, с обрывком шнурка. Свидетель взрыва. Свидетель погони. Свидетель смерти Раяна. Этот предмет впитал в себя столько горя, что должен был весить тонну.

Ардин посмотрел на него в последний раз. Он помнил, как надевал его на ногу Эмира. Помнил тепло детской ножки. Долгое время он думал, что этот кроссовок — это всё, что осталось от его сына. Что это якорь, который держит его в прошлом, заставляя мстить.

Но теперь он понял. Эмир — это не кроссовок. Эмир — это любовь, которая была в его сердце. И эта любовь никуда не делась. Она просто трансформировалась. Она стала силой, которая позволила ему спасти Айлин.

— Я обещал вернуть его тебе, — сказал Ардин, обращаясь к могиле. — Ты держал его, когда уходил. Ты стал крестным отцом моего прощения, Раян.

Он опустился на колени и вырыл небольшую ямку в мягкой земле у самого основания памятника. Положил туда кроссовок. Бережно, как укладывают спать ребенка.

— Присмотри за ним там, — попросил Ардин. — И за Натой. Скажи им... скажи им, что я пытаюсь.

Он засыпал ямку землей.

В этот момент он почувствовал, как что-то отпустило его. словно лопнула невидимая струна, которая стягивала грудь все эти месяцы. Призрак сына, который приходил к нему в кошмарах, стоял в пыли разрушенного стадиона и звал его, исчез. Осталась только светлая печаль. Память, которая больше не режет, а греет.

Ардин встал. Его колени были в грязи, но он чувствовал себя странно легким.

Он не знал, что будет делать завтра. У него не было работы, не было семьи, не было дома — квартиру он продал, чтобы финансировать свое расследование. Но у него была жизнь. Та самая жизнь, которую он хотел отдать в обмен на месть, и которую Раян заставил его сохранить.

Он вышел с кладбища, когда солнце начало пробиваться сквозь тучи. Стамбул лежал перед ним — огромный, шумный, равнодушный и прекрасный. Город, в котором миллионы судеб переплетаются каждый день, сталкиваясь на перекрестках.

Ардин достал телефон. Там было одно непрочитанное сообщение. От неизвестного номера.

«Говорят, вы решаете проблемы, которые не может решить полиция. Мне нужна помощь. Они хотят забрать моего сына».

Ардин смотрел на экран.

Система не уничтожена. «Архитекторы» все еще чертят свои планы, превращая людей в цифры. Озтюрки все еще вещают с экранов. Но теперь в этом уравнении появилась новая переменная.

Люди, которые перестали бояться.

Ардин набрал ответ: *«Где и когда?»*

Он сел в машину и повернул ключ зажигания. Мотор отозвался уверенным рокотом.

Волк внутри него спал. Он не исчез, нет. Он свернулся калачиком где-то в глубине подсознания. Но теперь Ардин знал: волк — это не проклятие. Это просто сила. И только от него зависит, будет ли эта сила разрушать или защищать.

Он выехал на трассу, вливаясь в поток машин. Мимо проносились рекламные щиты, витрины магазинов, лица людей. Жизнь продолжалась.

Где-то в Измире Селин учила дочь плавать. Где-то в Анкаре Мира подписывала книги, глядя в глаза студентам. Где-то в тюремной камере Демир Карман смотрел на свои искалеченные руки и выл от бессилия.

А здесь, на дороге, бывший комиссар Ардин ехал на встречу с незнакомцем, чтобы снова встать между системой и человеком.

Эхо выстрела на аэродроме затихло. Но эхо поступка Раяна будет звучать еще долго. Оно будет звучать в каждом, кто прочитает книгу Миры. В каждом, кто откажется верить лжи. В каждом, кто выберет милосердие вместо мести.

Ардин включил радио. Играла какая-то старая песня о том, что ночь темнее всего перед рассветом.

— Рассвет уже наступил, — сказал он своему отражению в зеркале заднего вида.

И впервые за долгое время он улыбнулся. Не злой ухмылкой хищника, а усталой, но живой улыбкой человека, который выжил в аду и вынес оттуда не пепел, а огонь.

Машина растворилась в горизонте, став частью бесконечного движения города. История четырех столкнувшихся судеб закончилась. Но история борьбы за право оставаться человеком только начиналась.